

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 53 Brisbane, Australia, January 2013

Брисбен

53

Январь 2013 г.

"The Pearl" / "Zhemchuzhina"

Literary and Educational Journal in the Russian Language.

Published and printed by the editors of "The Pearl" / " Zhemchuzhina"

14 Bridle St., Mansfield, 4122, QLD, Australia.

"Жемчужина"

Литературно-художественный образовательный журнал.

Выпуск - 4 раза в год.

Copyright © The editors of "The Pearl" / " Zhemchuzhina"

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission.

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editors of "The Pearl" / " Zhemchuzhina"

National Library of Australia cataloguing-in-publication data

"The Pearl" / " Zhemchuzhina" - Literary and Educational Journal in the Russian Language.

Index

ISSN 1443-0266

Address: T. Maleevsky
14 Bridle St.,
Mansfield 4122,
QLD, Australia.

ВНИМАНИЕ:

в редакции Жемчужины новый Элек.-адрес

tamaleevpearl@optusnet.com.au

Просьба: посылая работу, обязательно делать пометку -
"For Pearl".

mobile: 0404559294

"Zhemchuzhina" ("The Pearl") is a magazine published at the editor's own expense as a non-profit publication for the Russian society; consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Журнал "Жемчужина" выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически.

Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Редакция объявляет годовую подписку на журнал на четыре номера вперёд.

Стоимость подписки, включая пересылку по Австралии: \$ 30

С Рождеством Христовым и Новым Годом!

*Редакция «Жемчужины» сердечно
поздравляет дорогих читателей,
подписчиков и друзей журнала
с Рождеством Христовым
и Новым 2012 годом!
Здоровья всем, счастья и успеха
во всех добрых начинаниях..*

Крещенская ночь

Темный ельник снегами, как мехом,
Опушили седые морозы,
В блестках инея, точно в алмазах,
Задремали, склонившись, березы.

Неподвижно застыли их ветки,
И меж ними на снежное лоно,
Точно сквозь серебро кружевное,
Полный месяц глядит с небосклона.

Высоко он поднялся над лесом,
В ярком свете своем цепenea,
И причудливо стелются тени,
На снегу под ветвями чернея.

Замело чащи леса метелью, -
Только льются следы и дорожки.
Убегая меж сосен и елок,
Меж березок до ветхой сторожки.

Убаюкала вьюга седая
Дикой песнею лес опустелый,
И заснул он, засыпанный вьюгой,
Весь сквозной, неподвижный и белый.

Спят таинственно стройные чащи,
Спят, одетые снегом глубоким,
И поляны, и луг, и овраги,
Где когда-то шумели потоки.

1886-1901

Тишина, - даже ветка не хрустнет!
А, быть может, за этим оврагом
Пробирается волк по сугробам
Осторожным и вкрадчивым шагом.

Тишина, - а, быть может, он близко...
И стою я, исполнен тревоги,
И гляжу напряженно на чащи,
На следы и кусты вдоль дороги,

В дальних чащах, где ветви и тени
В лунном свете узоры сплетают,
Все мне чудится что-то живое,
Все как будто зверьки пробегают.

Огонек из лесной караулки
Осторожно и робко мерцает,
Точно он притаился под лесом
И чего-то в тиши поджидает.

Бриллиантом лучистым и ярким,
То зеленым, то синим играя,
На востоке, у трона Господня,
Тихо блещет звезда, как живая.

А над лесом все выше и выше
Всходит месяц, - и в дивном покое
Замирает морозная полночь
И хрустальное царство лесное!

Иван Бунин

Рождество Христово

Благословен тот день и час,
 Когда Господь наш воплотился,
 Когда на землю Он явился,
 Чтоб возвести на Небо нас.
 Благословен тот день, когда
 Отверзлись вновь врата Эдема;
 Над тихой всею Вифлеема
 Взошла чудесная звезда!
 Когда над храминой убогой
 В полночной звездной полумгле
 Воспели «Слава в вышних Богу!» -
 Провозвестили мир земле
 И людям всем благоволенью!
 Благословен тот день и час,
 Когда в Христовом Воплощенье
 Звезда спасения зажглась!..
 Христианин, с Бесплотных Ликом
 Мы в славословии великом
 Сольем и наши голоса!
 Та песнь проникнет в небеса.
 Здесь воспеваемая долу
 Песнь тихой радости души
 Предстанет Божию Престолу!
 Но ощущаешь ли, скажи,
 Ты эту радость о спасеньи?
 Вступил ли с Господом в общенье?
 Скажи, возлюбленный мой брат,
 Ты ныне так же счастлив, рад,
 Как рад бывает заключенный
 Своей свободе возвращенной?
 Ты так же ль счастлив, как больной,
 Томимый страхом и тоской,
 Бывает счастлив в то мгновенье,
 Когда получит исцеленье?
 Мы были в ранах от грехов -
 Уврачевал их наш Спаситель!
 Мы в рабстве были - от оков
 Освободил нас Искушитель!
 Под тучей гнева были мы,
 Под тяготением проклятья -
 Христос рассеял ужас тьмы
 Нам воссиявшей благодатью.
 Приблизь же к сердцу своему
 Ты эти истины святые,
 И, может быть, еще впервые
 Воскликнешь к Богу своему
 Ты в чувстве радости спасенья!
 Воздашь Ему благодаренье,
 Благословишь тот день и час,
 Когда родился Он для нас.

К.Р.

П О Р О Ш А

Еду. Тихо. Слышны звоны.
 Под копытом на снегу,
 Только серые вороны
 Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
 Дремлет лес под сказку сна,
 Словно белою косынкой
 Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
 Оперлася на клюку,
 А над самою макушкой
 Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
 Валит снег и стелет шаль.
 Бесконечная дорога
 Убегает лентой вдаль.

Сергей Есенин.

Где сладкий шепот...

Где сладкий шепот
 Моих лесов?
 Потоков ропот,
 Цветы лугов?
 Деревья голы;
 Ковер зимы
 Покрыл холмы,
 Луга и доли.
 Под ледяной
 Своей корой
 Ручей немеет;
 Все цепенеет,
 Лишь ветер злой,
 Бушующий,
 И небо кроет
 Седую мглой.
 Зачем, тоскую,

В окно слезу я
 Метели лёт?
 Любимцу счастья
 Кров от ненастья
 Оно дает.
 Огонь трескучий
 В моей печи;
 Его лучи
 И пыл летучий
 Мне веселят
 Беспечный взгляд.
 В тиши мечтаю
 Перед живой
 Его игрой,
 И забываю
 Я бури вой.

Евгений Баратынский

Вячеслав Иванович Моцардо - московский кинорежиссёр, вокалист, композитор, публицист. Нет возможности в короткой заметке полностью раскрыть многогранный талант человека, беззаветно любящего свою страну, историю и культуру, посвятившего жизнь возрождению светлой памяти Православной Русской Монархии. Документальные фильмы «Великий Князь Константин Романов» (поэт К.Р. – ред.) и «Ольга Константиновна Романова - Королева Эллинов» - это всего лишь малая часть творений Моцардо, но даже они раскрывают сущность его светлой души. Будем надеяться, что в недалёком будущем сможем рассказать о замечательном режиссёре больше. А пока с благодарностью – с разрешения автора - публикуем на страницах «Жемчужины» его статью, посвящённую 400-

летию Дома Романовых.

Размышление о 400-летию династии Романовых

В 2013 году исполнится 400 лет Династии Романовых. Этого исторического события ждут все патриотические круги российского общества. Уже готовятся праздничные мероприятия всякими новоиспечёнными фондами, организациями, которые проведут театрализованные представления, гуляния и балы в честь убиенных Романовых. Чиновники новой России не собираются проводить достойных мероприятий, - на это денег, к сожалению, нет, и не будет...

Может быть, найдутся меценаты, которые любят свою историю и Отечество, и примут участие в серьёзных юбилейных проектах.

Помнить свою историю, беречь её и воспитывать молодежь на лучших традициях прошлого - это необходимое условие существования и развития любого народа, поэтому всякий гражданин, любящий Россию, обязан принять участие в намечаемых исторических торжествах.

Право, не знаю, не прозвучит ли мой голос диссонансом, но позволю всё-таки себе высказать личное мнение: смогут ли граждане новой России достойно отметить 400-летний юбилей Династии Романовых, не ответив на такие весьма сложные вопросы для организаторов:

- праздник ли это, или день скорби?
- всенародное покаяние или дань моде?
- каковы цели и задачи организаторов мероприятий, кто возглавит их в России, за рубежом?
- какие главные даты Россия будет отмечать в истории Романовых?
- будут ли города России серьёзно отмечать этот юбилей?
- будет ли это событие организовано в других губерниях бывшей Российской Империи, в Польше, Финляндии и республиках СССР?
- найдутся ли меценаты, которые будут финансировать юбилей?
- будут ли отмечены заслуги Великих Князей, или о них никто не вспомнит?
- будут ли приглашены для участия члены Династии Романовых из живущих и ныне правящих королевских домов в Испании, Англии, Дании, королевская семья Греции? И кто возьмет на себя финансирование?
- что такое сегодня «Дом Романовых», который пропагандируется в России?
- какие театры, музеи и концертные залы были задействованы в юбилейных мероприятиях?

Для организаторов хотелось бы напомнить две главные даты, что Михаил Романов избран царём 27 марта, и венчание на царство состоялось в Москве 11 июля 1613 года, в самый тяжёлый период нашей истории, однако за время правления Династии Романовых, каковы бы ни были претензии историков к её отдельным представителям, за 300 лет ими был достигнут пик могущества Российской Империи - великие военные победы, расцвет науки, культуры, и искусства, образования, объединение разорённых территорий к Российской Империи. Граждане

новой России обязаны быть гордыми и благодарными потомками за то, что нам в наследство достались необъятные просторы, недра - несметные богатства, принадлежащие всему народу. Но двойственность положения нынешней Новой России состоит в том что, она является наследницей Советского Союза, со всеми его победами и поражениями, свершениями научными открытиями, идеологией и законами, которые нельзя вычеркнуть из истории, сказать, что этого не было. Хотелось бы напомнить, что Советский Союз был построен на крепком фундаменте Российской Империи, Великой Империи Романовых, а зарождение новой страны началось с предательства группы военных офицеров и членов Госдумы, объявивших себя временным правительством, арестовавших царскую семью и передавших их большевикам для убийства без суда и следствия в июле 1918 года. Августейшей кровью Романовых был скреплён фундамент смутного нового образования под названием СССР. Вспомнят ли организаторы юбилея об этой крови? Станут ли водить праздничные хороводы вокруг царственных могил? Вот вопрос, который волнует меня. Что нам праздновать? Одну из самых страшных трагедий в истории ушедшей Российской Империи, её развала и ограбления? Резкий поворот исторического колеса, который уничтожил цвет нации, дворянство, интеллигенцию, культуру, науку и образование, армию и религию, законы и веру...

Для нынешних авантюрных любителей шоу любое событие подойдет, чтобы заморочить голову честным меценатам и пополнить свои счета, устроить бездумные представления, которые по сути своей станут искажением российской истории и оскорблением памяти Романовых. Я предложил бы этим «патриотам» тщательно изучить эту годовщину и отметить её, как День памяти, тем самым восстановить историческую справедливость, в котором прозвучали бы слова благодарности в адрес той династии, которой Новая Россия вечно должна быть обязана.

Хотелось бы отметить, что за 20 лет некоторыми псевдоисториками были созданы искаженные низкопробные поделки по истории России и Дома Романовых, сделаны на потребу самым примитивным вкусам, не отвечающим никаким критериям исторической правды.

За 20 лет не проводилось ни одного настоящего исторического мероприятия, посвящённого юбилейным событиям, связанным с Романовыми и с Россией, а именно созданиям министерств и ведомств, военных, научных и образовательных учреждений, Академии наук. Расхватали, как игрушки, когда-то прославленные исторические организации, которые утверждали и организовывали, и которым покровительствовали Императоры и Великие Князья. Эти организации служили на благо России и всегда были в почете и в реальных делах на благо народа. А сегодня хочу смело констатировать, что под красивыми вывесками новые «руководители» ничего реального не сделали для сохранения истории ушедшей Российской Империи. Они никогда не помогали людям, которые реально, по крупицам собирали историю великих людей, служивших Отечеству. Помнят ли об исторической роли династии Романовых временные чиновники? Готовы ли они открыто признать свои корни и сказать слова благодарности членам императорской фамилии Романовых за сам факт существования их государственных организаций? Готовы ли деятели культуры и искусства признать, что многое из того, что они воспринимают как данность - дворцы, художественные галереи, музеи, консерватории, оперные и драматические театры, библиотеки - не существовало бы, не будь на то воли августейших монархов, великих князей? Так не пора ли восстановить справедливость и вывести из мрака забвения царственные имена великой династии Романовых?

Помимо этого необходимо очистить от нелепых измышлений имена тех государей, которых даже в учебниках привыкли представлять зловещими, глупыми, слабыми монархами, а они достойны того, чтобы заложить им памятники и парки славы, как это сделано Русским Домом «Родина» в Нью-Джерси в США или присвоить их имена улицам в Российских городах, подготовить о них публикации, выпустить марки, медали, монеты и т.п. Но кто это будет делать? Я рад, что некоторые исторические исследователи выпустили серьёзные книги и фотоальбомы, посвященные Императорам и Великим Князьям. Музеи и архивы, частные коллекционеры должны устроить передвижные по стране и за рубежом фотовыставки, под названием, например «Забывшие образы эпохи», «Романовы на службе России», «Великая Империя Романовых». Это даст возможность любому гражданину изучать прошлое и составить собственное мнение о том периоде российской истории, в котором жила и процветала Россия. Можно было бы снять документальные фильмы и цикл серьёзных телепередач, можно учредить высшую общественную награду «За служение Отечеству и народу». Хорошо бы провести международную дискуссию на тему: что такое для современного гражданина России история правления династии Романовых, что он знает о ней, как понимает её место в истории?

Это будет настоящий урок русской истории, урок, который новое поколение должно выучить, иначе оно будет обречено вечно блуждать по кругу ошибок и катастроф, неудач и непонимания. Где живут и какова их история? Кто они? Без рода, без племени, Иваны, не помнящие своего родства?

400 лет? Со дня восшествия на российский престол, венчания на царство династии Романовых (21 июля 1613 год) - да, несомненно, это главная дата, но уже почти сто лет, как Романовы Россией не правят. Мало того, потомки Романовых, живущие за пределами нашего Отчества, не влияют на реальную жизнь России. Однако ажиотаж, вокруг так называемых престолонаследников на Российский престол, вынуждает меня хотя бы вкратце напомнить исторические факты, основанные на реальных архивных документах тем, кто пропагандирует и будоражит эту тему в обществе, а именно - о роде Кирилловских. Великий Князь Владимир Александрович (сын Императора Александра II) в 1874 году вступил в брак с герцогиней Мекленбург-Шверинской, Великой Княжной Марией Павловной, не принявшей православия до брака (она перешла в православие через 34 года после замужества). Поэтому дети, рожденные от этого брака, могли претендовать на престол лишь в резервном порядке, если бы в династии не осталось мужчин, рожденных от православных браков.

Их старший сын, рожденный от этого брака, Великий Князь Кирилл Владимирович в 1905 году женился на Виктории-Мелите, урожденной принцессе Саксен-Кобургской, которая прежде была замужем за Великим Герцогом Гессен-Дармштадтским Эрнстом Людвигом – родным братом Императрицы Александры Федоровны. Женился, вопреки запрету Императора Николая II, на неправославной, на разведенной, да еще и на собственной двоюродной сестре, что было невозможно не только для члена Августейшей Фамилии, но и вообще для любого православного человека, так как православная церковь категорически запрещает близкородственные браки. В России по этому поводу была создана специальная комиссия. В резолюции Императора Николая II в протоколе заседания комиссии от 04 декабря 1906 года сделана следующая запись:

«Признать брак Великого Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА Я не могу. Великий Князь и могущее произойти от него потомство лишаются прав на престолонаследие. В заботливости Своей об участии потомства Великого Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА, в случае рождения от него детей, дарую сим последним фамилию Князей Кирилловских, с титулом Светлости, и с отпуском на каждого из них из Уделов на их воспитание и содержание по 12.500 руб. в год до достижения гражданского совершеннолетия».

И когда мы, в наши дни, читаем о представителях ветви Кирилловичей, как о династии Романовых, следует помнить, что последний российский Император Николай II запретил потомкам Кирилла носить фамилию Романовых, и по закону они сейчас должны называться князьями Кирилловскими. Хотя сам Кирилл Владимирович оставался Романовым по праву рождения, а его потомки - по прямому указанию Государя Императора Николая II – к династии Романовых уже не принадлежат. Называясь Романовыми, претенденты на престол по линии Великого Князя Кирилла Владимировича нарушают волю и установление последнего российского Императора.

И поскольку, при жизни Государя Императора Николая II в документах, о лишении Великого Князя Кирилла Владимировича и его потомков прав на престол, а также на родовое имя Романовых, не было в дальнейшем внесено никаких изменений, что он в 1907 году простил и вернул титул, но (ни единого слова, ни единой запятой), ранее от 1906 г., эта резолюция царя остаётся в законной силе.

Российский Закон о престолонаследии был, пожалуй, самым точным и подробным среди европейских монархий. Он был создан не как ритуал, но как прочная основа правления; его учреждение и последующие уточнения - результат горького исторического опыта и желания предусмотреть все возможные (почти даже невероятные) ситуации, в которых может оказаться правящая династия. Преступить этот закон значило вынуть краеугольный камень из фундамента государства и ввергнуть Империю в хаос безвластия.

Примером того, сколь серьёзно и ответственно государи российские относились к вопросам престолонаследия, может служить Манифест императора Николая I от 22 августа 1826 года. Именно в этот день Николай I короновался в Москве и его первое официальное государственное распоряжение было: «О порядке наследия Всероссийского Престола и об опеке и правительстве на случай кончины Государя Императора до законного совершеннолетия наследника», в котором рассматривались все возможные обстоятельства и точно указывалось, как следует поступать при оных.

Подобные документы следует изучать пристально и тщательно, потому что российский Закон о престолонаследии представляет собой уникальное явление. Законодательные статьи весьма строги и точны, в то же время они оставляют некое пространство для волеизъявления государя, то есть гармонично сочетают незыблемость закона и право государя проявить собственную мудрость. Не худо было бы нашим нынешним законодателям иногда заглядывать в архивы и черпать бесценный опыт Отечества.

Но вернёмся к истории ветви Кирилловских.

Документы подтверждают, что в 1917 г. Кирилл Владимирович сам письменно отказался от своих прав на престолонаследие, присоединившись к отказу Великого Князя Михаила Александровича, брата Царя, в пользу Учредительного собрания.

Бежавший за границу и убедившись, что убили царскую семью, Кирилл Владимирович в 1922 году провозгласил себя блюстителем престола, а в 1924 году - Императором; вдовствующая Императрица Мария Федоровна, мать Императора Николая II, которая жила в Дании, была потрясена этим его поступком - во-первых, она до конца жизни не верила в гибель сына и членов его семьи, и восприняла это, как узурпацию престола; во-вторых, она даже не была извещена заранее, а лишь была поставлена перед свершившимся фактом. Во многих её письмах того времени высказаны гнев и презрение к Кириллу Владимировичу. Неукоснительно следуя законам Империи, вдовствующая Императрица, до конца дней своих, прав авантюриста Кирилла Владимировича на престол не признавала.

Великий Князь Николай Николаевич, как и многие члены Августейшей Фамилии, оказавшиеся в эмиграции, не признал самопровозглашение Кирилла Владимировича законным. Того же мнения придерживался принц Николай, сын Королевы Эллинов Ольги, да и все дети Ольги Константиновны были единодушны в своем непризнании новоявленного русского Императора.

Некоторые Романовы, оказавшиеся в изгнании, поверив обещаниям хорошей жизни и присвоения титулов, признали Кирилла Владимировича и его самопровозглашённый титул. Что ж, ужасы революции и гражданской войны, гибель родных, мытарства на чужбине - по-человечески понятны, им хотелось сплотиться и чувствовать себя не просто семьёй, но императорской династией, сохранить свой дух, традиции, и они поддались на хитрые уговоры Кирилла Владимировича. Например, Князь Императорской Крови Гавриил Константинович принял от Кирилла Владимировича титул Великого Князя, хотя по закону не имел на него права. Но он был измучен тяжёлой болезнью, не интересовался политикой и практически не участвовал в спорах Романовых, оказавшихся в эмиграции. Скорее всего, он воспринял титул как некое ностальгическое утешение в его несчастиях, тем более что в тот момент титул этот был чистой формальностью, не налагавшей никаких обязанностей и не дававшей никаких прав; за ним не стояли ни власть, ни материальные выгоды.

Ознакомившись с архивными документами по этому вопросу, можно констатировать, что нет никаких официальных документов, подтверждающих легитимность самопровозглашения Великого Князя Главой Дома Романовых. Между тем, этот поступок привел к расколу среди эмигрировавших Романовых и их потомков; последствия этого раскола и сейчас не позволяют объединиться ныне живущим потомкам Романовых, которые вступили в морганатические браки. Вина за это лежит на Великом Князе Кирилле Владимировиче и его потомках, упорствующих в своем заблуждении.

Единственный сын Кирилла, Владимир Кириллович, повторяя ошибки отца, также женился на разведенной, урожденной княжне Багратион-Мухранской, да еще и неравнородной (известно, что князья Багратион-Мухранские в Российской империи были приравнены в правах к прочему дворянству и, подобно многочисленным Рюриковичам, не считались равнородными царствующему дому). В момент бракосочетания супруга Владимира Кирилловича даже не имела права называться княжной Багратион-Мухранской, так как право это она утратила, выйдя замуж за гражданина США мистера Кирби. А Владимир Кириллович, в свою очередь, не имел права называться Великим Князем, ибо этот титул не передается далее внуков Императора. Тем более не имеют никаких прав на эти титулы нынешние потомки этой линии, то есть Кирилловичи.

Однако эти обстоятельства не помешали Владимиру Кирилловичу объявить свою дочь, Марию Владимировну, единственной законной претенденткой на престол, поскольку почти все представители Дома Романовых по мужской линии состояли в неравнородных браках, что является ложью.

Дочь Мария Владимировна вышла замуж за прусского принца, родила от него сына Георгия, вскоре развелась, и теперь пытается с помощью сына осуществить давнюю семейную мечту.

ту о восшествии на Российский Престол, несмотря на то, что по общепринятому христианскому правилу ее сын причисляется к династии Гогенцоллернов (по отцу).

Даже этот краткий исторический экскурс не оставляет никаких сомнений в том, что линия Кирилловичей, столь популярная среди новой правящей российской «элиты» и желтой прессы, никаких прав на российский престол не имеет. Сегодня их поддерживают определённые круги, отстаивающие свои корыстные интересы - материальные либо политические. А высшие власти поддерживают Кирилловичей вовсе не по злему умыслу, а всего лишь потому, что недостаточно хорошо ориентируются в истории своей страны и в законах Российской Империи о престолонаследии.

Признать ветвь Кирилловичей на престолонаследие законной династией Романовых можно, лишь, нарушив законы Российской империи, презрев волю последнего российского императора Николая II, перечеркнув всякое уважение к мнению его матери, вдовствующей императрицы Марии Феодоровны.

Стоит напомнить, что до создания нового государства (страны Советов 1922г.) изгнанные Романовы никак не участвовали в жизни СССР и, не особенно интересовались проблемами Страны Советов, да им и никто бы и не дал принимать участие. Изгнанников не слишком пригласили королевские дома Европы, мало кто из коронованных особ хотел общаться с несуществующим Домом, да еще и скандалы по всей Европе среди членов династии. Тем более, что практически все потомки эмигрировавших Романовых вступили в мorganатические браки и утратили свой статус императорской династии. Но потомки Романовых по линии королевы Греции Ольги Константиновны практически все являющиеся членами королевских Домов Англии, Испании, Дании, Греции, Швеции и спокойно общались с руководством партийной верхушки СССР.

Может быть, это трагедия - и России, и династии, но за 100 лет отдельной жизни, за 100 лет, за которые потомки Романовых ничего не сделали для России, прервались живые духовные связи, и даже если бы династия имела законных претендентов на престол, воссоединение августейшей фамилии проходило бы, мне кажется, хоть трудно и сложно, но, по крайней мере, имело бы смысл и какую-то цель. Когда же мы видим привезённых в Россию самозванцев, внезапно явившихся в хаос новой России, раздающих пустые, декоративные титулы дворян и князей и штамповавших ордена, которые вручаются в государственных служебных кабинетах клеркам и высокопоставленным чиновникам, которые клянутся служить - кому? - становится противно и омерзительно, потому что этим компрометируется Россия и монархическая идея как таковая; создается впечатление, что и раньше в России высокие звания, чины и награды раздавались просто так, а не за заслуги перед Отечеством, подвиги и великие труды на благо Империи.

Иллюзию возрождения «Дома Романовых» поддерживает группа людей, может быть, искренне заблуждающихся, а может быть, преследующая свои цели; группа, которая составила уже свиту будущему «Императору», свой круг «придворных» дворян, историков, писателей, артистов, военных, чиновников всех уровней, бизнесменов. Поддерживая, так называемых престолонаследников, полуграмотная толпа нарушает Закон о престолонаследии, то есть разрушает исторический фундамент Империи Романовых до его восстановления.

Я считаю, что организаторы мероприятий должны достойно, со всеми почтением и сочувствием, принять всех потомков Романовых, имеющих кровное родство с великой династией. Они имеют право поклониться могилам предков, посетить свои дворцы, национализированные большевиками, ознакомиться с архивными документами и фотографиями своих предков, побывать в музеях, где хранятся вещи Романовых, дать возможность участвовать во всех культурных и исторических мероприятиях, которые будут проводиться в России.

400-летнюю годовщину восшествия Романовых на российский престол 21 июля 1613 г., безусловно, государство должно отметить мудро и достойно, со всем пониманием трагизма и сложности отечественной истории и роли династии Романовых в ней.

Молодое поколение даже не понимает, что обязано и должно гордиться своей историей и страной. Неудивительно, что юные граждане России более увлечены иностранными культурными и моральными ценностями (если это можно назвать ценностями). Хорошо было бы, если бы мероприятия в этот год привлекли молодёжь, заинтересовали её российской историей, вызвав этим любовь к собственной стране и гордость за неё.

Много лет я смотрел, как большинство чиновников новой России игнорируют историю моей России, потому что по их поведению видно, что они не связывают свое будущее и будущее своих детей с Россией, ведут себя так, будто Россия появилась на пустом месте, будто

история её началась с чистого листа. Между тем, моя страна, даже после всех трагических потерь, всё ещё пока остаётся самой большой в мире, и заслуга эта Русских Царей и Российских Императоров династии Романовых. Это они собирали то, что будет впоследствии в 1991г. утрачено по росчерку трёх амбициозных предателей. И об этом тоже следует говорить в скорбные дни, потому что они должны стать поводом для подведения итогов - что было создано и собрано в Российской империи под властью Романовых и как нынешние временные чиновники этим распорядились. Это будет исторический урок, пусть горький, но он необходим нашему обществу и молодому поколению, а история новой России уже пишется свидетелями реальных событий.

С гордостью могу сказать, что двадцать лет моей жизни я посвятил служению России через культуру. Мною были организованы 7 ежегодных всемирных благотворительных фестивалей искусств культурно-экологического направления под девизом «Искусство за здоровье детей в здоровом мире». Я собрал в архивах и музеях тысячи фотографий и документов и на их основе выпустил цикл исторических фотоальбомов «Великие князья и княгини династии Романовых», снял 2-х серийные документальные фильмы о Великом князе Константине Константиновиче и Великой Княжне Королеве Эллинов Ольге Константиновне, в работе фильм об Императоре Николае I (позволю себе заметить, что снять хороший исторический документальный фильм куда труднее, чем вымышленный художественный фильм), были организованы и проведены культурно-исторические мероприятия, посвящённые 145-летию и 150-летию Императорского Российского Музыкального Общества, военным победам русской армии, собраны из архива и музеев копии фотодокументы и созданы фотовыставки на исторические темы, были проведены вечера памяти о погибших членах Императорской фамилии, в архивах были выявлены ноты музыкальных произведений членов Императорской семьи, отреставрированы и представлены в больших концертах в Москве, Петербурге и Киеве. И всё это - без малейшей поддержки со стороны государства. Никогда моя деятельность не вмещалась в рамки казённых программ и проектов. Может быть, потому, что я никогда не спрашивал у временных чиновников, что мне делать, чем руководствоваться, что любить и что прославлять. Я живу и работаю по велению моей души, переполненной любовью к России. И от того в моей душе не остаётся места для чиновничества, корысти и низкопоклонства.

Я отвечаю за свои слова и дела перед историей и потомками. Говорить на тему моей страны я согласен лишь с теми, кто тоже посвятил свою деятельность для неё, беззаветно и бескорыстно трудясь во благо России и её славы. Увы, в наши дни таких людей совсем немного. Имея мало примеров истинного служения «Отечеству» в наши дни, необходимо, в рамках исторических мероприятий, расскажем народу о том, как Романовы любили Россию. Как каждый государь и Великий Князь оставляли наследникам духовное завещание, в котором давали отчёт о своём царствовании и делах, наставляли детей, как должно служить России и её народу.

Может быть, труды наши не пропадут даром. Может быть, умные люди проявят интерес к своим корням, к славному прошлому России и увидят в нём истинный путь в будущее.

Возможно, когда-нибудь станут явью эти мечты. Господь дарует Новой России такого Монарха, при котором и в нашей истории, после стольких бурь и потрясений, начнётся новая эпоха созидания, а не разрушения.

Пока что, всё это кажется несбыточным, но мы должны надеяться и работать для того, чтобы эта надежда завоёвывала всё больше патриотически настроенных людей.

Режиссёр Вячеслав Моцардо. Москва.

ПТИЦА ГАМАЮН

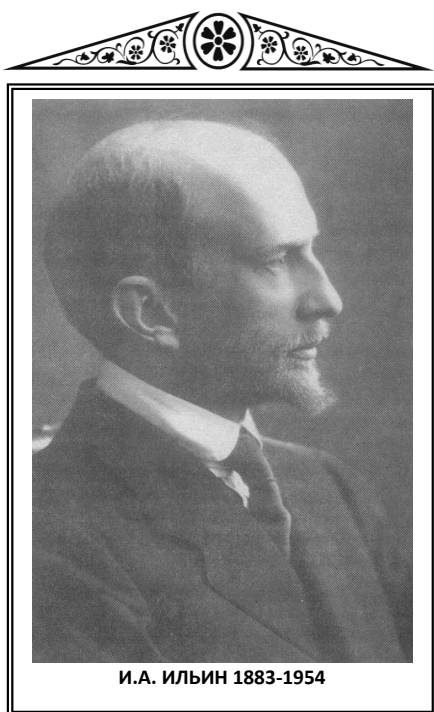
Ты весною окровавлена,
Но рыдать тебе нельзя:
Посмотри - кругом отравлена
Кровью черною земля!
Силы вражки снова прибыли,
Не колеблет их война.
Ты идешь к своей гибели,
Горемычная страна!

Князь Владимир Палей

Немая ночь жутка. Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна страданья;
Далеких, милых прожитых минут
Нахлынули в нее воспоминанья.

Мысль узника в мольбе уносит высоко -
То, что растет кругом - так мрачно и так низко.
Родные, близкие так страшно далеко,
А недруги так жутко близко.

Князь Владимир Палей

И.А. ИЛЬИН 1883-1954

Я ВГЛЯДЫВАЮСЬ В ЖИЗНЬ

Книга раздумий

Плохое настроение

Знать бы, откуда оно берется! Если бы можно было скорее прогнать его. Но оно как погода: никто не знает, откуда, когда, почему... В отличие от погоды, для нашего меняющегося настроения нет даже предсказателей. Нужно просто покориться.

Нет, ни в коем случае! Не может быть и речи о покорности! Плохое настроение должно нас слушаться!

Плохое настроение - это не то, что я представляю собой, не то, что происходит в глубине моей души, оно лишь

обозначает, как я к этому отношусь, и затем, что я даю почувствовать другим людям. Два последних обстоятельства - в нашей власти: мы распоряжаемся ими, и они должны покоряться. Кто этого еще не понял, должен по возможности скоро научиться понимать; потому что это относится к основам самообладания.

Плохое настроение возникает из внутреннего разлада, основной узел которого остается в подсознании, и его нелегко распутать. Этот разлад или, как выражаются лечащие душу врачи, этот «конфликт» возник не вдруг; скорее всего, он сохраняется с детских лет и может внезапно оживиться или слегка обостриться. Возможно, я избавлюсь от него; однако возможно также, что я буду нести его с собою до самой смерти. Да, я буду носить его в себе и его выносить, примирюсь с его существованием, буду вынужден поставить его на службу делу, одним словом - я справлюсь с ним творчески. Боже небесный, ведь это не причина для «плохого настроения»!

На свете вряд ли найдется человек, которому не приходилось иметь дело с душевным конфликтом. У каждого он свой, и каждый хотел бы избавиться от него. Неужели поэтому у всех есть право на плохое настроение? Должны ли все по этой причине становиться угрюмыми, ходить со злыми лицами или даже кричать друг на друга?

Внутренний разлад следует воспринимать серьезно, совершенно серьезно. Он принадлежит тому, что я есть. Он обозначает одну из моих внутренних жизненных задач. Он может обостриться, создать душевный застой, вызвать дурное настроение. Это дурное настроение остается для меня неясным, непроницаемым; оно входит в мою сознательную жизнь и в мое общее самочувствие как необъяснимый факт. Я чувствую себя подавленным, беспомощным, унылым. Из-за этого я раздражаюсь, и этому моему раздражению в виде «плохого настроения» я даю волю в обществе. Так это выглядит на самом деле. Но нельзя, чтобы так было и впредь.

Ясно, что за плохим настроением стоит конфликт. Этот конфликт нужно рассматривать как своего рода творческий заряд и обращаться с ним соответственно. Хорошо, что этот заряд есть; ведь из незаряженного орудия не выстрелишь. Совсем не страшно, что еще не удалось подчинить себе этот заряд: значит, есть задача и ее надо разрешить. Душевный застой неприятен. Но неприятность - всего лишь скорлупа новой силы и новой жизни. Расколи орех - получишь сладкое ядро. Нет причины для дурного настроения! Однако дурное настроение есть. Переноси его спокойно и уверенно! Ты его уже видишь насквозь. Посмотри, конфликт - это обещание, и вскоре ты уже победитель.

Ты вовсе не беспомощен. Ты обрел мужество, и подавленность пропала. Плохое настроение рассеялось. Или еще нет? Так ты понял его творчески-интимную природу и будешь остерегаться делать сокровенное достоянием общества.

Твое личное дело, как ты относишься к своему внутреннему конфликту, к этому предчувствуемому заряду новых сил. Если ты не умеешь утвердиться внутри себя как победитель, если ты настолько неблагодарен, что, стоя пред главной задачей своей жизни, видишь лишь «труд-

ности» и «неприятности» и становишься «угрюмым», то не выноси хотя бы на люди свою трусость! Сильный характер радуется трудностям и улыбается неприятностям. Чем труднее испытание, тем радостнее победа. Если ты еще не нашел в себе этих сил, будь тем не менее уверен, что ты их найдешь. Не можешь один - ищи помощи, но самое главное - молись: искреннюю молитву всегда услышат. Но только не обнаруживай свою преходящую слабость перед чужими!

Неприлично выбалтывать секреты; а плохое настроение совершает это. Как по-детски - плакать от боли; а плохое настроение - плакса. Как преступно заражать других своей болезнью; а плохое настроение заразно. Разве ты не знаешь, как спокойно и мило умеет улыбаться превосходящий тебя? Эта улыбка для плохого настроения невыносима.

ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ О ЛИШЕНИЯХ

Когда мне стукнуло восемь лет, бабушка подарила мне на елку красивую тетрадь в синем сафьянном переплете и сказала: «Вот тебе альбом, записывай в него все, что тебе покажется умным и хорошим; и пусть каждый из нас напишет тебе что-нибудь на память...» Вот было разочарование! Мне так хотелось оловянных солдатиков, они даже по ночам мне снились... И вдруг - альбом. Какая скучища. Но дедушка взял мою сафьянную тетрадь и написал на первой странице: «Если хочешь счастья, не думай о лишениях; учись обходиться без лишнего». Да, хорошо ему было говорить: «не думай»... А мне было до слез обидно. Но пришлось помириться.

Я тогда и не заметил, как глубоко меня задел этот постылый жизненный совет, данный мне дедом. Сначала я и слышать о нем не хотел; это была прямая насмешка надо мною и над моими солдатиками. Но позднее... и потом еще много спустя. У меня было так много лишений в жизни! И всегда, когда мне чего-нибудь остро не доставало или когда приходилось терять что-нибудь любимое, я думал о сафьянной тетради и об изречении деда. Я и сейчас называю его «правилом счастья» или «законом оловянного солдата». Кажется, тут замешана и сказка Андерсена: «Стойкий оловянный солдатик» - храбрый был малый, прошел через огонь и воду, и даже глазом не моргнул...

А теперь этот закон кажется мне выражением настоящей жизненной мудрости. Жизнь есть борьба, в которой мы должны побеждать; а победителем становится тот, кто осуществляет благое и справедливое. Конечно, тут являются искушение и опасности; и каждая опасность есть в сущности угроза. Если рассмотреть все эти угрозы, то все они приблизительно одинаковы: они грозят лишениями. Потому, что так называемые «унижения» суть тоже лишения в вопросах независимости, признания со стороны других и жизненного успеха; эти лишения бывают, конечно, наиболее тягостными. Нельзя примириться с утратой истинного достоинства и уважения к себе, но нельзя принимать к сердцу отсутствие успеха у других, а также поношение и клевету. Мы должны уметь обходиться без жизненного «успеха», без «почета» и без так называемой «славы».

И вот, если я буду бояться таких и им подобных лишений, то мне придется отказаться от главного, предметного успеха в жизни и от победы в жизненной борьбе. А если и хочу предметной победы, то я должен пренебрегать лишениями и презирать угрозы. То, что иногда называют «крепкими нервами», есть не что иное, как мужественное отношение к возможным или уже начавшимся лишениям. Все, что мне грозит, и притом часто только грозит и даже не осуществляется, есть своего рода лишение, - лишение в области еды, питья, одежды, тепла, удобства, имущества, здоровья и т.д. И вот человек, поставивший себе серьезную жизненную задачу, имеющий великую цель и желающий предметного успеха и победы, должен не бояться лишений; мужество перед лишениями и угрозами есть уже половина победы, или как бы выдержанный «экзамен на победу». Тот, кто трепещет за свои удобства и наслаждения, за свое имущество и «спокойствие», тот показывает врагу свое слабое место, он подставляет ему «ахиллесову пяту» и будет скоро ранен в нее: он будет ущемлен, обессилен, связан и поработан. Ему предстоит жизненный провал...

Всю жизнь нам грозят лишения. Всю жизнь нас беспокоят мысли и заботы о возможных «потерях», «убытках», унижениях и бедности. Но именно в этом и состоит школа жизни: в этом

- подготовка к успеху, закал для победы. То, чего требует от нас эта школа, - есть духовное преодоление угроз и лишений. Способность легко переносить заботы и легко обходиться без того, чего не хватает, входит в искусство жизни. Никакие убытки, потери, лишения не должны выводить нас из душевного равновесия. “Не хватает?” - “Пусть себе не хватает. Я обойдусь”. Нельзя терять священное и существенное в жизни: нельзя отказываться от главного, за которое мы ведем борьбу. Но все несущественное, повседневное, все мелочи жизни - не должны нас ослеплять, связывать, обессиливать и поработать...

Искусство сносить лишения требует от человека двух условий.

Во-первых, у него должна быть в жизни некая высшая, всё определяющая ценность, которую он действительно больше всего любит и которая на самом деле заслуживает этой любви. Это и есть то, чем он живет и за что он борется; то, что освещает его жизнь и направляет его творческую силу; то, перед чем все остальное бледнеет и отходит на задний план... Это есть священное и освящающее солнце любви, перед лицом которого лишения не тягостны и угрозы не страшны. Именно таков путь всех героев, всех верующих, исповедников и мучеников...

И во-вторых, человеку нужна способность сосредоточивать свое внимание, свою любовь, свою волю и свое воображение - не на том, чего не хватает, чего он “лишен”, но на том, что ему дано. Кто постоянно думает о недостающем, тот будет всегда голоден, завистлив и заряжен ненавистью. Вечная мысль об убытках может свести человека с ума или уложить в гроб [Срв. рассказ Чехова “Скрипка Ротшильда”]; вечный трепет перед возможными лишениями унижает его и готовит его к рабству. И наоборот: тот, кто умеет с любовью вчувствоваться и вживаться в дарованное ему, тот будет находить в каждой жизненной мелочи новую глубину и красоту жизни, как бы новую дверь, ведущую в духовные просторы; или - вход в сокровенный Божий сад; или - колодезь, щедро льющий ему из глубины бытия родниковую воду. Такому человеку довольно простого цветка, чтобы коснуться божественного миротворения и изумленно преклониться перед ним; ему, как Спинозе, достаточно наблюдения за простым пауком, чтобы постигнуть строй природы в его закономерности; ему нужен простой луч солнца, как Диогену, чтобы испытать очевидность и углубиться в ее переживание. Когда-то ученики спросили Антония Великого, как это он видит Господа Бога? Он ответил им приблизительно так: “Ранним утром, когда я выхожу из моей землянки в пустыню, я вижу, как солнце встает, слышу, как птички поют, тихий ветерок обдувает мне лицо - и сердце мое видит Господа и поет от радости...”

Каким богатством владеет бедняк, если он умеет быть богатым...

Это значит еще, что лишения призывают нас к сосредоточенному созерцанию мира, так, как если бы некий сокровенный голос говорил нам: “В том, что тебе уже дано, сокрыто истинное богатство; проникни в него, овладей им и обходись без всего остального, что тебе не дано, ибо оно тебе не нужно...” Во всех вещах мира есть измерение глубины. И в этой глубине есть потаенная дверь к мудрости и блаженству. Как часто за “богатством” скрывается сущая скудость, жалкое убожество; а бедность может оказаться сущим богатством, если человек духовно овладел своим скудным состоянием...

Поэтому нехорошо человеку обходиться без лишений: они нужны ему, они могут принести ему истинное богатство, которого он иначе не постигнет. Лишения выковывают характер, по-суворовски воспитывают человека к победе, учат его самоуглублению и обещают ему открыть доступ к мудрости.

И я не ропщу на лишения и утраты, постигшие меня в жизни. Но о моей синей сафьяновой тетради, научившей меня когда-то “закону оловянного солдатика”, я вспоминаю с благодарностью: она отняла у меня когда-то желанную игрушку, но открыла мне доступ к истинному богатству. И ее - я не хотел бы лишиться в жизни...

Иван Ильин.

Ночь тиха

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат.
Очи матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.
Ни ушей, ни взоров лишних,
Вот пропели петухи —
И за ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.

Если тихо светят взору,
Озарен Марии лик.
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.
И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран;
С ней несут цари востока
Злато, смирну и ладан.

А. Фет.

Амена

Солнце уже было на закате, когда я, со стилетом в кармане, пришел в Колизей; но чудное освещение древнего амфитеатра не привлекало моего внимания; жажда мщения кипела в груди моей и вытесняла все другие мысли. Передо мной проходили одно за другим все обстоятельства, приведшие меня в эти развалины; я вспомнил свое знакомство с Пепиной; вспомнил все ядовитые шутки Мореля, который, как злой дух, не переставал преследовать меня во все пребывание мое в Риме; наконец, вспомнил его последнюю обиду и задрожал от ярости...

Вдруг послышалось знакомое пение, раздался звон колокольчика, и длинный ряд людей с завешенными лицами вошел в ворота и потянулся вокруг арены, останавливаясь у каждой часовни и читая вполголоса молитвы. Обошли все до одной и, преклонив колена перед крестом, на середине арены, братья милосердия в прежнем порядке вышли из амфитеатра; лишь один остался неподвижен, распростертый у подножия креста...

- О друзья мои, прощаете ли вы меня? - произнес он глухо и таким странным голосом, что я невольно затрепетал.

Незнакомец поднял голову, и сквозь прорезанные дыры его покрывала устремились на меня выразительные глаза его.

- Молодой человек, - сказал он, - я знаю, кого ты ожидаешь и с каким намерением, и я затем здесь, чтобы остановить тебя на краю бездны... и удержать от преступления.

- Кто ты? - спросил я с изумлением, - и отчего тебе известны мои сокровеннейшие мысли?

- Кто бы я ни был, - отвечал он торжественно, - благодари Бога, что Он дозволил тебе встретить меня, и внемли моим словам: на этом самом месте, где мы теперь стоим, совершилось некогда ужасное преступление, и жестоко за него наказан преступник! Слушай, - продолжал незнакомец, облокотясь на капитель древней колонны, которой обломки разбросаны были по арене, - я расскажу тебе нечто, случившееся давно, очень давно...

«Во времена императора Максимиана жили в Риме два друга, Виктор и Амвросий, и оба они были христиане. Сестра Виктора была помолвлена за Амвросия, и день их свадьбы уже приближался; но не брачный венец providение назначало Леонии.

В то время кесарь стал преследовать нашу святую веру, и целыми тысячами погибали его жертвы, иные растерзанные зверями, другие сверженные со скалы Тарпейской. Братья, дети и друзья этих несчастных собрались в отдаленнейшей части Рима и принесли перед крестом торжественный обет: скорее умереть в мучениях еще ужаснейших, чем хотя единым словом отречься от истинного Бога.

Виктор и Амвросий были между давшими сей обет. Они бросились в объятия друг друга и подкрепили слезами умиления священную клятву. Дабы существенным символом означен свой духовный союз, Амвросий снял с себя тогу, надел ее на Виктора, а сам покрывшись тогою своего друга.

- Можем ли мы быть счастливее? - сказал он Виктору. - Сестра твоя скоро будет моею женою; а есть ли в языческой древности хотя один пример такой дружбы, как наша?

- Будем благодарить всевышнего, - отвечал Виктор, - даровавшего тебе любовь, а мне дружбу, как прекрасное предчувствие ожидающего нас в той жизни блаженства, но не забудем, что велика власть врага человеческого и что козни его неисчислимы. Счастье наше не от мира сего, и мы не должны ему предаваться вполне, но бдеть и молиться, дабы враг не раскинул нам сетей в самую минуту упоения.

Амвросий не отвечал ни слова, но внутренне упрекнул своего друга в излишней боязливости.

В тот самый вечер Амвросий, проходя мимо храма Венеры, которого развалины видны через эти ворота, услышал пронзительные вопли, смешанные с неистовыми криками; несколько факелов блеснули перед ним. Выхватив меч, он бросился вперед - и увидел четырех преторианцев, влекущих за собою девушку с распущенными волосами, в растерзанной одежде. Несколько ударов меча рассеяли хищников. Амвросий поднял брошенный одним из них факел и хотел помочь девушке встать, но она была в обмороке. Он стал перед нею на колени и начал тереть ее виски, ладони и подошвы. Вскоре она раскрыла глаза, и лицо ее покрылось румянцем

стыдливости, когда она взглянула на свою одежду. Амвросий хотел прикрыть девушку своей тогой, но лишь только сбросил ее с плеч, как услышал опять дикие крики и увидел блеск факелов. Преторийяны возвращались в сопровождении новых товарищей. Крики становились громче, проклятия внятнее, и факелы уже освещали их зверские лица, а Амвросий все еще стоял в недоумении, не зная, как скрыть их незащищенную жертву. Вдруг девушка приподняла голову и указала ему на стену храма, где было проделано, вроде двери, узкое, едва заметное отверстие. Потушив факел, Амвросий взял девушку на руки, вошел в отверстие и, ошупав ногою крутую лестницу, начал спускаться в подземелье.

Ступени уже кончились, он чувствовал под ногами мягкие ковры, но незнакомка все еще обвивала его руками и крепко к нему прижималась.

- Не страшись ничего, - сказал ей Амвросий, - похитители твои далеко, и ты можешь отдохнуть в этом безопасном месте.

- Ах, - отвечала она, - я теперь совершенно спокойна и обнимаю тебя единственно из благодарности.

Сказав это, она ударила в ладони, и две лампы зажглись как будто волшебством. Амвросий увидел богато убранную залу, среди которой стоял бронзовый стол с сосудами и плодами. У стола находился широкий триклиний, высеченный из красного мрамора и покрытый пурпуровыми подушками. Вдоль стен стояли седалища из бронзы и мрамора, также покрытые пурпуром.

Когда, по приглашению неизвестной, Амвросий выпил бокал душистого фалерна, она села на триклиний к его ногам и начала следующим образом:

- Тебе, конечно, кажется странным мое приключение, но чтобы объяснить его, я должна тебе рассказать, кто я и где ты находишься. Я родом из Греции, мое имя Анадиомена, но отец и мать зовут меня просто: Амена.

В Греции жизнь моя текла тихо и спокойно, но лишь только я вступила в Рим, как начались мои несчастья, а виною тому ваш кесарь, изверг Максимиан...

Тут Амвросий остановил Амену и приложил палец к губам.

- Не бойся, - отвечала она, улыбаясь, - стены эти так толсты, что снаружи невозможно слышать ни одного слова. Максимиан, - продолжала она, - увидел меня однажды в храме и решился похитить. Несколько раз избегала я его сетей; но, видя наконец, что мне нельзя показаться на улице без того, чтобы два или три преторийянца на меня не напали, я не стала выходить вовсе. В одну ночь толпа сих злодеев ворвалась ко мне в спальню и именем кесаря – требовала, чтобы я шла за ними. Я от них ускользнула, нашла случайно это убежище и решила в нем остаться. Я тайно уведомила отца о своей участи, и он доставляет мне все потребности жизни и присылает поочередно несколько девушек для моей прислуги. Сегодня неизъяснимая грусть мною овладела, и, считая окрестности этого подземелья безопасными, я не вытерпела и вышла подышать свежим воздухом ночи; но едва сделала несколько шагов, как ненавидные преторийяны схватили меня и, несмотря на мое сопротивление и крики, повлекли за собою. Если бы ты не подоспел ко мне на помощь, я бы теперь была во дворце Максимиана... О, я не могу подумать об этом без ужаса!

Амена закрыла лицо руками, и Амвросий видел, как она покраснела.

Оставшись несколько мгновений в этом положении, красавица взглянула на Амвросия и сказала ему с замешательством:

- Рассказывая тебе мои похождения, я и забыла, что платье мое в беспорядке. Если позволишь, я оденусь в твоём присутствии, потому что жилище мое очень тесно...

Она ударила в ладони - и вошли три девушки с разными принадлежностями женского наряда. Сперва Амена дала расчесать себе длинные волосы, потом приказала одной из них держать пред собою покрывало в виде ширм и, сняв тунику, велела освежить себя водою и натереть ароматным маслом. Пока девушки ей прислуживали, Амвросий чувствовал какое-то странное беспокойство; ему казалось, что не кровь, а огонь течет в его жилах. Он решился уйти, не простясь с Аменой, но лишь только сделал несколько шагов по ступеням, как услышал голос одного из преторийянцев:

- Клянусь Геркулесом, - говорил он, - я не отойду отсюда, пока не отыщу этого проклятого молокососа и не отрублю ему уши!

- Этого мало, - отвечал другой: - с ним должно поступить, как Улисс поступил с неверным пастырем коз!

Услыша эти слова, Амвросий счел, что было бы неосторожно показаться кровожадным грабителям, и возвратился к Амене.

- Друг мой, - сказала она, - теперь уж поздно: если ты пустишься в путь об эту пору, то непременно будешь убит. Останься здесь на ночь, а завтра чем свет возвратишься домой. Ты можешь лечь на этой кровати, я же буду спать с своими девушками.

Амвросий чувствовал непреодолимое влечение ко сну и, не отвечая ни слова, опустил на триклиний и вскоре забылся. Сквозь сон он слышал голос Амены, разговаривавшей со своими прислужницами, и шум воды, когда они выжимали грецкие губки в серебряные сосуды. Потом звуки эти так смешались, что ему показалось, будто бы то звон бокалов и гармоническое пение, сопровождаемые арфой. Ему представилось, что он сидит за столом, покрытым дорогими яствами и душистыми винами. Седой слепец, стоя перед ним, ударял в струны и пел ту самую песнь, которую в "Одиссее" поет Демодок и где описывается, как Марс и Венера пойманы были сетями Вулкана. Человек в блестящей короне, сидевший подле него, спросил его, улыбаясь: "Хотел бы ты быть на месте Марса, с тем чтобы тебя, подобно ему, накрыли сетями?" Амвросий вспомнил о своей невесте и хотел сказать: "Нет!" - но язык его нечаянно повернулся, и он невольно произнес: "Да, если бы Венера походила на Амену!" Тут звуки арфы сделались гораздо сладостнее, зала наполнилась облаками, и он почувствовал, что возносится кверху. Когда облака рассеялись, Амвросий находился на высокой горе, откуда виднелись ему цветущие нивы, зеленые леса, светлые реки и необъятное голубое море с бесчисленными островами. Человек в золотой короне сидел пред ним на высоком престоле, окруженный множеством людей в светлых одеждах. Когда он шевелил бровями или потрясал черные кудри, то вся гора дрожала и молнии рассекали гнездившиеся вокруг нее тучи. "Друг мой, - шепнул ему знакомый голос, - ты теперь на Олимпе и видишь перед собою собрание бессмертных, готовых принять тебя в свой круг, если ты отречешься от христианства!" Амвросий оглянулся и увидел Амену, но он догадался, что то была сама Венера, потому что у ног ее ворковали два голубя. "Согласен ли ты для меня забыть свою веру? - спросила она опять. - Муж мой стар и хром, ты же, как Марс, и красив и молод: я охотно променяю на тебя мужа, скажи только, что ты согласен!" Амвросий опять вспомнил о Леонии и хотел сказать: "Нет, ни за что на свете!" - но язык его вторично повернулся, и он чуть было не проговорил: "Согласен!" - как вдали увидал друга своего Виктора и сестру его Леонию, которые манили его к себе, показывая мученический венец. В эту минуту Амвросий нечаянно поднял глаза, увидел, что над ним раскинута тонкая сеть из огненных ниток.

Амена показалась ему уже не столь прекрасною, а вместо голубей из-под ног ее вспорхнули две летучие мыши. Он сотворил внутреннюю молитву и проснулся.

Вокруг него было темно; но что-то горячее причиняло ему сильную боль в голове, и, ощутив лоб, он почувствовал на нем руку Амены. Он вскочил с кровати и бросился из подземелья; но едва успел пройти несколько шагов, как опять услышал голоса преторийцев.

- Клянись Геркулесом, - говорил один, - если мне попадетя этот мальчишка, то я его растерзаю на части!

- Этого мало, - отвечал другой: - с ним должно поступить, как Тезей поступил с Прокрустом!

Слова эти показались так ужасны Амвросию, что он не решился выйти из подземелья и возвратился ощупью на свое место. Лишь только глаза его сомкнулись, он увидел себя в очаровательной стране, на берегу ручья, где вокруг серебряных тополей вился изумрудный виноградник, скрывая под широкими листьями спелые золотистые гроздья. Нимфы играли на мягкой траве с резвыми сатирами, в ручье плескались наяды, а в зелени деревьев пели красивые птицы. Из роши выходили центавры в дубовых венках и, вмешавшись в толпу сатиров и нимф, начинали с ними веселую пляску. Амвросий чувствовал нестерпимую жажду, но, подобно Танталу, он не мог ни напиться из ручья, ни достать рукою гроздий. В то время как он тщетно нагибался и протягивал руки, сладкий голос произнес близ него:

"Сними с себя крест, хотя на одно мгновение, и ты тотчас утолишь свою жажду!" Он оглянулся, и в кругу нимф узнал Амену; но он догадался, что это не Амена, а Венера, ибо на ней был золотой пояс необыкновенной работы, придававший ей удивительную красоту. Он не мог противостоять ее словам и уже дотронулся до креста, как ему показалось, что вдали он видит толпу народа. Вглядевшись в нее пристально, он узнал Виктора; несколько людей клали его на деревянный станок, и палач, с обнаженною грудью, готовился истязать его раскаленными клещами, между тем как четверо других привязывали Леонию к большому колесу. "Прощай, Амвросий, - кричали ему друг и невеста, - мы умираем за нашу веру и будем молиться у Престола Всевышнего, чтобы он избавил тебя от ослепления!"

"Нет, мои друзья, и я хочу умереть с вами!" - вскричал Амвросий и внезапно проснулся.

Он вскочил с одра и опрометью побежал из подземелья; но лишь только очутился на ступенях, как услышал два грубые голоса:

- Клянусь Геркулесом, - говорил один из них, - если бы теперь попался мне этот повеса, я бы отрубил ему ноги и руки.

- Этого мало, - отвечал другой, - я бы с ним поступил, как Апполон с Марсиасом!

- Я не боюсь ваших угроз! - вскричал Амвросий, - умереть от мук ваших или от палачей Максимиана для меня все равно!

Он выбежал на свежий воздух и увидел, что уже настало утро. У храма Венеры не было ни одного преториянца, и он спокойно дошел до своего жилища. Слуги Амвросия уведомили его, что ночью стража кесаря вломилась в дом Виктора, наложила на него цепи и увела с собою. Начальник стражи обвинял его в сопротивлении законной власти и в нападении на исполнителей Максимиановых повелений; уликою была тога с именем Виктора, которую преступник, по словам его, сбросил во время бегства. Амвросий поспешил в дом своего друга, чтобы от его сестры узнать подробности этого происшествия. Он застал ее на коленях перед образом спасителя. Крупные слезы блистали в ее глазах, но лицо ее не показывало никакого отчаяния.

- Амвросий, - сказала она с ангельскою улыбкою, - все несчастья ниспосылаются нам свыше! Сегодня друг твой без всякой вины брошен в темницу; завтра, может быть, погибнет твоя невеста; но да будет воля Господня!»

Тут брат милосердия остановился и, помолчав немного, спросил меня, известны ли мне картины Рафаэля?

- Да, - отвечал я, - и ни на одну из его Мадонн я не могу смотреть без сердечного умиления.

- Так, - продолжал незнакомец, - я вижу, что ты понимаешь великого художника. Но если бы ты знал Леонию, ты бы уверился, что в чертах ее было не менее кротости, не менее небесной чистоты, чем в Рафаэлевых Мадоннах.

- Но, - прервал я рассказчика, - ты говоришь об ней, как будто бы сам ее видел?

Не прерывай меня, - отвечал он торжественно, - и слушай далее:

«Свидание с Леонией произвело на Амвросия странное действие. Ночное происшествие оставило в нем тягостное впечатление, а все, что он думал и ощущал в подземелье Амены, показалось ему так презренно, так нечисто в сравнении с чувством, проникавшим его в присутствии Леонии, что он сам не понимал, как мог забыть ее хотя бы на одну минуту. Ему хотелось пасть к ее ногам, признаться в своем заблуждении и просить прощения, но ложный стыд удержал его. С другой стороны, он боялся огорчить Леонию, открыв ей, что тога, послужившая уликой Виктору, была брошена им самим и что он не может спасти ее брата, не погибнув вместо него. Однако он решился, не теряя времени, отыскать начальника стражи, освободить Виктора и обвинить себя в преступлении, которое приписывали его другу. Пока он бегал по всему Риму, чтобы узнать, кто именно предводительствовал преториянцами, схватившими Виктора, и в какой темнице он заключен, Прошел целый день. Было уже поздно, когда он, собрав нужные сведения, шел по дороге в темницу. Ему надлежало проходить мимо храма Венеры. Лишь только он поравнялся с местом, где накануне спас Амену, кто-то тихонько назвал его по имени. Он остановился и услышал, что голос выходит из подземелья.

- Сойди ко мне на минуту, - говорил голос, - ты устал, и тебе надобно подкрепить свои силы!

- Не нужно, - отвечал Амвросий довольно сухо и продолжал свой путь.

- Амвросий, Амвросий! - закричал голос, - я знаю, куда ты спешишь; но ты не спасешь своего друга, а только погибнешь с ним вместе. Есть другое средство его спасти, сойди ко мне, и я тебя научу, что должно делать!

Слова эти показались Амвросию так убедительны, что он спустился в подземелье. Ковры на этот раз были усыпаны свежими розами, и благоухание их было так сильно, что Амвросию показалось, будто бы он от него пьянеет. Амена с полураскрытыми глазами лежала на подушках.

- Я тебя ожидала, - сказала она ему, - и нарочно велела убрать свое жилище как можно лучше. Выпей немного вина и омой себя водою: смотри, как ты устал и запылился! - Она ударила в ладони, и прислужницы внесли несколько сосудов холодной воды и разные ароматы.

Когда Амвросий выпил чашу вина, они сняли с него обувь и, освежив его ноги, окатили ему голову и плечи.

- Теперь ложись и отдохни, - сказала Амена, - а я покамест уйду к своим девушкам.

Амвросий давно хотел ее спросить, каким образом ему спасти Виктора; но лишь только он начинал говорить, Амена его прерывала. Наконец он, не обращая внимания на ее речи, спросил, что ему надобно делать?

- Ты очень нетерпелив, - отвечала Амена, - но чтобы скорее тебя успокоить, я скажу тебе, как ты должен поступить, чтобы избавить друга твоего от смерти, не подвергая себя опасности. Если ты теперь явишься к тюремному начальнику и скажешь ему, что ты настоящий преступник, а что Виктор невинен, то хотя тебя и посадят в темницу, но Виктора из нее не выпустят. Напротив, претор почтет его твоим сообщником, и вместо одной жертвы погибнут две. Вы принадлежите, - продолжала Амена с видом соболезнования, - к такому сословию, которое всякий может губить безнаказанно и для второго нет ни суда, ни законов. Подумай только, что будет с твоей невестой, когда ни брата ее, ни тебя не останется для ее защиты? Каждый хищник, каждый кровопийца станет на нее смотреть как на свою добычу, которую никто не осмелится и не захочет у него отнять! О, если бы вы не так были упрямы и согласились возвратиться к вашим прежним богам, тогда еще все бы можно поправить!

Амвросия это заключение чрезвычайно поразило, и когда он нечаянно поднял голову, ему снова показалось, что над ним раскинута тонкая сеть из огненных ниток. Однако он не мог не сознаться, что доводы Амены справедливы, и спросил ее, что ему остается делать?

- Во-первых, - отвечала Амена, - ты должен сколь можно менее показываться: связь твоя с Виктором так известна, что рано или поздно она тебя погубит, если ты не будешь осторожен. Во-вторых, никто не может спасти твоего друга, кроме его сестры. Пусть она завтра же пойдет во дворец кесаря, бросится перед ним на колени и молит его о помиловании ее брата. Максимиан изверг, но ему случается показывать проблески великодушия; я уверена, - что молодость и красота твоей невесты тронут его каменное сердце...

Тут ужасная мысль поразила Амвросия.

- Как! - вскричал он, - но если эта самая молодость и красота...

- Я понимаю, что ты хочешь сказать, - прервала его Амена. - Ты боишься, чтобы грубая чувственность тирана не побудила его к какому-нибудь насилию; но будь спокоен. Максимиан теперь занят одною мною, а неудача вчерашнего предприятия так раздражила его любовь, что никакая другая мысль не войдет в его голову. Впрочем, если бы даже это и было возможно, то такой случай - одно предположение; а когда ты своею опрометчивостью лишишь Леонию брата и жениха, тогда в каждом воине кесаревои стражи она найдет Максимиана!

Амвросий согласился со справедливостию этих слов; но, несмотря на просьбы Амены, непременно хотел продолжать путь свой и посетить Виктора в его темнице. Лишь только он приблизился к выходу из подземелья, как услышал снаружи разговор двух преторинцев.

- Я уверен, - говорил один из них, - что человек, скрывшийся около этого храма, сообщник того негодяя, который вчера помешал нам похитить Амену и которого завтра утром прибьют ко кресту!

- В том нет никакого сомнения, - отвечал другой, - и я позволю назвать себя бабой, если отойду отсюда, не дождавшись этого бездельника!

Услышав, что друга его казнят на другое утро, Амвросий очень испугался, Ему хотелось прорваться сквозь толпу преторинцев и силой освободить Виктора; но, после краткого размышления, он увидел, что мысль его безрассудна и что он погибнет без всякой пользы для своего друга. Он решился возвратиться к Амене и рассказать ей подслушанный разговор.

- Ты видишь, - сказала Амена, - что совет мой всего вернее. Так как опасность, угрожающая Виктору, гораздо ближе, чем я полагала, то и ты должен поспешить его спасением. Вот пергамен, напиши сейчас к Леонии, чтобы она чем свет шла ко дворцу и ожидала появления кесаря. Скажи ей, что ты ручаешься за успех. Ты можешь ее смело в этом уверить, ибо могла ли бы я, обязанная твоему мужеству более чем жизнию, дать тебе дурной совет. Одна из моих прислужниц выберет удобную минуту и выйдет с твоим посланием из подземелья. Преторинцы ее не увидят, а если бы и заметили, то пропустят без затруднения.

Амвросий хотел сделать еще какое-то возражение, но почувствовал, что сон его одолевает. Он взял пергамен, написал, что проговорила Амена, и, склонив голову на стол, крепко заснул. Этот раз он ничего не видал во сне, но его пробудил горячий поцелуй Амены...

Встань, - говорила она ему, - теперь уже утро, преторинцы ушли, ты можешь безопасно дойти до дома.

Амвросий чувствовал большую усталость, но он вскочил с триклиния, куда, вероятно, его перенесли во время сна, и вышел из жилища Амены, солнце было уже высоко, и он поспешил в

дом Леонии, чтобы узнать об успехе ее поступка. На дворе встретили его слуги; - они плакали и рвали на себе одежду. Двое из них рассказали ему, что Леония, получив его письмо, очень была им поражена, но тотчас велела им следовать за собою и пошла ко дворцу Максимиана. Она бросилась перед ним на колени и стала умолять его о прощении брата. "Клянусь Юпитером, - сказал кесарь, - я ничего не знаю о ее брате! Что он за человек?" - "Он? - отвечал один центурион, - он христианин, которого за разные дерзкие поступки и, между прочим, за сопротивление твоим приказаниям я велел посадить в тюрьму". - "Ты хорошо сделал, - отвечал кесарь, - и можешь поступить с этим христианином как заблагорассудишь; но сестра его мне нравится, и я хочу составить ее счастье". Тут, по знаку Максимиана, подвели к нему Леонию. "Хочешь ли меня полюбить?" - спросил он ее. "У меня есть жених и брат, - отвечала Леонид с кротостью, - и, после Бога, я люблю их одних!" Услышав такой ответ, продолжали слуги, мы побледнели, ибо глаза кесаря налились кровью и белая пена показалась на его устах. Однако ж он удержался и продолжал довольно ласково: - "Полюби меня, и я осыплю тебя золотом и прощу твоего брата". - "Жизнь его в твоих руках, - отвечала Леония, - но если ты его погубишь, то на это будет воля Божия; любить же тебя я не могу!"

"Послушай, - продолжал кесарь, - если ты будешь упрямитесь, то я обойдусь и без твоего согласия, а брата твоего и жениха заставлю умереть пред твоими глазами в ужаснейших мучениях!" Здесь твердость Леонии ее покинула. Она упала к ногам Максимиана и, заливаясь слезами, обняла его колени. "Сжался надо мной, - вопияла она, - могу ли я любить тебя, пролившего безвинно столько христианской крови! Будь великодушен, отпусти меня и прости моего брата!" Кесарь долго молчал, и смотрел на Леонию ужасными глазами. "Есть одно средство, - сказал он наконец. - Если ты и брат твой откажетесь от вашей веры и согласитесь поклоняться богам, то я вас обоих отпущу, не сделав вам ни малейшего вреда; если же нет, то брат твой погибнет. Твои единоверцы доселе так были упрямы, что все приносили в жертву своему Богу. Мне любопытно знать, до какой степени доходит это упорство!" Леония опять бросилась на колени, но кесарь подал знак, и ее отвели в темницу.

Услышав этот рассказ, Амвросий впал в отчаяние.

- О Амена! - кричал он в исступлении, - ты виновница этого несчастья! Твои хитрости и лукавые советы причиною, что я погубил друга и невесту! Но если я не в силах их спасти, то, по крайней мере, умру вместе с ними!

Он побежал к префекту, рассказал все, что с ним случилось в последние два дня, и просил, чтоб его подвергли казни, но освободили бы Виктора и Леонию. Что предсказывала Амена, случилось. Префект велел отвести его, скованного, в глубокую темницу и засмеялся ему в глаза, когда он упомянул об освобождении друга и невесты.

Амвросий провел ночь в мучительном беспокойстве. На другой день пришел тюремный страж и предложил ему свободу от имени префекта, с тем, чтобы он отказался от христианства. Амвросий с негодованием отвергнул это предложение. Прошел день, тюремщик явился с прежним вопросом. Ответ Амвросия был тот же. Таким образом, он недели две провел в темнице, получая пищи ровно сколько было нужно, чтоб не умереть с голоду, и не видя никого, кроме тюремного стража, приходившего каждое утро с тем же предложением и уходившего в глубоком молчании. Была уже ночь, как Амвросий, лежа на мокрой земле, услышал под собою глухие шаги. Вскоре яркий луч осветил темницу, и он увидел Амену, с лампою в одной руке и с амфорой в другой.

- Можно ли быть столько неосторожным! - сказала она ему, и слезы блистали в ее глазах. - О, если бы ты меня послушался!

- Горе мне! - отвечал Амвросий, - что я тебя послушался! Если бы не ты, Леония не была бы теперь в руках Максимиана. Но удались отсюда и не обольщай меня более!

- О, как ты мало меня знаешь! - сказала Амена. - Я ли виновата, что невеста твоя так гордо отвечала кесарю? Он вспыльчив, и когда войдет в ярость, то бешенству его нет пределов. Но я уверена, что он бы смягчился, если б Леония отказала ему с большею кротостью. Впрочем, надежда еще не потеряна, и если ты последуешь моему совету, то можешь завтра же выйти из тюрьмы и спасти твоих друзей.

- Что ж мне делать? - спросил Амвросий.

- Выпей немного вина, - отвечала Амена, - и я тебе сейчас скажу.

Амвросий приблизил амфору к губам, и, по мере того как он втягивал в себя душистую влагу, странное чувство разливалось по его жилам. Цепи перестали его тяготить; ему казалось, что темница наполняется золотистыми облаками и что перед ним мелькают нимфы, сатиры,

центавры и наяды. Все блестящие картины языческой мифологии постепенно развивались в его воображении, и сердце его трепетало от сладострастной неги.

- Я бы могла, - продолжала Амена, - тебя освободить теперь же. Цепи твои распилить мне нетрудно, а подземный ход, чрез который я вошла, имеет сообщение с моим жилищем; но это бы значило совершить только половину дела, и товарищи твои осталось бы в темнице. Чтобы действовать благоразумно, ты должен непременно, хотя бы на несколько дней притвориться, будто переходишь в нашу веру. Когда об этом узнает кесарь, он захочет тебя наградить и, по своему обыкновению, велит спросить, чего ты желаешь? Ты потребуешь прощения Виктора и Леонии, и когда они будут освобождены, вы убежите из Италии, и в отдаленной Испании дождётесь кончины Максимиана.

Амвросию казалось, что отречься от своего Бога, хотя бы только для виду, смертельный грех; к тому ж он не был уверен, что Максимиан будет так великодушен, как предполагала Амена; но он подумал о мучениях, ожидающих его друзей, и решился принять на себя ответственность поступка, не одобряемого его совестью. Когда настало утро и тюремщик вошел к нему с обыкновенным вопросом, Амвросий отвечал, по наставлению Амены, что во сне ему предстал Меркурий и убедил его перейти к поклонению богов олимпийских. Тюремщик удалился, и вскоре несколько человек кесаревой стражи вошли в темницу, сняли с него цепи и повели к префекту.

- Кесарь знает о твоём похвальном намерении, - сказал ему префект, и приказал мне вручить тебе этот знак его благоволения. - Он подал Амвросию богатый перстень с редкою жемчужиной. - Однако, - продолжал он, - чтобы доказать, что обращение твоё чистосердечно, ты должен сегодня же совершить всенародное жертвоприношение во храме Юпитера. Теперь ступай домой и приготовься.

Пришедши к себе, Амвросий увидел в комнатах множество золотой посуды. Мешки с золотом лежали на полу, а на дворе стояли колесницы с прекрасными конями в богатых сбруях.

- Что это значит? - спросил Амвросий.

- Это прислал тебе кесарь! - отвечали слуги, не радуясь его приходу и поглядывая на него исподлобья.

Сердце Амвросия болезненно сжалось.

В полдень он всенародно принес жертву Юпитеру и отважился просить помилования Виктору и Леонии. Ему отказали, и дали золота. Он в отчаянии побежал к Амене.

- Ещё не все потеряно, мой друг! - сказала она. - Напиши к своим друзьям, чтобы они, подобно тебе, на время притворились. Прислужница моя найдет средство доставить им твоё письмо и к утру принесет ответ. Не пренебрегай также подарками кесаря; они тебе пригодятся для спасения друзей, если нам не останется другого средства, а отказом ты только раздражишь Максимиана.

Амвросий послушался Амены и старался утопить в вине угрызения совести.

- Не будь так печален! - сказала ему Амена. - Если ложное зрение не удержит твоего друга и невесты, то их простят так же, как простили тебя. А с твоим золотом вы можете бежать на край света. Впрочем, я уверена, что они поймут всю цену твоего самоотвержения и не откажутся последовать твоему совету!

Она взяла в руки лиру, и тихие её звуки погрузили его неприметно в сладостный сон. Ему представилось, что он древний герой, презирающий все труды и опасности и жертвующий собою для спасения других. В воображении своём он уже могучею рукою и хитрым умом одолевал все препятствия и преграды. Виктор и Леония были освобождены и со слезами благодарности обнимали его колени...

- Если бы ты не был христианин, - шептала ему Амена, - ты бы вступил в число полубогов!

Он предавался упоению гордости, но его разбудил поцелуй Амены. Она подала ему ответ Виктора и Леонии.

"Неверный брат! - писали они, - слухи о твоём отступничестве до нас дошли, но мы не хотели им верить. Нас нарочно вывели из темницы, дабы мы собственными глазами увидели, как ты преклоняешь голову перед идолом и приносишь ему нечестивую жертву; мы сочли это адским наваждением. Но ты сам к нам пишешь, ты хочешь, чтобы мы следовали твоему примеру. Да оградит нас сила Господня! Напрасно ты нас уверяешь, что поклонялся ложным богам только для вида и чтобы в награду за свою измену получить наше освобождение. Ты бы не должен принять тогда золота от Максимиана, а мы не хотим быть спасены этою ценою? Покайся, пока ещё время, искупи кровию своё заблуждение, или я, Виктор, отрекаюсь от твоей дружбы,

а я, Леония, перестаю быть твоей невестой. Ты уже и так изменил своему слову: мы знаем, что ты проводишь время с презренной женщиной, совращающей тебя с пути веры и обязанностей!"

Когда Амвросий кончил чтение, Амена закрыла лицо руками и горько заплакала.

- О, я несчастная! - сказала она, - вот как они толкуют мою благодарность и преданность к тебе! Теперь ты меня возненавидишь, и я умру с тоски...

- Амена, - отвечал Амвросий, чувствуя сильную Досаду на Виктора и Леонию, хотя он сам себе не признавался, что причиною этой досады было лишь оскорбленное самолюбие, - Амена, я знаю, что Дружба твоя чистосердечна и что ревность к вере соделала друзей моих несправедливыми.

- Нет, мой друг, - сказала Амена, горько рыдая, - они говорят Правду: я одна виною твоего несчастья, я виною, что они тебя отринули; но все это я сделала, желая спасти их, ибо не только для тебя, но и для всех, которые дороги твоему сердцу, я готова пролить до последней капли крови. Амвросий! - вскричала она, упав перед ним на колени, - прости меня, я страстно люблю тебя! Да, я люблю тебя, - продолжала она, не давая ему времени отвечать, - я умру, если ты меня покинешь. Но покинь, забудь меня, я сама тебя о том умоляю, - у тебя есть невеста, мы сыщем другое средство спасти ее, мы подкупим стражей, вы убежите из Италии и будете счастливы. Вот все, что я желаю; у меня же останется воспоминание счастливых дней, проведенных с тобою, и сознание, что я содействовала вашему счастью!

Столько любви, столько самоотвержения в сравнения со строгими словами Виктора и Леонии, отвергавших его любовь и дружбу в то самое время, когда он ожидал их благодарности, поколебали разум Амвросия. Признательность и удовлетворенное самолюбие, с одной стороны, досада и гордость - с другой, сострадание к Амене, ее обворожительная красота - все это затмило в его душе образ невесты и друга. Он без сопротивления предался ласкам Амены и вспомнил о Леонии только на другой день; в нем пробудились угрызения совести; но, по странному противоречию сердца человеческого, он вместо раскаяния чувствовал негодование к Леонии за то, что мысль о ней вырывала его из сладостного забвения и напоминала ему вину его.

Амена всячески старалась развлекать его и так в том успела, что он в продолжение нескольких дней не выходил из ее подземелья, и наконец перестал вовсе думать о Леонии и Викторе. Однажды Амена предложила ему прогуляться по Риму.

- Мы можем показаться без всякой опасности, - сказала она. - Тебя, который теперь в милости у кесаря, никто не тронет, а обо мне он уже давно забыл. Прихоти Максимиана так же скоро проходят, как и рождаются.

Амвросий согласился, и они пошли на Форум. Все им давали место, все на них глядели с почтением. Около полудня Амена почувствовала усталость и пожелала отдохнуть. Дом Амвросия был близок, и они вошли под его портик и расположились у фонтана.

- Ах, - сказала Амена, - как бы обрадовались мои родные, если б они могли меня видеть! Не позволишь ли ты послать за ними? - Амвросий хотел отвечать, но в эту минуту прекрасный юноша в легкой одежде, с посохом в руке, подошел к Амене и что-то ей шепнул на ухо.

- Родные мои, - сказала Амена, - предупредили мое желание. Вот Гермес, служитель моего отца, пришел тебя просить, чтобы ты им позволил прийти.

Амвросий согласился и, позвав слугу, приказал ему приготовить богатое угощение. Когда солнце зашло, гости стали собираться. Один из них был высокий мужчина с кудрявой черной бородой и с длинными волосами, похожими на львиную гриву. Важное его лицо показалось Амвросию знакомым, и он вспомнил, что уже видел его во сне. Другие, обою пола гости, были все прекрасны собою, кроме одного, запачканного сажей и сильно хромавшего. Когда они улеглись вокруг стола, то, кроме Амвросия и Амены, было всех-навсего одиннадцать человек. Вскоре между ними завязался разговор. Они говорили очень увлекательно, особенно мужчина с кудрявой бородой.

Пока Амвросий его слушал, в нем разверзались совершенно новые понятия, и он стал смотреть на жизнь, на веру и на добродетель совсем другими глазами. Собеседники его все более или менее придерживались философии Эпикура, и спор состоял только в том, что должно почитать высшим удовольствием в мире? Один превозносил любовь, другой вино, а третий славу. Амвросий несколько раз пытался им противоречить, но они легко опровергали его убеж-

дения и так умно шутили над любовью Платона, учением Сократа и воздержанием Сципиона, что самому Амвросию мнения его показались смешными.

Чтобы веселее провести время, кто-то предложил послать за плясунами и танцовщицами. Они вскоре явились, и искусство их так понравилось Амвросию, что он начал бросать им мешки золота, один за другим. Потом стали играть в кости, и Амвросий проиграл большую часть богатства, недавно ему доставшегося.

С первым криком петуха гости удалились, и с Амвросием осталась одна Амена. Он только что хотел отдохнуть от проведенной в шумных удовольствиях ночи, как услышал сильный стук у дверей.

- Отвори нам, проклятый обманщик, - кричали грубые голоса. - Ты притворился, будто поклоняешься Юпитеру, а между тем носишь на себе крест и еще обратил знаменитую римлянку в свою нечестивую веру! Но вы от нас не уйдете и завтра же будете сожжены живые!

И, говоря это, множество людей стучали в двери так, что она трещала.

- Сбрось с себя крест! - шепнула ему побледневшая Амена, - иначе мы оба пропали: я узнаю голоса преторийцев!

Между тем удары сыпались градом на дверь, и одна веревка уже отскочила.

- Сбрось крест, сбрось крест! - умоляла Амена, упав перед ним на колени...»

Здесь незнакомец замолчал.

- Что ж сделал Амвросий? - спросил я.

- Он сбросил с себя крест! - отвечал незнакомец с тяжелым вздохом.

- Что ж было после? - спросил я опять, видя, что брат милосердия хранит глубокое молчание. - Ты, честный отец, так принимаешь рассказ свой к сердцу, как будто сам знал Амвросия...

- Не мешай мне, - отвечал брат милосердия, - и слушай, что мне остается тебе сказать:

«Вломившись в дом, преторийцы обыскали Амвросия и Амену, обшарили все комнаты, углы и застенки, и, не найдя креста, удалились, не сделав никому вреда. Настало утро, и Амвросий забыл об этом происшествии.

Прежде хотя редко, но случалось, что он, среди наслаждений и шума, вдруг вспоминал о друзьях и как будто с испугом просыпался от продолжительного сна. Амена обыкновенно его уверяла, что друзей его скоро выпустят из темницы, что невинность их открыта и что кесарь намерен богато вознаградить их.

Тогда угрызения его совести умолкали, и он вновь утопал в удовольствиях. Теперь же, после потери креста, никакое воспоминание его более не тревожило, и он постоянно оставался в каком-то чаду, в приятном опьянении, мешающем ему замечать, как проходило время. Дни он проводил в театрах, ночи в шумных оргиях с родными Амены. Между тем время текло; золото уменьшалось, и однажды он с ужасом заметил, что от прежнего богатства у него не осталось ничего. Кони, колесницы и дорогая посуда давно уже были проиграны.

- Не печалься, - говорила ему Амена, - на что тебе деньги, разве мы и без них не довольно счастливы? В моем жилище найдешь ты все, что нужно для тихой и беззаботной жизни, а любовь моя заменит нам потерянную роскошь!

И Амвросий опять погружался в удовольствия и не помышлял о будущем.

Однажды он услышал, что два преступника осуждены на съедение зверям в этом самом Колизее, где мы теперь находимся. Ужасное предчувствие в первый раз им овладело, и он вмешался в толпу народа, бежавшую с криками радости по дороге к амфитеатру. Амена за ним последовала. Когда они поместились на ступенях, он обратился к своему соседу и спросил его, знает ли он имена преступников?

- Их зовут Виктор и Леония, - отвечал сосед, - они оба христиане, и умирают за упорство в своей вере.

Тут один человек продрался сквозь толпу и, приблизившись к Амвросию, сказал ему на ухо:

- Через четверть часа друзья твои должны быть растерзаны зверями. Я тюремный страж; дай мне тысячу сестерций, и я им помогу убежать!

- Амена, - вскричал Амвросий, - ты слышишь, что говорит этот человек?

- Слышу, - отвечала Амена, - но какое тебе до них дело? Они христиане, а ты - поклонник богов олимпийских!

- Как, Амена, - продолжал Амвросий в отчаянье, - разве я не христианин?

- Ты? - отвечала Амена. - Разве ты не приносил жертвы Юпитеру? Разве ты не сбросил с себя креста?

- Дай мне пятьсот сестерций! - продолжал тюремный страж, - и я освобожу твоих друзей!
 - Ты слышишь, Амена, - умолял ее Амвросий, - достань мне пятьсот сестерций, только пятьсот!

- У тебя были горы золота, - отвечала Амена. - Куда ты его дел?

- Слушай, - продолжал тюремщик, - дай мне один асе, и друзья твои свободны!

- О, я несчастный! - вопиял Амвросий, - у меня нет и обола!

- Так ты, видно, не хочешь спасти друга и невесты! - сказал тюремщик и скрылся в толпе.

- Амена! - вскричал тогда Амвросий, и холодный пот градом побежал с его лица. - Ты одна всему виною: по твоим советам я сделался богоотступником, для тебя забыл невесту и друга! Спаси же их теперь, на коленях умоляю тебя, спаси их!

- Как, - сказала Амена, странно улыбаясь, - ты все это сделал для меня и по моим советам? Разве ты, прежде чем меня увидел, не поклялся своему Богу, что никакие мучения не заставят тебя от Него отречься? Какие же ты испытал мучения? Ты от Него отрекся добровольно. Ты принял в награду золото и подарки от Максимиана, и истратил их на свои прихоти. Разве не я сама тебя просила, чтобы ты меня покинул и остался верен своей невесте? Но невеста и друг приняли твои советы не с такой благодарностью, как ты ожидал: они тебя справедливо упрекали в клятвопреступлении, и ты на них вознегодовал, и предал их Максимиану... Во всем этом я не виновата нисколько. Я наслаждалась твоею любовью, но ее не вынуждала. У тебя был свой рассудок, и своя совесть. Пеняй же теперь сам на себя!

В эту минуту привели на арену Виктора и Леонию. Лица их были спокойны, поступь тиха и величественна. Пришедши на середину арены, они преклонили колена и устремили к небу глаза, исполненные умиления и восторга.

- Виктор! Леония! - закричал отчаянным голосом Амвросий; но они его не слышали: ничто земное уже не могло коснуться праведников: казалось, они в предсмертный час внимали небесной гармонии и пению серафимов.

- Римляне! - закричал Амвросий. - Бросьте меня на арену! Я вас обманывал: я христианин, и хочу умереть за свою веру!

- Он сумасшедший, - сказала Амена, - не слушайте его, он сумасшедший!

Тут Амвросий встал со ступеней, выступил вперед и сотворил крестное знамение.

- Кто бы ни была ты, ужасная женщина, - сказал он, обращаясь к Амене, - я отрекаюсь от тебя! отрекаюсь от твоих богов! отрекаюсь от ада и сатаны!

Услышав эти слова, Амена испустила пронзительный визг, черты ее лица чудовищным образом исказились, изо рта побежало синее пламя; она бросилась на Амвросия и укусила его в щеку. В эту минуту из-за железной решетки впустили на арену четырех львов... Амвросий упал без чувств на ступени амфитеатра...»

Незнакомец опять замолчал, и я долго не смел прервать его молчания.

- Кто ты, таинственный человек? - спросил я наконец, видя, что он хочет удалиться.

Вместо ответа брат милосердия отбросил покрывало: страшно бледное лицо устремило на меня выразительный взгляд, - на его щеке я увидел глубокий шрам, как будто из нее мясо было вырвано острыми зубами. Он опять закрыл лицо и, не сказав ни слова, медленными шагами вышел из арены и исчез между развалинами...

А. ТОЛСТОЙ.

Дураков на свете нет. Каждый человек умён. По-своему.

"Сморозить глупость"

Это выражение появилось благодаря господам гимназистам. Дело в том, что слово "морос" в переводе с греческого как раз и обозначает "глупость".

Преподаватели так и говорили нерадивым ученикам, когда они от незнания урока начинали нести околесицу: "Вы морос несете". Потом слова были переставлены - и получилось, что от незнания гимназисты "глупость морозили".

Тайна русского слова

Высокий смысл привычных слов

Процессы, которые происходят сейчас в русском языке, лингвисты называют «третьей варваризацией» (первая была в Петровскую эпоху, вторая - после революции 1917 года). Точнее, следовало бы говорить о тотальной жаргонизации, ибо именно жаргон правит сегодня свой мерзкий бал в речи большинства представителей всех слоев общества. Елена Галимова, профессор ИГУ, г. Архангельск.

С понятием искусства тесно связано и понятие вдохновения. Слово это есть прямое свидетельство, указывающее на главного участника творческого процесса, - Того, Кто даровал талант, Кто вдохнул в художника мысли, чувства, переживания, в конечном счете вдохнул жизнь в его творение: будь то икона, стихотворная строка или красивая мелодия. Как же созвучно это процессу сотворения Богом самого человека: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7). Неживое: звук, буква, глина - не может одушевиться без участия Бога, без Духа Свята. А потому о лучших творениях сынов человеческих во все времена говорили и будут говорить, что рукой художника водил Сам Бог.

Аналогичные выводы можно сделать относительно слова призвание, которое тоже довольно часто употребляется в среде людей, занимающихся художественным творчеством.

Как же удивителен и совершенно ясно различим его исконный смысл: призывание. Кем и к чему ты призван, человек? Как важно различить и не перепутать в многоголосице зов Того Единственного, о чем так мудро сказано устами святых: «Не пытайтесь делать все - делайте только то, к чему вас призывает Бог».

Однако творческому человеку необходимо помнить, что мир преизобилует нечистыми духами, что не все ангелы светлы и добропобедны. Отсюда и творения, выдаваемые за искусство, которые способны лишь унижить образ Божий в человеке. Не секрет, что наиболее искушаемыми и склонными искушать других становятся те деятели искусств, кто и впрямь поверил, что, занимаясь творчеством, всерьез способен конкурировать с Самим Творцом. С этого момента проблема из нравственно-философской области плавно перетекает в медицинскую, чему мы с вами «тму примеров сыщем».

Остается добавить, что понятие искусства в таком высоком смысле, как в русском языке, не встретить в иных языках. Скажем, если перевести это слово с азербайджанского, то оно будет звучать только в значении хрупкое, нежное ремесло, профессия.

Главной же целью всякого искусства, без которого нам не обойтись, главным его оправданием должно быть, наверное, все же стремление угадать и раскрыть человеку замысел Божий о нем самом. Истинное искусство по-особому освящает нашу жизнь подобно тому, как Церковь освящает обычную воду, превращая ее в святину.

Брателлы из общаги

Своеобразным мериллом нарастающей апостасии нашего мира и секуляризации общественного сознания является не только искажение, но нередко и опошление подлинного смысла слов, вошедших в наш лексикон из церковной жизни, некогда неотделимой от каждодневного бытования русского человека. Кто-то, быть может, впервые узнает о том, что слово общежитие пришло к нам из монашеской среды, почему и уставы монастырей называются общежительными. И как же разительно это не похоже на печально знакомые многим из нас разнузданные общаги.

То же произошло и со словом сожитель (сожительница), которое ныне отдает не вполне чистым духом - вкралось в них что-то темное, нечистоплотное. А вот у Пушкина в «Капитанской дочке» встречаем это слово в его исконном смысле: «Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу». Причем хозяин - это священник Герасим, а сожительница - попадьба Акулина Памфиловна. Понятно, что язык живет, что множество слов приобретают новые значения, но почему обязательно - с понижением смысла?

Так, слово брат, перейдя из церковной лексики в жаргон, выродилось в такие пошлейшие слова, как братва и брателло. И не только форма древнего слова изменилась - уродливой стала

сама интонация. Правило, гласящее о том, что важно не столько что, а как - неизбежно во все времена. А ведь именно словом братия чаще всего взывает к нам Господь в Своей Церкви со страниц Священного Писания.

Не случайно поэтому Сталин, глава советского государства, с начала своего существования отделившего себя от Церкви и разрушающего ее, в один из самых трагических моментов отечественной истории, выступая в связи с общенациональным бедствием - началом Великой Отечественной войны, обратился к своему народу традиционным церковным: братья и сестры.

Читая письма святителя Феофана Затворника к своим духовным чадам, не мог не обратить внимания на то, что он нередко ставил в конце их подпись: доброхот. И какой же язвительно-ироничный смысл приобрело это слов за истекшее время, с какой недоброй интонацией произносится оно ныне.

То же случилось со словом соревнование, некогда воспринимаемым не как состязание и соперничество за первенство, а как совокупность духовных усилий, ревность ко Христу, стремление к святости.

Еще слово правитель - как разительно отличается оно коренным своим смыслом от всевозможных лидеров, генеральных секретарей, президентов и премьер-министров. Только вслушаемся: правитель - это ведь тот, кто призван вести вверенный ему Богом народ по правому, сиречь спасительному пути, дабы восстал он, когда прейдут времена и наступят сроки, справа - одесную Престола Божия. И как же печально сознавать, что в каждом новом руководителе бесконечно терпеливый народ наш все чае узреть истинного правителя, тогда как унылой вереницей все тянутся и тянутся суть одни кривители.

А им бы заглянуть - хотя б разок - в Канон Ангелу Хранителю и замереть, прочитав молитвенное обращение к нему: «руководителю мой».

Слово событие - оно означает ныне происшествие, значимостью своею или масштабом отличающееся от повседневности, возможно, не имеющее никакого отношения к самому человеку. А ведь в глубине изначального своего смысла оно и есть именно причастность, непосредственное отношение его самого (со-бытие) к чему-либо, что и сделало это происшествие знаковым. И если так, то и каждый день - в идеале - должен непременно стать событием!

«Пусть я - убогий!»

Вспоминаю, как в детстве еще слышал от некоторых взрослых нелестную характеристику, которой они частенько награждали людей непрактичных, то есть тех, кто так и не смог приспособиться к жестким реалиям жизни: не ловчил, не заискивал, не стяжал, старался быть, а не казаться. О таковых неизменно говорили со снисходительной усмешкой, граничащей с жалостью: бедняга, он не от мира сего. Вдобавок могли и пальцем покрутить у виска. Да и сегодня такое не редкость, еще и добавляют с оттенком плохо скрываемого превосходства: убогий! И как же был я поражен, взяв когда-то в руки Евангелие и прочитав слова Христа, сказанные Им вначале о Себе Самом: «Я не от сего мира» (Ин. 8, 23), а позже о Своих учениках: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15, 18-19). Таким образом, то, что в миру звучит как клеймо, пред очами Божиими оказывается высшей добродетелью. Воистину тысячу раз прав Апостол: «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3, 19).

Что же касается пресловутой убогости, то слово это не есть обозначение некоей ущербности, в том числе и физической. Скорее, наоборот - в нем запечатлен статус тех, кто изначально, от рождения, на особом счету у Самого Господа. Недаром гласит народная поговорка: «Не бойся богатого грозы, бойся убогого слезы». Вот и в стихотворении московского поэта Владимира Лесового об этом же говорится:

Пусть я - убогий,
Но я - у Бога.

В.Д. ИРЗАБЕКОВ.

Удобство - это когда есть телефон. Изобилие - когда два. Роскошь - когда три. Блаженство - когда ни одного

*Я всегда выберу ленивого человека делать трудную работу, потому что он найдет легкий путь ее выполнения".
Билл Гейтс*

КРИК

Однажды, ранней весной, шли мы в Батум из Порт-Саида. В Стамбуле были чумные случаи, дела наш грузовик там не имел; мы решили миновать Золотой Рог, а рассвета дожидаться в Коваках, у входа в Черное море: ночью из Босфора не выпускают. И вот отправили с нами из Дарданелл двух турок, двух карантинных стражей, дабы они удостоверили, придя в Коваки, что остановки на Босфоре не делалось.

Снялись мы из Дарданелл в четыре. В пять матросы обедают. Перед обедом полагается им по манерке спирту. Но был чистый четверг, некоторые сочли за грех пить в такой день. А чтобы спирт не пропадал даром, поднесли - для потехи - туркам. Спирт свалил их, непривычных к вину, с ног, и они заснули: один, рослый, дюжий, на корме, над самым винтом, другой, маленький, на крышке трюма между кормой и машинной частью. И перед тем, как заснуть, этот маленький долго бормотал и по-турецки, и по-гречески, и даже по-русски: «Русс - карашо, араб - нет карашо!»

Он рассказывал, что у него, человека простого и бедного, жена была такая красавица, что он даже по имени не звал ее никогда, а говорил: "Джаным, сердце мое", что она уже давно умерла, родив ему сына, что и сын его был красив, нежен и почителен, как девушка, да увезли его в Стамбул, отправили на войну, в Аравию. А уж из Аравии не вернешься, нет! - говорил он. И, вскакивая, громко вскрикивал, как бы стреляя из карабина, падал на спину, изображая убитого наповал, и задирали свои кривые ноги в шерстяных полосатых чулках. Штаны его, очень узкие книзу, были в заплатках, мундир - коротенький, истрепанный, феска грязная, бараньи глаза мутны, усы вислые, подбородок давно не брит, лицо все в морщинах. И матросы хохотали и жалостно говорили:

- Вино-то, вино-то, братцы, что делает!

Вечером я лег спать, приказав разбудить себя, лишь только откроется маяк. Около двух часов ночи вестовой постучу в дверь моей каюты и негромко сказал:

- Подходим.

Я оделся и вышел. В кают-компании тускло и печально горел один рожок. Легкий свежий бриз дул в открытую дверь, за которой синела лунная ночь, и, сухо шелестя, чуть трепетали перистые веточки карликовой японской пальмы, стоявшей в горшке у камина. Среди тишины, царившей всюду, выделялись только этот шелест да медленное постукивание стенных часов. А чуть слышный звон рюмок, которыми увешан потолок в буфете, и та слабая дрожь, которой дрожит весь пароход от машины, работающей в глубине его глухо и мерно, как огромное сердце, не нарушали тишины. Я вышел на левый борт - и загляделся на приближающийся Стамбул, на редкие ночные огни его, матово блестящие за белесым тонким паром, на его призрак, фантастический и величавый, таинственно-бледный на синеве лунной ночи...

Потом поднялся на мостик. Глядя вперед, за фок-мачту, дежурили у телеграфа капитан и вахтенный помощник, в шапках, в теплых куртках. Они не обернулись, когда я стал за ними, возле штурманской рубки, где, в сумраке, держась за рога рулевого колеса и не спуская глаз с компаса, освещенного низко спущенной электрической лампочкой под колпаком, каменел рулевой. Они, тоже замороженные ночью и Стамбулом, роняли слова команды медленно, вполголоса.

- Пять градусов лево, - бесстрастно, не оборачиваясь, говорил капитан.

- Есть пять градусов лево, - протяжным сиплым альтом отзывался рулевой.

Мерно, медленно отдавались из глубины вздохи машины, и медленно шло и развертывалось перед нами сказочное царство великого города.

- Так держать, - просто и осторожно говорил капитан.

- Та-ак держа-ать! - на четыре тона выше брал рулевой.

Я поднялся на штурманскую рубку. Мертвый штиль. Полная ясная луна стоит справа, почти сзади нас, над туманными силуэтами Принцевых островов. Огромная золотая полоса простирается между ними, под той тенью, что всегда лежит по горизонту за лунным блеском. Блеск зеленоватого стекла возникает и гаснет, переливается по волнам возле самого борта. Но все в отдалении, - и холмистые побережья, и Золотой Рог, медленно раскрывающийся перед

нами, и бледные призраки Скутари, Стамбула, Галаты, - все подернуто матово-белесой чадрой, нежной, прозрачной, как драгоценные брусские газы. И за этой чадрой, как несметные глаза таинственные и прекрасные, матово и недвижно блещут несметные, далекие и близкие огни: золотые, мелкие - густо насыпанные, среди темных садов, на скутарийском берегу; роями усеявшие сверху донизу гору Галаты; изумрудные и рубиновые, крупные - на мачтах в Золотом Роге, на буюх сторожевых лодках, длинно отражающиеся в зеркальной воде; редкие и сонные - в Стамбуле, спящем с открытыми блестящими глазами на своих холмах против луны. Я различал деревянные дома его предместий, легкие высокие минареты вокруг чашеобразных куполов белой Ахмедие, древний, дорогой мне купол Софии, сады Сералья и серую стену дворца Константина. Я опять обонял этот особый, сладкий и сухой аромат берегов Турции...

Вдруг откуда-то издали пронесся в тишине чей-то слабый рыдающий зов.

- Юсу-уф! - крикнул кто-то.

Все ближе роились огни. Мы шли, а мимо нас несло назад красные фонарики на сторожевых лодках. Я подумал: это, верно, кто-нибудь на сторожевой лодке крикнул; может быть, это убийство и вопль о пощаде; может быть, контрабандиста-грека поймали.

Вот опять негромкая команда и альт рулевого. Луна меняет место, надвигается справа скутарийский берег - далеко по зеркальной воде легла тень его. Уже прошла гора Галаты, сплошь залитая каменным городом, подернутая прозрачно-белым покровом. Сзади остались два сонных сквозных изумруда, низко, один над другим повисших над водою, - там, где торчит из воды белая башенка Леандра. Нос парохода медленно поворачивает, - закрывается выход в Мраморное море, блещущий, как стеклянно-золотое поле, возле Серальского мыса. Это поле меркнет; раздаётся короткий хрустальный звон нашего телеграфа; мы все круче забираем вправо. Теперь уже нигде нет блеска. Беломраморные дворцы тянутся по левому побережью, купая в воде широкие ступени своих мраморных пристаней. Тень достигает и до них; зеленовато-бледен в тени мрамор...

- Юсуф! - опять долетает откуда-то издали. Я прислушиваюсь.

- Юсуф! - страстно, захлебываясь слезами, кличет голос с кормы. - Юсу-уф!

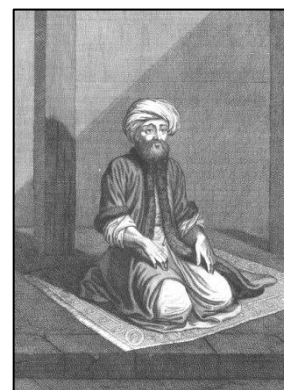
Спустившись с рубки, я быстро пошел туда. Сбежал по трапу со спардека, прошел возле мерно и глубоко вздыхающей машины, обдавшей меня своим теплом и запахом разогретого масла. Опять луна переменяла место. Она далеко за кормою, над золотым огромным озером, которым стал теперь Босфор среди сомкнувшихся берегов... И, еще раз сбежав, увидел я черную фигурку, на коленях, спиной ко мне, стоящую на крышке трюма. Она садилась порою на пятки, как делают это во время молитвы, порывисто поднималась, что-то искала в рогожке, служившей ей вместо молитвенного коврика, и опять откидывалась и, воздевая руки, страстно кратко, с несказанной болью и мольбою вскрикивала:

- Юсу-уф!

И я все понял.

Он, этот маленький турок, заснул, набормотавшись, напевшись спяну греческих песен. Он проспал все Мраморное море. И вдруг очнулся возле самого Стамбула, отнявшего у него сына. Он покорно, как истый муслим, принял и затаил в сердце свое горе. Никто не замечал следов скорби в его равнодушных морщинах, в бесстрастно поднятых бровях и висячих усах. Да и слишком тупо ныла эта скорбь в его сердце. Но вот это путешествие в Коваки, эти чужие люди, начавшие угощать его махоркой и огненной водкой... Сведенный ею с ума, чувствуя, что он плывет в город самого падишаха, стал он с болезненным восхищением вспоминать, как увозили туда его сына, представлять себе с непонятным восторгом, как убили его в Аравии... И свалился, наконец, потерял сознание. А потом вдруг очнулся. Что-то тяжело томило его в пьяном, тяжком сне. Когда же открылись его глаза, почувствовал он позднюю ночь по той тишине, которая окружала его, увидел величавый и фантастический в лунном свете призрак Стамбула - и внезапно, всем существом своим, постиг всю глубину того, что сделал Стамбул с его никому не нужной, жалкой жизнью и с прекрасной молодостью Юсуфа. И это о нем, о сыне, рассказывал он хохотавшим русским собакам!

Я подошел к нему. Он повернул ко мне бледное в лунном свете, все мокрое от слез, с мокрыми висячими усами лицо, выпучил на меня свои бараньи, остекленевшие от алкогольного яда, от рыданий и натуги глаза. Зачем под ним эта скомканная рогожка? Он вспомнил еще и то, что проспал вечернюю молитву, и кинулся, падая и опять поднимаясь, расстилать эту рогожку. Но до молитвы ли! Все мешается в его мозгу, он чувствует только одно - ужас и тоску. И вдруг

начинает кричать Стамбулу, лунной ночи, что он один и погибает. Нет, этого не может быть! Сын жив, он должен быть жив, он должен вернуться!

Я взял его ледяную руку. Он отшатнулся, вырвал ее. И опять, не сладив с хмелем, тяжело упал задом на пятки. Неудержимо катившиеся слезы застилали его изумленные глаза, пьяный насморк затыкал дыхание.

- Юсуф! - крикнул он тупо и кратко, как человек, вынырнувший из воды.

И завопил, затрясшись от рыданий, захлебываясь и простирая руки к Стамбулу:

- Юсуф! Юсу-уф!

Неслась вода мимо борта. Золотое озеро за кормою меркло.

28. VI. 1911

И. БУНИН.

*Когда-то Хемингуэй поспорил, что сочинит рассказ из шести слов, который станет самым трогательным из всех ранее написанных. Он выиграл спор:
«Продаются детские ботиночки. Неношеные.»
("For sale: baby shoes, never used.")*

СЛУЧАЙ В ПУТИ

Неустанных колёс мерный гул
Убаюкал меня понемногу.
Я, к стеклу прислонившись, примгнул
И увидел большую дорогу.

В отдаленье стоял человек,
И звучал голос хрипло и глухо:
"Рознь посеял бездушный наш век.
Мы ушли кто куда друг от друга."

Слёзы гасли в его бороде.
Старец звал, руки к небу вздевая:
"Люди русские, братья, вы где?..
А в ответ – тишина гробовая.

Я, очнувшись, тряхнул головой.
Сердце громко стучало в тревоге.
Пригляделся: то столб верстовой
Одиноко стоял у дороги.

Александр Бывшев. Россия.

Как старуха пред иконами стояла,
Все молитвы те, что знала, прочитала:
– Трех сыночков я родила, Матьер Божья:
Станислава, Николая, да Сережу.
Но вчера пришло известие в конверте,
Что уж нету их в живых на белом свете...
Ты все можешь: пусть пришлют мне по листочку,
По записочке от каждого, по строчке -
От Сергея, Станислава, Николая:
Как им там теперь живется, в Божьем Рае?
И приходит ночью маме три конверта:
По конверту от сыночка с того света.
Долго мать сыновни весточки читала,
Лишь рука ее дрожала... так дрожала!..
Вот и утро незаметно наступает,
Вот и свечка стеариновая тает,
За окошком все светлеет, да светлеет.
Под иконами старуха коченеет...
Перед нею – три березовых листочка:
По листочку от убитого сыночка...

Михаил ТУЛУЕВСКИЙ. Россия.

*О. Генри стал победителем конкурса на самый короткий рассказ, имеющий завязку, кульминацию и развязку:
"Шофёр закурил и нагнулся над бензобаком, посмотреть много ли осталось бензина. Покойнику было двадцать три года."*

Преглупая история

Никто понять не мог - что нашло на Лёвушку в то утро...

- Да он же маленький, тшедушный... В чём только душа держится! - сразу отбросила обвинения Полина Ивановна, выхолонная, пожилая хозяйка нескольких квартир.

Её поддержали приживалки из харбинской ночлежки, которых она, по доброте своей, всегда пускала переждать холода и которые вечно задерживались на всё лето.

- Э-э-э, какой там! Энтот скромница-тихоня из благородных...

- Он и мухи не обидит...

Но было в Лёвушке немало и от грешного человека.

Вдову-соседку Шмаковну Лёвушка люто ненавидел. Обнищавший дворянин в потёртом пиджаке с чужого плеча, что висел на худой спине как на вешалке, был гордым. Стоило фигуристой вдове, не по случаю принаряженной, отпустить недвусмысленную шутку в его адрес или, проходя мимо, как бы нечаянно его задеть, он вздрагивал, застенчиво опускал глаза и поскорее шёл дальше. Но была и другая причина. Лёвушка воевал в Гражданскую. Отступая с Каппелем, перешёл через замёрзший Байкал. Одно из увечий, полученных в боях, самое для него страшное, он всеми силами скрывал... А статная, щекастая, с голубыми чуть дерзко-выпученными глазами, Шмаковна его тревожила.

Завидев соседку на узкой дорожке сада, Лёвушка повернул было назад к флигелю: «Не мозолила бы глаза, хоть вздохнул бы свободно!»

- Чего бежишь-то? Заходил бы, а? - крикнула издали Шмаковна. - Всё равно далеко не спрячешься. Никуда вашему брату от бабы не уйти! - Покачивая крутыми бёдрами, она двинулась дальше.

Марь-Палну, или Шмаковну, как прозвали её соседи, не любили многие. За невежество. За безобразное любопытство. За бессовестные сплетни. И вот теперь, по её вине, Лёвушка может потерять единственную возможность подрабатывать гроши в Иверском храме...

Мягко качнулись над землёй ясные майские сумерки. Лёвушка отложил книгу, - от утомления в глазах двоилось. Вдруг за дверью послышался шорох; на пороге показался дьякон Поликарп.

Отец дьякон давно бывает у Лёвушки. Поначалу заходил из дружбы, а теперь, как говорится, по долгу службы. Тощий как сельдь, с прозрачными пронизательными глазами, он прославился тем, что с одного взгляда умел определять характер людей. За это архиерей поручил ему узнать - насколько виноват человек, и виноват ли...

Наблюдая, как Лёвушка потчует чем Бог послал, дьякон крякает от удовольствия:

- Ну, давай... по стопочке, во спасение души... И заодно побеседуем: говори как на духу - было али не было..?

- Я её когда-нибудь убью...

Дьякон в ужасе перекрестился и зашептал молитву. И опять за своё:

- А ну, как не Шмаковна на тебя донесла? И потом, сам понимаешь: чтец в храме - это не просто так. Надо себя в чистоте блюсти.

- Да я... Да я вовсе не... - от волнения Лёвушка начал заикаться и махнул рукой: за других он жизнью рисковал, но за себя... - «Не могу! Пусть Бог рассудит!». - Он замолчал и только глубже запахнул свой выцветший халат.

Опять Лёвушка ставил дьякона в тупик, и опять он уходил ни с чем. А тот, опускаясь на дно майской грусти, когда самое время слушать соловьёв, искал утешения в чтении духовных книг.

Лёвушка давно подозревал, что Шмаковне хорошо известно - куда и с кем он ходит, кто к нему приходит. Что она за ним шпионит. «Любопытство, положим, не порок, но такое свинство...» - вздыхал он, запирая на ночь дверь флигеля. Не знал он только одного: крепкая и далеко не старая вдова интересовалась его персоной не от безделья. Одиночество и дурман цветущего мая сводили её с ума.

Прихорашиваясь перед зеркалом, Шмаковна любила поговорить со своим отражением:

- Отчего бы тебе, красуля, не женить его на себе? Не беда, что замухрышка: на безрыбье и рак - рыба...

Шмаковна глянула в окно: на дворе темнеет; надо скорее бельё с проволоки снимать, чтобы ночью китайцы не разворовали.

С книгой под мышкой, на крыльце появился Лёвушка. Поксон тут же кинулся на забор. Завидев ненавистную собаку, Лёвушка проговорил вполголоса:

- И надо же было назвать низкопробную дворнягу таким благородным именем!

Он направился к калитке.

- Эй, Лёвушка, ходь на посиделки! - крикнула Шмаковна, игриво подбоченясь, - Вдвоём-то... да с выпивкой...

Даже в темноте Лёвушка почувствовал, что краснеет. В панике стал искать отговорку:

- Собственно, я ко всенощной...

«И вообще, - скрипнул в душе зубами, - на что ты мне сдалась!» Однако, сдержался, и на прощанье учтиво махнул издали.

Точно ножом полоснуло женскую гордость:

- Со мной не хочешь, а с другими, набось, пьёшь...?

- Да оставь ты его, - отозвалась из синей глубины двора Полина Ивановна. - Видишь, человек в храм спешит, духовное читать должен...

За Лёвушкой закрылась калитка. «Ну, подожди, ты у меня дочитаешься..!» - Шмаковна бросила взгляд полный ненависти в сторону флигелька. Однако, злобу решила не демонстрировать.

С тех пор не проходило дня, чтобы у Лёвушки не пропадали из ящика письма. Или наоборот, приходили анонимки с довольно откровенными приглашениями. А вскоре молоденькие харбиночки стали получать от его имени странные записки. И получали непременно те, с которыми Шмаковна была лично знакома...

Однажды утром во двор Полины Ивановны прибежала чистенькая, свежая как роза гимназистка Зиночка. Спросила у хозяйки Лёвушку. Когда на пороге флигеля показалась его всклокоченная голова, Зиночка, в слезах, потрясая листком бумаги, с возмущением закричала:

- Как вы могли такое писать! Кто вам дал право? А ещё в храме читаете!

Ничего не понимая, Лёвушка уставился на девушку.

- Даю вам честное слово русского офицера: я не...

На другое утро в Лёвушкину дверь изо всех сил стучала какая-нибудь Маня, потом Таня. Иногда Катя и Феша вместе... Лёвушка опять оправдывался. Клялся. Но его не слушали, крик и слёзы продолжались.

На подмогу соседу неизменно выходила Шмаковна.

- Я знать не знаю, чем вы так огорчены, - обращается она к девушке, - но Лёвушка - уважаемый человек, он выше всяких подозрений. А потому, негодница, прочь отседова!

Потом поворачивается к Лёвушке и, поджав губы, сокрушённо воркует:

- Вот, что делает жизнь без бабы-то... Надо быть осмотрительнее. А ну, в следующий раз не смогу выручить?

При последних словах Шмаковны, Лёвушка недоверчиво покосился на соседку: в груди опять шевельнулось подозрение. Не говоря ни слова, он повернулся и ушёл к себе.

Письма, девичьи слёзы, истерики продолжались месяца два. Лёвушка геройски переносил незаслуженные упрёки. Хотя порой казалось, что дальше - просто некуда, что хуже и быть не может...

В багровом закате нырнул и поплыл над городом благословенный август. Шмаковна вышла во двор позднее обычного. Устроилась на завалинке: «Эх, ты, бабье одиночество! Чем бы тоску развеять..?». Сидит, украдкой на Лёвушкин флигель поглядывает: сосед давно свет зажёг. Сквозь занавеску видно, что у него кто-то сидит. «И как это я гостя вовремя не заметила!» - с досадой вздохнула Шмаковна. Подойти и заглянуть в окно побоялась: не ровен час, Поксон выдаст. Решила не уходить, ждать - что будет...

Ждать пришлось довольно долго. Совсем стемнело. Шмаковна нечаянно задремала. Вдруг сквозь сон до неё донеслись приглушённые голоса. Она разом очнулась. Отодвинулась подальше, в темноту.

- Поверьте, я никогда не заставлю вас раскаться... - волнуясь, говорил кому-то Лёвушка.

Ответа другого человека Шмаковна не расслышала, потому что, как назло, залаял Поксон. Пришлось ускользнуть в укрытие сеней. И всё же, несмотря на темноту, она успела разглядеть развевающийся на ветру чей-то длинный подол...

- Э-э-э, милоч... да к тебе женщина ходит! - чуть не в голос ахнула Шмаковна.

Наутро, смакуя новость, помчалась к Полине Ивановне.

- Ходит к нему какая-то... И ведь ночью, ночью... Каков «скромница»!

Полина Ивановна не поверила.

- Да я своими глазами видала, как он выходил её провожать! Глянула, а рядом с ним - юбка на ветру полощется..!

- Ну, даже если и так. Тебе-то что? Нехай себе. На здоровье... - отмахнулась хозяйка.

Но Шмаковна не могла успокоиться, и тут же отправилась на Китайскую улицу. Встретила знакомых, и сейчас же доложила о Лёвушкином романе. Потом зашла к Чуринову, и там обо всём рассказала.

Сплетни, а затем и жалобы на чтеца-Лёвушку дошли до духовенства. Пришлось его отстранить от должности. Временно, конечно. До выяснения. Дабы не искушать прихожан напрасно. Вот так и получилось, что гордый Лёвушка стал питаться в Серафимовской столовой вместе с нищими...

Дьякон стал заходить чаще. Теперь он приносил с собой то сельдь, то пару картофелин, потому что у Лёвушки не было даже и этого. Разве немного ханы, что китайцы порою давали в долг.

- Давай, примем по стопочке, а там и побеседуем... во спасение души.

- Да нет у меня никакой женщины! - вздохнул с тоской Лёвушка. - Кто ж на меня согнутого, слабого посмотрит..?

- Небось, Шмаковна смотрит...

- Знаю. Следит, бестия. Как выйду кого провожать - у неё каждый раз занавеска вздрагивает... и тут же свет гаснет. Искушение одно. Я её когда-нибудь убью.

Дьякон в ужасе начал креститься.

Лёвушка переживал, краснел, пробовал оправдываться, но дьякон явно не верил. И он махнул рукой:

- Кто наговаривает на меня - не знаю, - сказал Лёвушка, наливая по второй стопке, - но Бог шельму метит...

- Похоже, опять ничего не дознаюсь... - задумчиво вздохнул дьякон. - А мне всё ж пора. А не то и лодочника не найду, и тогда через Сунгари хоть пешком... Может, ещё по стопочке, во спасение души?

Вышли во двор. Луны не видно - тучи заволокли небо. Лёвушка провожал до калитки. В окне Шмаковны всё ещё горел свет. И сразу погас... как только у крыльца загремел цепью Поксон.

Наконец фигура дьякона растаяла в ночи. Шатаясь от усталости и переживаний, Лёвушка побрёл обратно к дому. Глаза привыкли к темноте. И вдруг он различил в соседском окне лицо.

- Опять следит, язва! - неожиданно пришёл в ярость Лёвушка.

От выпитого помутилось в голове. Вспомнилось, что неизвестно когда возьмут его обратно на должность. И возьмут ли - ещё вопрос. А жить как-то надо...

Чтобы унять головокружение, Лёвушка взялся нетвёрдой рукой за покосившийся столбик, подпиравший соседский проволочный забор. Зачем-то стал его с досадой раскачивать. Как будто его, Лёвушку, и без того мало шатало... Послышался шорох проволоки - и забор с шумом рухнул. Поксон точно с ума сошёл.

Из-за пронзительного лая шмаковской дворняги, Лёвушка не слышал, как в эту самую минуту у соседки приотворилась дверь и кто-то осторожно выглянул на крыльцо.

- Да замолчишь ты, наконец, проклятая! - не помня себя, Лёвушка рванул столб и швырнул его в темноту...

Из-за грохота падающего столба не было слышно, как кто-то, не издав ни единого звука, упал на соседском крыльце. Только Поксон выл всю ночь, до утра...

Утром обнаружили происшествие. Полиция пыталась дознаться, даже приживалок из ночлежки допрашивали. Предполагали, что неизвестные грабители покалечили ночью забор между домами Лёвушки и Шмаковны, и кто-то из них запустил подпиравшим столбом в сторону двери соседки. Удар пришёлся по голове, и она в больнице скончалась.

Услышав это, Лёвушка как подкошенный осел на землю и заголосил:

- Вяжите! Я всегда говорил, что когда-нибудь её убью...

- Чего глупости мелешь! Не мешай, тут расследование идёт... - отталкивая Лёвушку, строго сказала Полина Ивановна. Затем повернулась к полицейским: - Перепил малость... не видите, что ли?

- Энтот тихоня и мухи не обидит! К тому же он хилый, - дружно поддакнули приживалки.

- Э-э-э... Ну, говорил... И что с того? Никто всерьез его брехню не принимал.
 - С пьяных-то глаз язык всякое мелет... - вдруг прошамкала, прячась за спину хозяйки одна из приживалок, и перекрестилась: - а всё же покойница, не тем её поминать, могла и святого из терпения вывести...
 - Недоразумение вышло, - отрезала Полина Ивановна. - Преглупая история.

Однако в должности чтеца Лёвушку долго не восстанавливали. Протопресвитер в сомнениях качал головой: хоть и невольное, а всё же смертоубийство, и такой грех следует искупить.

Т. Малеевская. Брисбен.

Дорога к дому

Кто там поет? Кто там поет так нежно?
 Как о хрусталь звенит вода порой...
 Кто синий плат перетянул над бездной,
 чей звездный край светлеет над горой?

Это - снега... Овладевает холод.
 Мрак и озноб... Темнее часа нет...
 Но кто поет? Как голос свеж и молод!
 Это - заря. О, милый друг, - рассвет!

Вспыхнули враз - точно огни цветами.
 Звезды горят на ледяных цветах.
 Светлая твердь, как океан, над нами.
 Щebet вокруг - голубокрылых птах.

Это принес мне в жуткий час тревоги -
 звездный мой луч - твой голосок, Сибирь.
 Мой ветерок, мой ветер синеокий,
 Горных дорог веселый поводырь.

1939

Алексей Ачаир

Мне стало страшно жизнь отжить
 И с дерева, как лист, отпрянуть,
 И ничего не полюбить,
 И безмянным камнем кануть;
 И в пустоте, как на кресте,
 Живую душу распиная,
 Как Моисей на пустоте,
 Исчезнуть в облаке Синяя.
 И я слежу - со всем живым
 Меня связующие нити,
 И бытия узорный дым
 На мраморной сличаю плите;
 И содроганья теплых птиц
 Улавливаю через сети,
 И с истлевающих страниц
 Притягиваю прах столетий.

Осип Мандельштам

В этот светлый праздник

В этот светлый праздник –
 Праздник Рождества
 Мы друг другу скажем
 Теплые слова.

Тихо снег ложится:
 За окном зима,
 Чудо здесь свершится
 И зажжет сердца.

Пусть улыбки ваши
 В этот дивный день
 Будут счастьем нашим
 И подарком всем.

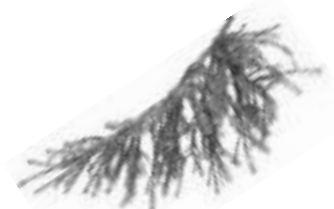
Льются звуки жизни,
 Счастья и добра,
 Озаряя мысли
 Светом Рождества

А. Хомяков.

Женщина в милиции:

- У меня пропал муж, его нет уже 4-й день.
 - Пишите заявление! Да, что ему передать, если найдем?
 - Передайте в первую очередь, что мама не приедет...

БЕТУ, СОБАКА, БЕТУ

(Детский опыт метемпсихоза*)

Событие предстояло незаурядное, просто из ряда вон. В наш город впервые прибывал глава государства. Тот, кто занял одновременно и единолично должности Первого Секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров. К тому же, избавившийся недавно от главной угрозы своему правлению, по иронии судьбы и предоставившего ему этот трон - министра обороны, маршала Жукова. Короче, сам Никита Сергеевич Хрущёв, неутомимый борец за мир, пожелал осмотреть здешний рыбный край. Власти восприняли эту весть с испугом и настороженностью, едва ли не с паникой, зато рядовые жители с небывалым энтузиазмом.

Никто из предшественников нового властителя, никогда не приезжал сюда доселе. Ни сам великий вождь всех народов генералиссимус, ни дирижёр октябрьской революции и создатель Красной армии Троцкий, ставший затем врагом народа - самое близкое доезжали они до Сталинграда, в бытность его Царицыным, да и то ещё во время гражданской. Даже основатель партии и государства ни разу не побывал тут, хотя, как выяснилось значительно позже, его дедушка-калмык проживал в здешних краях.

Про визиты руководителей более мелкого масштаба история вовсе умалчивает. Лишь некоторые члены правительств прибалтийских республик после освобождения в сороковом году посетили эти края, правда, принудительным транзитом, в качестве заключённых тюрьмы, прозванной в народе «Белым лебедем». Но это также всплыло многие годы спустя.

Про царские времена и говорить нечего, не приезжали сюда хозяева земли русской. Лишь один Пётр Первый удостоил своим пребыванием здешнюю губернию во времена персидского похода. Были правда ещё какие-то грузинские царьки, умершие от холеры где-то поблизости и захороненные в местном кремле, но об этом широкие массы узнали, когда с территории кремля вывели местный гарнизон и провели реставрацию того, что ещё можно было отреставрировать.

Поезд с главой государства прибывал на единственный древний железнодорожный вокзал, построенный в мусульманском стиле. Тротуары на протяжении трёх-четырёх километров пути до обкома партии старательно оградил натянутыми канатами и милиционерами в парадной форме. Толстые верёвки привязали к побеленным по такому случаю стволам растущих вдоль дороги деревьев.

Мне исполнилось тогда... Точно не помню. Но в школу я ещё не ходил. Наша квартира в доме, бывшем полицейской управой во времена царизма, выходила окнами на центральную улицу, по которой неминуемо должно было проследовать невиданное высокое начальство из Москвы.

Часа за два до предполагаемого времени приезда стали собираться зеваки, и пока их набралось по двое-трое на каждом участке меж обвязанных канатом соседних деревьев, я несколько раз бегал наружу. Но когда бесконечно прибывавшие зрители образовали сплошную живую стену по обеим сторонам дороги, меня оставили дома и разрешили смотреть только через окно. Впрочем, высокий подоконник позволял хорошо видеть проезжую часть улицы поверх моря людских голов.

Постепенно народу набралось столько, что перед верёвочным ограждением стояли уже пять-шесть рядов. Настроение у всех царило приподнятое. В ожидании зрелища многие оживлённо переговаривались со своими знакомыми и незнакомыми соседями по толпе, смеялись, даже пытались жестиковать в этой тесноте. Стоял несмолкаемый гул, вливавшийся в распахнутое окно квартиры. Минуты ожидания растягивались до бесконечности.

Когда многие уже начали видимо изнывать от нетерпения, внезапно издалека, со стороны вокзала донёсся неясный шум, вскоре стали различимы свист, улюлюканье, непрерывное хлопанье множества ладоней. Неужели так встречают самого важного гостя? Все тянули шеи, стараясь заглянуть за стоящих впереди и не пропустить незабываемого момента. Я последовал их примеру, хотя меня удерживали сзади, чтобы не выпал из окна. Уже все на улице хлопали, смеялись, свистели и кричали что-то несурзное. И эта волна передавалась дальше и дальше. Я тянулся изо всех сил, но пока ещё ничего не происходило. И когда гвалт и свист достигли, казалось, своего предела, я увидел.

Почти ровно по центру свободной полосы дороги, что есть мочи, неслась вперёд небольшая испуганная собачонка. Как она оказалась там, случайно ли? Может быть, кто-то зло пошутил и нарочно выбросил её за ограждение? Свалывшаяся, далеко не белая шерсть с корич-

невными подпалинами, уши плотно прижаты, хвост жалко подогнут - дворняжка бежала, почти пластая по самой поверхности мостовой. Видно было, что силы её на исходе, при малейшей попытке свернуть к тротуару, свист и улюлюканье усиливались, вновь возвращая её на середину улицы. Развеселившиеся люди сбились в плотную стенку и на нашей стороне, и напротив, у собаки не имелось ни малейшего шанса проскочить меж их ног.

Поравнявшись с нашим окном, она сделала новую попытку свернуть к тротуару, и снова моментально усилившийся смех, свист и крики вернули её на среднюю линию. Затравленная псина ничего не видела, кроме нескончаемой живой стены без малейшей лазейки, изрыгающей жуткие страшные звуки, ей ничего не оставалось, как бежать дальше из последних сил. Конечно, бедная дворняжка никак не могла увидеть меня, даже если бы подняла на бегу низко опущенную морду с далеко высунутым книзу языком. Но внезапно я как бы оказался на её месте, с удивительной ясностью ощутил животный испуг перед враждебными шпалерами двуногих. Свист, хлопки как выстрелы, улюлюканье усилились в разы, причиняя физическую боль. Лапы сами несли вперёд, нарастающий ужас и отчаянье не оставили места ни малейшему проблеску соображения. Всего лишь миг, и я снова осознал себя стоящим на подоконнике, придерживаемым сзади заботливыми руками близких. Несчастливая собака находилась уже далеко, продолжая свой безысходный бег.

Как такое могло произойти? Я запомнил этот момент на всю жизнь. Даже сейчас, давно став взрослым, иногда я вновь ощущаю себя до смерти напуганной собачонкой, бегущей вдоль враждебной людской массы, а где-то позади за мной несётся бездушная и безжалостная машина хозяев жизни. И теперь думаю, причиной подобного переживания оказалось всего лишь моё неуёмное детское воображение, результат бабушкиных сказок. Но тогда я полностью сопереживал загнанной собачке, мне было жаль её, как родное понятное существо.

Вскоре в закрытом чёрном «зиме» пронёсся, блестя безволосым черепом, дорогой гость. Сидя рядом с водителем, он вяло помахивал из окна лёгкой летней шляпой. Сзади не отставали лимузины сопровождения. И хотя за резво мчащимся кортежем катилась несмолкаемая овация восторженных жителей, никто на этот раз уже не свистел и не улюлюкал.

Иной раз я думаю, а чтобы я мог предпринять, окажись тогда на самом деле в шкуре несчастной собачонки: так и продолжал бы одурело бежать по прямой под пронзительный свист и улюлюканье в тщетной надежде найти хоть какую лазейку, пока не сдох бы в конце концов, или же бросился на живую стену в попытке пробиться прочь? И так и не могу найти ответа.

Сергей Криворотов. Россия.

*Метемпсихоз** – греч. *metempsychosis* – переселение души

Старость - это когда ты пережил уже несколько попугайчиков.

СНЕЖНАЯ ЗАВЕСА

Снежная завеса, необычная для конца апреля, по мере приближения к ней машины казалась всё более внушительной. За стеклом появились первые снежинки, и вскоре автомобиль был поглощён снежной пеленой. Все внешние звуки словно стали тише, лишь льющаяся из колонок музыка осталась на прежнем уровне. Очертания предметов за стеклом скрадывались летящим снегом. Он возникал из серой мглы впереди, и было в этой картине что-то ирреальное. Всё это: снег, мгла, тихая музыка, рокот двигателя сложилось в некую загадочную и таинственную атмосферу, навевающую какие-то странные, неопределённые образы...

Александр Смирнов. Ярославль.

Фредерик Браун сочинил кратчайшую страшную историю из когда-либо написанных:

"Последний человек на Земле сидел в комнате. В дверь постучались..."

КНЯЗЬ ВО КНЯЗЬЯХ

Лукьян Степанов приехал в светлый сентябрьский день к помещице Никулиной. До его хутора верст пятнадцать, лошадами он дорожит как зеницей ока. Значит, приехал он по важному делу.

Гнедой жеребец, сверкая глазами, тяжело влетел во двор, к сараю, где еще до сих пор слезают те, что не решаются слезать у крыльца. Лукьян Степанов сидел на беговых дорожках, на голой доске.

- Что же это вы, Лукьян Степаныч, без подушки-то?
- смеясь, спросил его лицеист Сева, шедший от конюшни.

- Погоди, расскажу, - ответил Лукьян Степанов, привязывая жеребца к телеге без передков.

Сева стал годить. Привязывал Лукьян Степанов долго, основательно. Привязав, высморкался на землю, вытерся полою и наконец ответил:

- Вот оттого-то у вашего брата, господ, и нету ничего. Есть подушка - валяй ее и в хвост и в голову!

Взяв с дрожек мешочек, набитый чем-то тяжелым, он пошел к дому - большой, тяжелый от одежды. На нем была теплая поддевка, сверх поддевки бараний тулуп, голова под шапкой повязана по ушам красным платком, ноги обуты в тяжелые сапоги.

Сева опять засмеялся и сказал:

- А тепло вы одеты!

- Мне, брат, восемьдесят с гаком, - ответил Лукьян Степанов. - Доживи-ка до моего.

- Ну, уж и восемьдесят! Откуда вы столько набрали?

- В поле, брат, набрал.

- Ну, а уши-то вы зачем же завязали?

- Глухой быть не хочу - вот зачем. Отчего вы, господа, глухие-то все? Вот от этого. Выскокчил в чем попало, надуло в уши - и готов...

Вышла в зал хозяйка, ее старший сын Мика, лысый, усатый, близорукий, и дочь Люлю - бледная, женственная, задумчивая, постоянно кутающая плечи в пуховой платочек и неожиданно притворно вздрагивающая. Хозяйка угощала гостя белым хлебом, чаем и вареньем, много говорила, делая вид, что очень осведомлена в сельском хозяйстве. Сева не спускал смеющихся глаз с Лукьяна Степанова, с его загорелого лица и носа, который от загара лупился, был лиловый, в золотистой шелухе. Мика, наклонясь к столу, курил, сбрасывал пепел в пепельницу в виде ладони и катал хлебные шарики, что всегда раздражало хозяйку. Люлю села с ногами на диван, прижалась в уголок, съезжилась и, не моргая, глядела красивыми печальными глазами в большой рот Лукьяна Степанова: десны у него были розовые, голые, без единого зуба. Всех томила загадка: зачем он приехал? А ну как приторговываться к имению? Ах, если бы дал Господь! Хозяйка очень тонко, как ей казалось, подводила разговор к продаже имений, намекала на то, что, по нынешним временам, и она охотно продала бы:

- Ах, Лукьян Степаныч, с нашим народом поневоле придешь к заключению, что банк-то самое надежное место для капитала!

Но Лукьян Степанов говорил только о своих лошадях, об умолоте, очень охотно ел белый хлеб, деликатно брал ложечку варенья прямо из вазы, глубоко запуская ее в рот, клал обратно и пил чай. Он делал вид, что слушает хозяйку, изумлялся самым простым вещам, хлопал себя по колену - и опять говорил только о себе, не давая говорить хозяйке. Сидел он в расстегнутой поддевке, под которой была линючая ситцевая рубашка, вытирал лысеющую голову и лицо платком, снятым с ушей. «Совсем еще здоровый мужик! думали все. - Только борода седая, да и то не совсем, еще видно, что она была рыжая; есть, конечно, и в глазах что-то тусклое, старческое, живот провалился...» Наконец он встал, принес из прихожей и развязал свой тяжелый мешочек, полный серебра вперемешку с золотыми. Оказалось, что он приехал только затем, чтобы похвастаться. «Да это еще что! - сказал он. - Разве это деньги? Так, запродавал овсишко, ну и взял маленько задатку...»

Вызвав удивление, зависть, почтение, он довольно и хитро засмеялся, вернее, засипел, открывая розовый рот, поблагодарил за чай, за угощение и пошел одеваться.

- Нет, пора, пора, - сказал он, хотя никто не оставлял его. - И так припоздал. Лучше на Покров еще приеду.

Все были разочарованы и ушли, не дождавшись, пока он оденется. В прихожей остался один Сева.

- Ну, вот вы, Лукьян Степаныч, говорите, что вам восемьдесят с гаком, - начал он, садясь на коник. - Ну, скажите откровенно: боитесь смерти? Часто о ней думаете?

- Погоди, расскажу, - ответил Лукьян Степанов, одеваясь.

И опять ничего не рассказал. Повязав уши, надвинув шапку на самые брови, туго и низко подпоясавшись, он стал нанизывать на себя тулуп. Справившись с этим, он устал, задохнулся и тяжело сел рядом с Севой.

- Смерти-то? - сказал он. - Кто же ее не боится? Чудак-человек! Да ведь что ж сделаешь? И умрешь, не откажешься... И богатства своего, брат, с собой не возьмешь!

- А вот, вы с деньгами так-то ездите: не боитесь, что убьют, ограбят?

- Что я с деньгами, того никто не знает. А и узнает, не догонит. Такого жеребца, как мой, у твоего деда на свадьбе не было.

Усевшись на дрожки верхом, Лукьян Степанов шибко понесся со двора, но, миновав церковь, гумно, всех, кто мог его видеть, потянулся шагом. А в накуренном зале долго стоял столбами свет предвечернего солнца. Сева открыл пианино, в тысячный раз что-то начал. Хозяйка с грустным и важным лицом несправедливо обиженной, но покорной своей судьбе женщины занялась мытьем и вытиранием чайной посуды, брезгливо отдав горничной вазу с вареньем, из которой ел Лукьян Степанов:

- Выкиньте это и вымойте горячей водой.

Люлю встала с болезненной гримасой, - ах, уж эти доморощенные музыканты! - и, выйдя из дому, медленно пошла по липовой аллее, стараясь наступать на сухие листья, золотые и розовые. «Осень, осыпается весь мой бедный сад!» - высоким голосом запела она. Но оборвала песню на первых словах, свернула на дорожку среди сиреновой заросли, села на скамью и вдруг зарыдала, подавляя рыдания, злобно закусывая край платка, чтобы не закричать от боли. Полоса яркого вечернего света легла на серый старый стол возле скамьи. Какая-то черноглазая птичка беззвучно слетела на ветку, с ветки на стол, туго, бочком прыгнула раза два, с любопытством глядя на плачущую. На гумне, куда, притворяясь хозяином, шел Мика в австрийской куртке и высоких сапогах, ровно гудела молотилка. Ясный, равнодушный вечер был так тих, что она слышна была далеко в поле - желтом, пустом, золотившемся шелковыми сетями паутины.

Через несколько дней подали к крыльцу никулинского дома тройку. Кучер надел плисовую безрукавку, шелковую канареечную рубаху и шляпу в павлиньих перьях, барыня и барышня - траур: всегда есть какая-нибудь умершая дальняя родственница, а это ведь так удобно, если нет хороших костюмов для вагона. Спустив вуали, натягивая фильдекосовые перчатки, они ласково и грустно прощались с прислугой, принимая зонтики, накидки, рыжий плед покойного Никулина. Сева поехал верхом, на нервной худой кобылке. До станции всего двадцать верст, поезд отходил в семь, а выехали в два. Можно было отстать. Сева отстал возле хутора Лукьяна Степанова. Тройка скрылась в степи, среди ржаных жнивей; он повернул на заросшую пылью дорогу к хутору.

Было жарко, вокруг блестела сухая вспаханная земля на картофельных обобранных полях. Вдали серебрились тополя. Навстречу шел по пыли белый толстый мальчик, лет трех, в грязной рубашечке, в большом картузе, похожий на старичка, - шел, положив голову на плечо, неизвестно куда. «Заблудится, пойдет к черту на кулички», - подумал Сева, смеясь.

Был праздник, послеобеденное время - хутор казался необитаемым. Вот плетень и въезд в широкий двор. На дворе - телеги, сорокаведерное каменное корыто, журавль колодца, тень от старых амбаров под сизой соломенной крышей. Нарушая вид степного мужицкого гнезда, белет за амбарами еще не крашенная железная крыша нового мещанского дома на высоком фундаменте. Дальше - какой-то черный исполинский шалаш, возле которого висит на шесте дохлый ястреб. Впереди - мелкий пруд, сверкающий на солнце, глиняные берега в гусином пуху. А по другую сторону двора - развалины варка, старинного, еще тех времен, когда хутор принадлежал барону Ачкасову: каменные крепостные стены, голый остов несокрушимых строил. Все ворота настезь - виден навоз, слежавшийся, спекшийся, наросший за многие годы под самые переметы.

Лукьян Степанов одиноко и величаво стоял среди двора, без шапки, в лиловой рубахе, опираясь на рогач. Невдалеке тихо сидел в ведре, забитый в него, закутанный в попонку, бледный ребенок в чепчике. Другой, в продранной на тугом животе рубашке, криво и старательно заносил полную ножку, взбираясь на каменное крыльцо амбара. А вокруг все было усеяно спящими: одной семьи у Лукьяна Степанова шестнадцать человек, да еще гости, кум с женой, прие-

хали. Все ошалели, ослабели после обеда, повалились где попало и заснули. Один Лукьян Степанов не сдался: был еще во хмелю, красен, но стоял бодро.

Когда Сева въехал во двор, Лукьян Степанов не спеша подошел, подал ему руку и осмотрел запотевшую под седлом кобылку.

- В Москву за песнями? - спросил он с усмешкой.

Под навесом амбаров сидели на цепях овчарки. Он погрозил им. Возле них, в тени, крепко спал на спине кум, мужик с черной бородой. На солнце, в телеге - баба в зеленом платье и старший сын Лукьяна Степанова, в атласной синей рубашке, в кованых сапогах, с выпущенными из-за голенищ каемками шерстяных чулок. Эти лежали ничком, обнявшись. Прочие спали прямо на траве. Бабы - прикрывшись от солнца фартуками.

- Яишенку? А? - спросил Лукьян Степанов.

Сева, смеясь, отказался:

- Мы только что от завтрака.

- Ну, чайку?

- Право, не хочется. Да и на станцию боюсь опоздать.

- Значит, опять в Москву?

- Да... Пора. Я и так пропустил уже много уроков.

- Жисть вам! - сказал Лукьян Степанов, как бы с завистью, но не скрывая и насмешки. - Урков! А я вот тысяч на сорок имею, князь во князьях, а все сижу. В Киев и то не соберусь никак. А понужней твоих урков. Пойдем, дом покажу.

Возле дома, на рвани ватного одеяла, сушилось просо.

- Кш, пропасти на вас нету! - сказал Лукьян Степанов, махнув рогачом на высоких худых цыплят, бегавших по просу, и поднялся на крыльцо, вошел в сени, делившие дом на две половины. Полов в сенях еще не настилали: навалены были тут рассыпавшиеся колеса, разошедшиеся кадушки, кирпичи, известка. В отворенные двери глядели пустые комнатки, кафельные печки, медные отдушники, стены в голубеньких обоях.

Сева спросил, оглядываясь:

- А что же вы его не доделываете?

- Это кого? Дом-то?

- Да.

- Капиталу, брат, не хватает. Это ведь у тебя одна забота - урки учить, задачи решать да диктовку гнать.

- Нет, без шуток? И не доделываете и не переходите. Ведь вы, говорят, под шалашом, в землянке живете?

- Она землянка, а лучше всякой избы, - сказал Лукьян Степанов. - А не перехожу, это правда. Третий год не перехожу, оттого и не доделываю. Не в капитале, понятно, дело. Дай ребятёнки подойдут, выровняются...

- Какие ребятёнки?

- А внуки. Их у меня числа нет. Пусти-ка их! Живо все шпалеры обдерут.

В задней комнате, в зале, как назвал её Лукьян Степанов, сидела на полу босая баба, милостливая, очень смиренная на вид, и рубила косарем зеленую траву.

- Это кому же? - спросил Сева.

- Свиным кушанье готовит, - сказал Лукьян Степанов. - Пойдем. Тут жарко.

- А я все-таки избу вашу хотел бы посмотреть.

- И в избу сведу.

Под громадным, черным от старости шалашом толстый потолок из бревен покрывал громадную землянку. Спустились вниз по земляным стертým ступенькам. Внизу было мрачно, темно - свет проходил только в два крошечных окошечка под самым потолком. Сева увидел нары человек на двадцать, опять-таки заваленные старьем - попонами, лотками, ошметками лаптей, люльками; оглядел рассеившуюся кирпичную печь, полати, стол, занимавший чуть не половину избы, шербатые чугуны на мокром земляном полу возле печки, - в них, в воде с золой, выпаривались портки и рубахи.

- Но это ужасно! - сказал он, смеясь. - Как же вы тут живете! Ведь вас шестнадцать человек. И целую зиму спите все вместе...

- Ничего тут нету ужасного, - сказал Лукьян Степанов, что-то внимательно оглядывая под печкой, и вдруг махнул рогачем: из-под печки, раздувая золу, вылетел больной облезлый голубь. - Ничего тут нету, братец ты мой, ужасного. Девять лет прожил, как дай тебе Бог про-

жить. Ни разу не угорели. Диво, а не изба. А теплынь какая! Зимой прямо хоть рубаху скидывай... Мы, брат, люди земляные.

- Но сыро, должно быть, ужасно?

- Наладил! Сыро, это правда, дюже сыро. Пойдем свою охоту покажу.

«Охота» Лукьяна Степанова, его знаменитые на всю округу чернопегие битюги помещались в особом дворе, в каменной, крытой тесом пристройке к новому дому. Отомкнули замки на высоких тесовых воротах, вошли в уютный квадрат из денников и амбарчиков с крылечками и маленькими железными дверками.

- Вот буду жить в новом доме, проснусь так-то ночью, гляну, ан мне из залу все и видно, - сказал Лукьян Степанов, показывая на окошечко, глядевшее из дома во двор. - Понял? Умно придумано? Истинно, как Адам в раю, живу! Истинно, князь во князьях.

Глаза его стали блестеть. Денники тоже были на замках. Отмыкая их, он распахивал дверь, смело шел прямо к заду лошади, оглаживал его и шел в голове.

- Ты не ходи, не ходи! - кричал он из денника. - На порожке стой. Насмерть убьет! Меня только одного подпускают...

Страшные траурные лошади вздрагивали всей кожей, шарахались, храпели, косили огненными глазами. Гривы у них были черные, густые, чуть не до земли. Раскормлены они были на удивление, до желобов на спинах и крупах.

- А? Что? Каково? - глухо кричал Лукьян Степанов из темноты. - Видал? А то Москва-а... Боле ста лет в нашем роду этот самый завод, такой масти ни у кого во всей губернии нет. Стану помирать, накажу цельную тройку запрячь в самую первую телегу, - тройкой гроб помчат!

Потом, нагнувшись, переступил порог денничка, где стояла ладная жемчужная кобылка:

- А это моя любимица! Земчужная лошадка называется. У, матушка! Любишь? Любишь? - Любит, чтоб ей носик чесать, страсть любит, - сказал он с восторгом, оборачиваясь к гостю.

Все осмотрев и затворив, замкнув, он обрел еще более прекрасное расположение духа.

- Погоди, дурачок, погоди, поспеешь! - говорил он, удерживая Севу. - Пойдем чай пить. А не хочешь, давай так посидим, побалакаем...

Он сходил в избу, принес скамью, сел; глубоко и довольно вздыхая, усадил Севу рядом с собой.

- Эй, бабка! - закричал он на весь двор. - Старуха!

Толстая, сутулая старуха в шерстяных чулках, в очках, с паголенком и спицами в руках, показалась из-за шалаша.

- Княгиню-то мою еще не видал? - спросил Лукьян Степанов, кивая на нее. - Заодно уж и ее погляди. Она у меня тоже при делу. За избой сидит, мак стережет.

Старуха подошла и низко поклонилась.

- Ну, как? - спросил Лукьян Степанов. - Сидишь? Никого не видать?

- Пока, слава Богу, никого. Да ведь знают, что есть караул.

- Маку немножко для потехи посеял, - сказал Лукьян Степанов, обращаясь к гостю. - Я этих там маков, подсолнухов ни по чем не уважаю - для потехи только сею по малости, абы ребятишкам хватило. Как сеяли деды-прадеды ржицу, так и нам Бог велел. Они только ее, матушку, знали, а сигарки из трехрублевок вертели. Я, братец ты мой...

Старуха стояла и блестела мелькающими спицами, слушала, глядя исподлобья, из-за очков. Лукьян Степанов слегка нахмурился.

- Ну, будя, послухала, - сказал он и махнул на нее рукой. - Что приглядываешься? На мне узоров нету. Ступай, ступай отцеда...

Вечерело. Галки, болтая, усаживались на решетчатые колпаки на трубах нового дома. Стали просыпаться спавшие. Один за одним прошли мимо, на пруд, умываться, сыновья Лукьяна Степанова - угрюмые, густоволосые, крепкие мужики. Ребенок, сидевший в ведре, повалился вместе с ведром и кричал на весь двор. Сева простился. «Ну, во святой час, сказал Лукьян Степанов, - подюжей учись». И Сева, вскочив на свою нервную кобылку, поехал по плотине пруда. Вечерняя прохлада и тишина сходили на степь. Воробьи осыпали горелую, голую лозинку на плотине сплошным треском, вечерним, уютным. Желтоватая жидкая вода кишела возле плотины мельчайшими вшами. Умывшийся мужик сидел на глиняном берегу распояской, отражался под берегом и глядел на оранжевое солнце, садившееся за степью, за неоглядной равниной, в молочно-голубом сухом тумане. Жнивья были лимонные. Пастушонок, с раздутой губой, в бараньей шапке, медленно гнал по ним стадо овец. Они двигались скопом, на ходу докармливаясь, с шумом дыхания. Сева, отъехав от хутора, ударил плеткой по лошади и понесся вскачь, оставляя за собой столб пыли. Столб этот протянулся на версту и не опадал долго, долго...

В Москве всю осень шли дожди. Мика не писал и не слал денег из деревни - опять с любовью связался. Мама хворала, - по крайней мере, не принимали никого, говоря, что она хворает. Принимали только одного Жедринского, старого театрала, бритого, очень полного, страдавшего одышкой, славившегося своими остротами на весь город. В ноябре Люлю, неожиданно для всех, вышла за него замуж. Теперь уже валит снег, ночью вверх по Тверской одна за одной неслись, гремя глухарями, тройки. Жедринский часто проводил ночи с компаниями в Стрельне. Куря на морозе сигару, сидя в дохе между женою и маленькой знаменитой артисткой, Жедринский все наклонялся к ней и остротами вполголоса заставлял ее хохотать до упаду и бить его по рукам. Люлю, в дорогих легких мехах, в средневековом бархатном берете, печальными, молящими глазами, уткнув лицо в муфту необыкновенной величины, смотрела на сидящего напротив молоденького сумского офицера. Его сосед, знаменитый певец, с лицом екатерининского вельможи, стриженный в скобку, по-мужицки, но в цилиндре и медвежьей шубе, делал ленивые, бесстрастные глаза: ревновал. Люлю грустно думала: «Я гадкая, гадкая...»

Жизнь в Стрельне, у Яра только начиналась. Весело было входить туда, в огни, тепло, блеск зеркал, теплый воздух, пахнувший сигарами, шампанским и жареными рябчиками, отряхивать морозный снег с мехов, кидать их на руки ловких людей в поддевках и помогать дамам, шуршащим шелком юбок, раскрасневшимся и сияющим с мороза, расстегивать ботинки!

А Лукьян Степанов, мирно ночевавший со всем своим многочисленным потомством в теплой земляной берлоге, уже третий раз просыпался в эту пору и босой выходил наверх, на скрипучий снег, под черно-синее небо и звезды...

Капри. 30 декабря. 1912 г.

И. БУНИН.

НОВЫЙ ГОД

Я встал перед рассветом, рано,
Когда еще не брезжил свет.
И этот год ушел и канул
В водоворот забытых лет.

Пусть говорят: "Не все равно ли –
Декабрь, Январь - пустой обряд".
А мне он близок, мил до боли –
Последний вечер декабря.

Сегодня все, что было в жизни
Опять мое, опять со мной,
Как скорбь о брошенной отчизне
Такой далекой и родной...

Ах, все пройдет - не верь обману -
Как дым, как призрак бывших бед,
Как этот год, что нынче канул
В водоворот забытых лет.

Михаил Штих

*Два полицейских идут брать
Вооруженного преступника
в квартире. Один другому говорит:
- Ты иди первым, а я за тебя отомщу.*

Дымок в тумане

Утренний туман над сквером.
Слёзы фонарей.
На углу – фигура в сером.
Примус у дверей.

Тянет ветром запах дыма –
Жарятся каштаны.
Но толпа проходит мимо.
Сырость и туманы.

Утренний туман густеет.
Старика шатает.
Примус. Огонёк лишь тлеет...
Тихо догорает.

Т. Малеевская. Брисбен.

Больной вызывает врача в три часа ночи.
После осмотра врач задумывается, потом
говорит:

- Вы составили завещание?
- Нет, доктор.
- Так вызовите, пожалуйста, нотариуса и
двух свидетелей.
- Боже мой, это так серьезно?
- Нет, но я не хотел бы быть единственным
дураком, которого вы подняли в три
часа ночи...

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

окончание,

XV

Из дневника Бессонова. Я жду, что будет. Я был недавно там и видел их вместе. Все силы воли, какая у меня есть, было недостаточно, чтобы продолжать носить на себе надетую мною маску равнодушия и вежливости: я почувствовал, что если пробуду еще четверть часа, то сброшу ее и покажу им самого себя.

Этой женщины нельзя узнать. Я помню ее три года, и привык видеть в ней то, чем она была в эти года. Теперь я вижу происшедшую в ней перемену, и не понимаю ее, и не знаю - истинна ли эта перемена, и не составляет ли она только роли, искусно разыгрываемой, привыкшим к обману себя и других, презренным существом... Я ничего не понял в их отношениях. Я не знаю даже, сделалась ли она его любовницей. Думаю почему-то, что нет. И если это правда, то она искуснее, чем я думал. К чему она стремится? Сделаться его женой?

Я перечитал эти несколько строк и вижу, что все написанное в них неправда, кроме того, что она изменилась. Я сам, три года тому назад, видел в ней что-то не совсем обыкновенное, редко встречающееся среди женщин в ее положении. Я сам чуть не принял на себя роль спасителя, которую теперь великодушно разыгрывает Лопатин. Но я был опытнее тогда, чем он теперь: я знал, что из этого ничего не выйдет, и отступил, даже не пробуя сделать что-нибудь. Ее натура представляла, кроме общих препятствий в этом отношении, одно специальное: это - какое-то страшное упорство и дерзость. Я увидел, что она махнула рукой на все и воспротивится при первой же моей попытке. Я не сделал этой попытки.

Сделал ли ее Лопатин? Не знаю. Вижу только, что эту женщину нельзя узнать. Что она бросила свою прежнюю жизнь - я знаю наверное. Она переехала в какую-то каморку, куда не пускает ни Гельфрейха, ни этого спасителя, ходит на сеансы к нему и, кроме того, шьет. Она живет очень бедно. Она похожа теперь на пьяницу, давшего зарок не пить. Выдержит ли она его? Поможет ли ей в этом этот сентиментальный артист, не видевший жизни, ничего в ней не понимающий?

Вчера я написал матери подробное письмо. Она, наверное, сделает все так, как я предполагаю, - женщины любят вмешиваться в подобные истории, - и передаст все Софье Михайловне. Может быть, хоть это спасет его.

Спасти его! Отчего я забочусь об этом спасении? Первый раз в жизни я так глубоко задед чужими делами. Не все ли мне равно, сойдется ли Лопатин с этой женщиной или нет, вытащит ли ее из грязи или сам опустится до нее и в бесплодных попытках разобьет свою жизнь, зароет и забросит свой талант? Я не привык рефлексировать, копаться в своей душе; мне в первый раз в жизни приходится глубоко заглядывать в нее и подробно анализировать свои чувства. Я не могу понять, что происходит в моей душе теперь и что заставляет меня выходить из себя. Я думал (и теперь думаю), что только бескорыстное желание предотвратить крупное несчастье человека, к которому я расположен... Но внимательно вслушиваясь в свои мысли, я вижу, что тут что-то не так. Отчего я, желая спасти его, думаю больше о ней; отчего ее лицо, когда-то буйное и задорное, а теперь поникшее и кроткое, представляется моему воображению каждую минуту; отчего она, а не он, наполняет мою душу странным чувством, в котором я никак не могу разобраться и в котором преобладают недобрые чувства? Да, быть может, это правда: я не столько хочу ему сделать добро, сколько ей...

Чего? Зла? Нет, я не хочу сделать ей зла. И между тем, я хотел бы оторвать ее от него, лишить ее этого покровительства, в котором, быть может, вся ее надежда... О, неужели я хотел бы стать на место Лопатина?!

Я должен видеть ее сегодня. Вся эта история не дает мне спокойно жить и спокойно трудиться. Моя работа идет вяло, и в эти две недели я не сделал и столько, сколько в прежнее время делал в два дня. Нужно как-нибудь покончить этот вопрос: объясниться; объяснить все самому себе... И что же потом?

Отступить? Никогда! Вся моя гордость подымается при одном таком предположении. Я нашел ее. Я мог спасти и не захотел. Теперь я хочу.

XVI

Записки Лопатина. Гельфрейх побежал за доктором, жившим на одной с нами лестнице; я принес воды, и скоро истерический припадок прошел. Надежда Николаевна сидела в углу дивана, на который мы с Гельфрейхом перенесли ее, и только изредка тихонько всхлипывала. Я боялся потревожить ее и ушел в другую комнату.

Не найдя доктора, Семен Иванович пришел назад и застал ее уже успокоившуюся. Она собралась идти домой, и он изъявил желание проводить ее. Она пожала мою руку, смотря мне прямо в глаза своими полными слез глазами, и я видел на ее лице какую-то боязливую благодарность.

Прошла неделя, другая, месяц. Наши сеансы продолжались. Сказать по правде, я старался растянуть их; я не знаю, понимала ли она, что я делаю это с намерением, но только она часто торопила меня. Она стала спокойнее и иногда, правда редко, бывала весела.

Она рассказала мне всю свою историю. Я долго думал над вопросом: занести ли мне и эту историю в свои записки или нет? Я решаюсь умолчать о ней. Кто знает, в чьи руки может попасть эта тетрадь? Если бы я наверное знал, что ее будут читать только Соня и Гельфрейх, то и тогда я не стал бы говорить здесь о прошлом Надежды Николаевны: они оба знают это прошлое хорошо. Я по-прежнему ничего не скрывал от сестры и в письмах тогда же передал ей весь долгий и горький рассказ Надежды Николаевны. Гельфрейх знал все от нее самой. Следовательно, им ее история в моих записках не нужна. Другие же... я не хочу, чтобы ее судили другие! Я узнал всю ее жизнь, и был ее судьей, и я простил ей все, что, по мнению людей, нуждается в прощении. Я слушал ее тяжелую исповедь и рассказ о своих бедствиях, самых страшных бедствиях, которые только может испытать женщина, и не обвинение шевелилось в моей душе, а стыд и унижительное чувство человека, считающего себя виновным в зле, о котором ему говорят. Последний эпизод ее истории наполнил меня ужасом и жалостью: слова ее в тот вечер, когда ее привел Гельфрейх и с нею сделался припадок, были не пустые слова. Она действительно убила человека, сама того не зная. Он хотел спасти ее, но не мог. Его слабые руки не в силах были удержать ее на краю пропасти, и не удержав ее, он кинулся в пропасть сам. Он застрелился. Без слез, с какою-то застывшею решимостью, она рассказывала мне эту ужасную историю, и я долго думал над ней. Может ли воскреснуть ее разбитое сердце, заживут ли такие страшные раны?

Но раны, казалось, заживали. Она становилась спокойнее и спокойнее, и улыбка уже не так редко появлялась на ее лице. Она приходила ко мне каждый день и оставалась у нас обедать. После обеда мы долго сидели втроем, и чего-чего только не было переговорено в эти тихие часы между мной и Гельфрейхом! Надежда Николаевна только изредка вставляла свое слово.

Я хорошо помню один из этих разговоров. Гельфрейх, все еще не бросая своих котов, начал усердно заниматься писаньем этюдов. Однажды он признался, что работает так усердно только потому, что задумал картину, которую напишет, «может быть, через пять, а может быть, и через десять лет».

- Отчего же так долго, Сенечка? - спросил я с невольной улыбкой при виде важности, с какою он излагал свое намерение.

- Оттого, что это серьезная вещь. Это дело жизни, Андрей. Ты думаешь, что только люди высокого роста, с прямою спиною и прямою грудью, могут задумывать серьезные вещи? О вы, чванные дылды! Верь мне, - продолжал он с напускной важностью, - что между этими горбами могут жить великие чувства, а в этом длинном ящике (он стукнул себя по темени) рождаются великие мысли.

- Эта великая мысль - секрет? - спросила Надежда Николаевна.

Он посмотрел на нас обоих и, помолчав, сказал:

- Нет, не секрет. Я расскажу вам. Мысль эта пришла мне в голову уже давно. Слушайте. Как-то раз Владимир Красное Солнышко рассердился за смелые слова на Илью Муромца; приказал он взять его, отвести в глубокие погреба и там запереть и землей засыпать. Отвели старого казака на смерть. Но, как это всегда бывает, княгиня Евпраксеюшка «в те поры догадлива была»: она нашла к Илье какой-то ход и посылала ему по просфоре в день, да воды, да свечей восковых, чтобы читать евангелие... И Евангелие прислала.

Сенечка замолчал и задумался и молчал так долго, что я, наконец, сказал:

- Ну, Семен Иваныч?

- Ну, вот и все. Конечно, скоро старый казак понадобился князю: пришли татары, и некому было выручить Киев из беды. Пожалел тогда Владимир, горько пожалел. А Евпраксеюшка пос-

лала тотчас же людей, чтобы шли в подвалы глубокие и выводили Илью за белы руки. Зла Илья не помнил, сел на коня, ну и так далее. Переколотил татар - вот и все.

- Где же тут картина, Семен Иванович?

Семен посмотрел на меня с выражением преувеличенного изумления и всплеснул руками:

- Художник! Художник! Да еще Лопатин, Андрей Лопатин! Да тут тридцать, триста, три тысячи картин, если хочешь, но я из них выбираю одну и напишу ее; умру, а напишу! Разве ты не видишь, как он сидит в погребе? Разве не представляется это тебе, как живое? Ну, вот тебе: пещера, погреб, вообще нора какая-нибудь вроде киевских пещер. Узкие переходы, и в стене небольшая ниша. Пыль, плесень, что-то страшное, фантастическое, еще более фантастическое от света восковой свечи. И сидит Илья на приступке, перед ним аналой, и лежит на аналое большая старая святая книга с толстыми покоробившимися, пожелтевшими листами пергамента, и литеры в ней черные и красные. Сидит старый казак в одной рубахе и внимательно читает, переворачивая непослушные листы книги большими мужицкими, неловкими руками, привычными к поводу, и копыю, и к мечу, а то и просто к дубине. Много потрудились эти руки и от сильной работы, что всю жизнь они делали, дрожат и ходенем ходят, и с трудом переворачивают листы святой книги...

- Эх, брат, - вдруг перебил свою речь Гельфрейх, - одна беда: очков тогда не было. Если бы они были, непременно Евпраксеюшка ему бы очки послала, большие, круглые, в серебряной оправе. Ведь он дальнзорок должен был быть от жизни в степи? Как вы думаете?

Мы оба расхохотались. Гельфрейх в недоумении посмотрел на нас, потом как будто понял, чему мы смеемся, и улыбнулся сам. Но торжественное настроение его рассказа опять взяло верх, и он продолжал:

- Не стану вам говорить, какие у него глаза: это описывать всего труднее. И в глазах-то у меня все. В глазах и губах. Ну, так вот, он сидит и читает. И раскрыл он место о нагорной проповеди, и читает он о том, что, получивши удар, надо поставить себя под другой. И читает он это место и не понимает. Всю жизнь трудился Илья не покладая рук; печенегов, и татар, и разбойников извел великое множество; разных Тугаринов Змеевичей, и Идолиц Поганых, и полениц, и жидовинов побеждал; век прожил в подвигах и на заставах, не пропуская злого в крещеную Русь; и верил он во Христа, и молился ему, и думал, что исполняет Христовы заповеди. Не знал он, что написано в книге. И теперь он сидит и думает: «Если ударят в правую щеку, подставить левую? Как же это так, Господи? Хорошо, если ударят меня, а если женщину обидят, или ребенка тронут, или наедет поганый да начнет грабить и убивать твоих, Господи, слуг? Не трогать? Оставить, чтобы грабил и убивал? Нет, Господи, не могу я послушаться тебя! Сяду я на коня, возьму копьё в руки и поеду биться во Имя Твое, ибо не понимаю я Твоей мудрости, а дал Ты мне в душу голос, и я слушаю его, а не Тебя!..» И рука его дрожит, и дрожит в ней желтый лист книги с красными и черными литерами. Свеча горит тусклым пламенем; над нею тонкая черная струйка копоти вьется и уходит в темноту. И освещены этим светом только Илья да книга, только их двое...

Семен Иваныч замолчал и задумался, откинувшись на спинку кресла и подняв глаза в потолок.

- Да, - сказал я после долгого молчания, - это хорошая картина, Сенечка. Только это лучше рассказалось, чем напишется красками на полотне. Как ты выразишь все это?

- Сделаю, непременно сделаю, все сделаю! - с жаром воскликнул Сенечка. - Сделаю! Поставлю этот вопросительный знак. Илья - и Евангелие. Что общего между ними? Для этой книги нет большего греха, как убийство, а Илья всю жизнь убивал. И ездит-то он на своем жеребчике, весь обвешанный орудиями казни - не убийства, а казни, ибо он казнит. А когда ему не хватает этого арсенала или его нет с ним, тогда он в шапку песку насыплет и им действует. А ведь он святой. Видел я его в Киеве... Лежит вместе со всеми. И справедливо...

- Все это так, Сенечка, но я не то хотел тебе сказать. Не выразят этого краски...

- Как не выразят? Вздор! Если и не выразят всего, так что ж за беда? Вопрос поставят... Постой, постой! - горячился Семен, видя, что я хочу его перебить. - Ты скажешь, что вопрос уже поставлен? Верно! Но этого мало. Нужно задавать его каждый день, каждый час, каждое мгновенье. Нужно, чтобы он не давал людям покоя. И если я думаю, что мне удастся хоть десятку людей задать этот вопрос картиной, я должен написать эту картину. Я давно думал об этом, да вот эти все сбивали.

Он нагнулся, взял с пола сидевшего на ковре рыжего кота, который, казалось, внимательно слушал его речи, и посадил к себе на колени.

- Разве ты не делаешь того же самого? - продолжал Сенечка. - Разве твоя картина не тот же вопрос? Разве ты знаешь, хорошо ли поступила эта женщина? Ты заставишь думать людей, вот и все. И кроме эстетического чувства, которое возбуждает всякая картина и которое одно, само по себе, стоит не очень-то много, не в этом ли смысл того, над чем мы трудимся?

- Семен Иванович, Сенечка, милый мой, - сказала вдруг Надежда Николаевна, - я никогда не видела вас таким. Я всегда знала, что у вас прекрасное сердце, но...

- Но вы думали, что я глупенький горбунчик? Помните, раз вы так назвали меня? - Он посмотрел на нее и, должно быть, заметив тень на ее лице, прибавил: - Простите, что я вспоминаю. Эти годы нужно вычеркнуть из памяти. Все пойдет хорошо. Ведь правда, Андрей, все пойдет хорошо?

Я кивнул ему головой. Я был тогда очень счастлив: я видел, что Надежда Николаевна понемногу успокаивается, и - кто знает? - может быть, жизнь ее за последние три года делается для нее только далеким воспоминанием, не пережитыми годами, а лишь смутным и тяжелым сновидением, после которого, открыв глаза и видя, что ночь тиха, что в комнате все по-прежнему, радуешься, что это был только сон...

XVII

Зима проходила. Солнце подымалось все выше и выше и все сильнее пригревало петербургские улицы и кровли: повсюду из труб шумела вода, и талый лед с громом выкатывался из них. Показались дрожки, гремевшие по кое-где обнаженной мостовой с новым, воскресшим для уха звуком.

Я кончил картину. Еще несколько сеансов, и можно будет нести ее в академию на суд экспертов выставки. Гельфрейх заранее поздравлял меня с успехом. Надежда Николаевна радовалась, глядя на картину, и на ее лице я часто видел незнакомое мне до сих пор выражение спокойного удовольствия. Иногда она даже была весела и шутила, большею частью над Сенечкой; Сенечка же весь погрузился в чтение множества книг, которые ему нужно было прочесть, по его словам, для картины, в рассматривание альбомов со всякими древностями и изучение Евангелия. Его коты разбежались; остался только один непременный рыжий кот, да и тот жил на покое, почти не тревожимый своим хозяином для отправления должности натурщика. Со времени нашего разговора об Илье Муромце Семен Иванович написал только одну картинку и, продав ее за полтора рубля, считал себя обеспеченным деньгами надолго, тем более что он, к моему великому удивлению, нисколько не стеснялся своим долговременным пребыванием в моем жилище, где жизнь ему ничего не стоила.

Мы проводили втроем почти все свободное время. Гельфрейх достал где-то для Надежды Николаевны огромную рукопись, содержащую в себе проект какого-то важного лица, - проект, по которому Россия должна была быть облагодетельствована в самом непродолжительном времени, и она переписывала ее щегольским крупным почерком. Так как облагодетельствование России требовало большой работы мысли, то проект исправлялся и дополнялся без конца и, кажется, и до сих пор не приведен к окончанию. Кто-то переписывает его теперь, после Надежды Николаевны?

Как бы то ни было, она не бедствовала. Того, что она зарабатывала перепиской, и денег, получаемых от меня за сеансы, ей хватало. Она жила в той же самой маленькой комнате, куда переехала, скрывшись от нас. Это была узенькая низкая комната, с одним окном, выходившим куда-то в стену; кровать, комод, два стула и ломберный стол, служивший и для письма, и для чая, и для обеда, составляли все убранство. Когда приходили мы с Сенечкой, он отправлялся к хозяйке в кухню и выпрашивал себе табурет. Впрочем, эти посещения случались редко: неприятлива и мрачна была эта комната, с которой Надежда Николаевна ни за что не хотела расстаться. Большею частью мы собирались у нас с Семеном Ивановичем, где было и просторно и светло.

Я ни разу не говорил с нею о том, что происходило в моей душе. Я был спокоен и счастлив настоящим; я понимал, что неосторожное прикосновение к ее, быть может, незакрывшимся душевным ранам больно отзовется на ней. Я мог потерять ее навсегда, если бы теперь же стал настаивать на приведении в исполнение своей заветной мысли, своего желания и надежды. Может быть, я не мог бы держать себя так спокойно и сдерживаться так долго, если бы эта надежда не была так сильна. Я твердо верил, что пройдет еще полгода, год, даже два (время не пугало меня), и она, успокоенная и выздоровевшая, увидит около себя твердую опору, на кото-

рую можно положиться, и делается моею на всю жизнь. Я даже не надеялся, я прямо знал, что она будет моей женой.

Не знаю, видел ли это Бессонов... Он иногда приходил к нам, нарушая наше спокойствие и внося неловкость в наши разговоры. По-видимому, он был спокоен и хладнокровно смотрел на Надежду Николаевну. Она не заговаривала с ним, хотя отвечала ему на его вопросы и слушала его длинные разговоры о самых разнообразных предметах. Он был очень начитан и говорил хорошо. Отчего-то мне казалось, что он сделался таким словоохотливым и поучительным, чтобы скрывать от нас что-то прятывшееся за его гладкой речью и не дававшее ему покоя. После я узнал, что это было так, что своим внешним спокойствием он скрывал смертельную язву, убивавшую его, как тот святой французский священник, слывший неувязимым и в битвах носивший красный плащ, чтобы не видно было крови, лившейся из его ран. Но когда я узнал это, уже было поздно.

Зачем-то он опять перебрался к капитану. Один раз я был у него. Новая комната его, как и прежняя, была вся завалена книгами, газетами и бумагами, но мне показалось, что все это лежало в большом беспорядке и покрытое пылью, как будто давно уже никто не притрагивался к работе в этой комнате. Дома он держал себя иначе, чем у нас, в присутствии Надежды Николаевны; говорил мало и мрачно шагал из угла в угол, покуривая папиросу. Я чувствовал, что я лишний, и решил больше не ходить к нему. Я спросил у него, между прочим, не знает ли он чего-нибудь о капитане и правда ли, что капитан «боец Мехова и Опатова».

- Сочиняет, - сказал Бессонов. - Он и поляк-то не настоящий. Он перешел в православие когда-то очень давно, и я думаю, что он просто хочет импонировать молодым людям, когда открывает им свою мнимую тайну.

Я ушел от Бессонова. Скоро два случая открыли мне глаза на его поведение. Во-первых, Соня прислала мне письмо с описанием разговора, происшедшего между нею и матерью Бессонова. Старушка иногда заходила к ней в институт в приемные часы, помня участие, которое всегда принимала в ней и в ее сыне Сониной мать. По словам сестры, на этот раз она пришла с взволнованным и таинственным видом и после нескольких неловких предисловий обнаружила, зачем именно явилась. Сергей Васильевич написал ей подробно обо всем происходившем у нас. Ему не хватало черной краски, чтобы представить положение дела в таком мрачном виде, как ему хотелось. Он не просил мать передать содержание письма Соне, но сама старушка, из чувства благодарности, решила пойти и рассказать все, с целью предупредить ее, чтобы она действовала, пока еще можно спасти меня. Она была очень удивлена, узнав, что сестре все уже известно. Она волновалась. Ей, старой женщине, стыдно было говорить молодой девушке, да еще институтке, о подобных вещах; но что же делать? Нужно спасти несчастного Андриюшу во что бы то ни стало. На месте Сони она вышла бы из института и сейчас же поехала бы в Петербург, чтобы открыть мне глаза.

«Сергей Васильевич, - писала Соня, - играет во всей этой истории какую-то странную роль. Я не верю, чтобы он написал все это матери, не зная, что она наверное передаст все мне, и, скажу больше, не желая, чтобы она передала. Я приеду к тебе в Петербург, но только после экзаменов. Если ты согласишься, мы проживем лето где-нибудь на даче, и я немного подготовлюсь, чтобы не было трудно на первых порах на курсах».

Это письмо расстроило меня, но полученное вслед за ним второе, длинное анонимное послание, переполнило чашу. В высокопарных, кудреватых выражениях неизвестный автор предостерегал меня против печальной судьбы всех молодых людей, слепо предающихся своим страстям и не разбирающих достоинств и недостатков существа, с которым намеревается вступить в союз, «узы какового легки и незаметны вначале, но впоследствии превращаются в тяжкую цепь, подобную той, какую влачат несчастные каторжники». Так выражался неизвестный автор письма. «Верьте благородному слову опытного старца, господин Лопатин, что неравенство в браке есть вещь весьма ужасная. Вещь эта лишила мир многих великих талантов; прошу это помнить, господин Лопатин». Затем следовал целый обвинительный акт против «Надежды», душа которой называлась даже «добычею пекла» (тут я уже решительно узнал руку капитана). Она обвинялась в долгой развратной жизни, из которой могла бы выйти, если бы захотела, «ибо имеет родственников своей фамилии, хотя весьма удаленных, которые - я уверен в том - извлекли бы падшую из ее социального положения, но, по натуральной склонности сей особы к разврату, она предпочитала погрязать в болоте, из которого вы тщетно имеете намерение спасти ее, причем, без сомнения, погубите и жизнь свою и чудный ваш талант». Она обвинялась в убийстве человека, «и также весьма порядочного господина, не отличавшегося талантами, подобно вам, но прекрасного человека, получавшего на службе пятьдесят рублей в месяц

и имевшего в виду увеличить свое содержание, которое было бы весьма достаточно для жизни их обоих, ибо на что же могло рассчитывать подобное существо, как эта презренная, которая, однако, по склонности своей, предпочла отказать этому молодому человеку, господину Никитину, в браке, лишь бы продолжать гнусную жизнь свою?..»

Письмо было очень длинное; я не дочитал и бросил его в топившуюся печку. Участие Бессонова в этом деле для меня показалось несомненным. С какой стати капитану заботиться о спасении моей души? Вся кровь бросилась мне в голову, и первым моим движением было бежать к Бессонову. Я не знаю, что бы я с ним сделал. О капитане я не думал: этот ренегат, скрывающий свое ренегатство, был уговорен, подпоен, может быть, чем-нибудь запуган. Я схватил шляпу и был уже у дверей, когда опомнился. Лучше было прежде успокоиться и потом уже решить, что делать.

Я утвердился в этом решении и, в ожидании Надежды Николаевны, попробовал писать кое-какие аксессуары картины, думая успокоиться в работе; но кисть прыгала по холсту, и глаза не видели красок. Я оделся, чтобы выйти и освежиться на воздухе; отворив дверь, я увидел, что перед ней стоит Надежда Николаевна, бледная, задыхающаяся, с выражением ужаса в широко раскрытых глазах.

XVIII

Из дневника Бессонова. Тоска! Тоска эта преследует меня, где бы я ни был, что бы я ни делал, чтобы забыть, утолить ее чем-нибудь. Глаза мои, наконец, открылись; с тех пор как я ничего не записываю в этот дневник, прошел месяц, и в этот месяц решилось все. Куда девалось это хваленое философское спокойствие? Где мои бессонные ночи, проводимые за работой? Я, тот самый я, который гордился тем, что имею характер в наше бесхарактерное время, смят и уничтожен налетевшей бурей... Какой бурей? Разве это буря? Я презираю себя, презираю за свою прежнюю гордость, которая не помешала мне склониться перед пустой страстью; презираю за то, что позволил этому дьяволу в образе женщины овладеть своей душой. Да, если бы во мне жила вера в сверхъестественное, я не мог бы иначе объяснить случившееся, как наваждением.

Перечитал написанные строчки... Что за унижительные, жалкие жалобы! О, где ты, моя гордость, где сила воли, дававшая мне возможность переламывать себя и жить не так, как живется, а как я хотел жить? Я унизился до мелочной интриги: написал письмо матери, и она, без сомнения, рассказала все, что я хотел, его сестре, и из этого ничего не вышло; в нетерпении я заставил старого дурака написать безграмотное письмо Лопатину - и из этого ничего не выйдет, я знаю это. Он бросит письмо в огонь, или, еще хуже, он покажет его ей, своей любовнице, и они вместе будут читать его, потешаться над безграмотными излияниями капитанской души и будут издеваться надо мной, потому что поймут, что некому было, кроме меня, толкнуть капитана на эту пошлость.

Его любовнице! Так ли это? Слово сорвалось у меня с пера, но я до сих пор не знаю, правда ли это? А если это не так? Если для меня есть еще надежда? Что заставляет меня думать, что он полюбил ее, кроме смутных подозрений, возбужденных безумной ревностью? Три года тому назад все было возможно и легко. Я лгал в этом самом дневнике, когда писал, что отказался от нее, потому что увидел невозможность спасти. Если не лгал, то обманывал себя. Ее легко было спасти: нужно было только наклониться и поднять ее. Я не захотел наклониться. Я понял это только теперь, когда мое сердце болит любовью к ней. Любовью! Нет, это не любовь, это страсть безумная, это пожар, в котором я весь горю. Чем потушить его? Я пойду к ней и поговорю с нею. Я соберу все свои силы и буду говорить спокойно. Пусть она выбирает между мною и им. Я скажу только правду, скажу, что ей нельзя рассчитывать на этого впечатлительного человека, который сегодня думает о ней, а завтра его поглотит что-нибудь другое, и она будет забыта. Иду! Так или иначе, а это нужно кончить. Я слишком измучен и больше не могу.

В тот же день. Я был у нее. Сейчас иду к нему. Это последние строки, которые будут написаны в этом дневнике. Ничто не может удержать меня. Нет у меня власти над собою...

XIX

Записки Лопатина. Зачем тянуть дальше? Не лучше ли кончить свои воспоминания на этих строках? Нет, я напишу до конца. Все равно: если я и брошу перо и эту тетрадь, этот ужасный день будет переживаться мною в тысячный раз; в тысячный раз я испытаю ужас, и мучения совести, и муки потери; в тысячный раз сцена, о которой я сейчас буду писать, прой-

дет перед моими глазами во всех своих подробностях, и каждая из этих подробностей ляжет на сердце новым страшным ударом. Буду продолжать и доведу до конца.

Я привел Надежду Николаевну в комнату; она едва стояла на ногах и дрожала, как в лихорадке. Она смотрела на меня все тем же испуганным взглядом и в первую минуту не могла сказать слова. Я усадил ее и дал ей воды.

- Андрей Николаевич, берегитесь. Заприте дверь... не впускайте никого. Он придет сейчас.

- Кто, Бессонов?

- Заприте дверь, - шептала она.

Гнев овладел мною. Ему мало безыменных писем; он дошел до насилия.

- Что он сделал с вами? Где вы его видели? Успокойтесь. Выпейте еще воды и расскажите.

Где вы его видели?

- Он был у меня...

- В первый раз?

- Нет, не в первый. Он был еще два раза. Я не хотела говорить вам, чтобы не рассердить вас. Я просила его перестать ходить ко мне; я сказала, что мне тяжело видеть его. Он молча ушел и не был недели три. Сегодня он пришел рано и ждал, пока я оденусь.

Она замолчала; ей было трудно продолжать.

- Что ж дальше?

- Я никогда не видела его таким. Он говорил сначала спокойно. Он говорил о вас. Он не говорил о вас ничего дурного; сказал только, что вы человек впечатлительный и увлекающийся и что я не могу надеяться на вас. Он просто сказал, что вы меня бросите, потому что вам скоро надоест возиться со мной...

Она замолчала и расплакалась. О, никогда такая любовь и жалость не овладевали мной! Я взял ее холодные руки и целовал их. Я был безумно счастлив; слова без удержу полились из уст моих. Я сказал, что я люблю ее на всю жизнь, что она должна быть моей женой, что она видит и знает, что Бессонов неправ. Я сказал ей тысячу нелепых слов, счастливых слов, по большей части не имевших никакого внешнего смысла, но она поняла их. Я видел ее милое лицо, озаренное счастьем, на моей груди, это было совсем новое, немного чужое лицо, не то лицо с тайным мученьем в чертах, которое я привык видеть.

Она улыбалась, и плакала, и целовала мои руки, и прижималась ко мне. И в ту минуту во всем мире не было ничего, кроме нас двоих. Она говорила что-то о своем счастье и о том, что она полюбила меня с первых же дней нашего знакомства и убегала от меня, испугавшись этой любви; что она не стоит меня, что ей страшно связать мою судьбу со своей; и снова обнимала меня и снова плакала счастливыми слезами. Наконец она опомнилась.

- А Бессонов? - вдруг сказала она.

- Пусть приходит Бессонов, - ответил я. - Какое нам с вами дело до Бессонова?

- Постойте, я кончу, что начала говорить о нем. Да, он говорил о вас. Потом о себе. Он сказал, что он гораздо более надежная опора, чем вы. Он напомнил мне, что три года тому назад я любила его и пошла бы за ним. И когда я сказала, что он обманывает сам себя, вся его гордость вспыхнула, и он до такой степени вышел из себя, что бросился на меня... Постойте, - сказала Надежда Николаевна, схватив меня за руку, когда увидела, что я вскочил на ноги, - он не тронул меня... Мне жалко его, Андрей Николаевич... он у меня в ногах валялся, этот самолюбивый человек! Если бы вы видели это!

- Что же вы сказали ему?

- Что же было говорить? Я молчала. Я сказала только, что не люблю его. И когда он спросил - не потому ли, что люблю вас, я сказала ему правду... Тогда с ним случилось что-то такое страшное, что я не могу понять. Он кинулся на меня, обнял меня, прошептал мне: «прощай, прощай!» - и пошел к двери. Никогда я не видела такого ужасного лица. Я упала на стул почти без сил. У двери он обернулся и странно так засмеялся и говорит: «Впрочем, я еще увижусь с тобой и с ним». И лицо его было так ужасно...

Она вдруг перестала говорить и страшно побледнела, устремив глаза ко входу в мастерскую. Я обернулся. В дверях стоял Бессонов.

- Не ждали? - сказал он, заикаясь. - Я не обеспокоил вас и прошел с черной лестницы.

Я вскочил на ноги и стал против него. И мы стояли так долго, меряя друг друга глазами. Он был действительно способен навести ужас. Бледный, с красными, воспаленными глазами, с ненавистью устремленными на меня, он ничего не говорил; его тонкие губы только шептали что-то, дрожая. Мне вдруг стало жаль его.

- Сергей Васильевич, зачем вы пришли? Если вы хотите говорить со мной, подите и успокойтесь.

- Я спокоен, Лопатин. Я болен, но спокоен. Я уже решил все, и мне не от чего волноваться.

- Зачем же вы пришли?

- Затем, чтобы сказать вам несколько слов. Вы думаете быть счастливым с ней? - он указал рукою на Надежду Николаевну. - Вы не будете счастливы! Я не позволю вам этого.

- Уйдите отсюда, - сказал я, делая страшные усилия, чтобы говорить спокойно. - Подите, отдохните. Вы сами сказали, что больны.

- Это мое дело. Вы слушайте, что я вам скажу. Я ошибся... Я виноват. Я люблю ее. Отдайте ее мне.

«Он сошел с ума!» - мелькнуло у меня в голове.

- Я не могу жить без нее, - продолжал он глухим и хриплым голосом. - Я не выпущу вас, пока вы не скажете мне «да!»

- Сергей Васильевич!

- И вы скажете мне это «да», или...

Я взял его за плечи и повернул к двери, он шел послушно. Но подойдя к двери, вместо того чтобы взяться за ручку, он повернул ключ, сильным движением оттолкнул меня и стал в угрожающую позу. Надежда Николаевна вскрикнула.

Я увидел, как он переложил ключ в левую руку, а правую опустил в карман. Когда он вынул ее, в ней блеснул предмет, которому я тогда не успел дать названия. Но вид этого предмета ужаснул меня. Не помня себя, я схватил стоявшее в углу копьё, и когда он направил револьвер на Надежду Николаевну, я с диким воплем кинулся на него. Все покатило куда-то с страшным грохотом. Тогда началась казнь...

Я не знаю, сколько времени я лежал без сознания. Когда я очнулся, я не помнил ничего. То, что я лежал на полу, то, что я видел сквозь какой-то странный сизый туман потолок, то, что я чувствовал, что в груди у меня есть что-то, мешающее мне двинуться и сказать слово, - все это не удивило меня. Казалось, что все это так и нужно для какого-то дела, которое нужно сделать и которого я никак не мог вспомнить.

Картина! Да. Шарлотта Корде и Илья Муромец... Он сидит и читает, а она переворачивает ему листы и дико смеется. Какие пустяки! Это не то; это не тот вопрос, о котором говорит Гельфрейх. Я делаю движение и чувствую, что мне очень больно. Конечно, это так нужно, иначе и нельзя.

Тишина. Ожившая муха звенит в воздухе и потом бьется в стекло. Рамы еще не вынуты, но сквозь них доходит веселое дребезжание дрожек. Дымок расходится перед моими глазами, странный сизый дымок, и я ясно вижу на потолке грубую лепную розетку вокруг крюка. Я думаю, что это очень странный орнамент; я никогда не замечал его прежде. И кто-то касается моей руки; Я повертываю голову и вижу чью-то руку, маленькую, нежную, белую, лежащую на полу. Я не могу достать ее, мне очень это жаль, потому что это рука Надежды Николаевны, которую я люблю больше всего на свете...

И вдруг яркий луч сознания озаряет меня, и я сразу припоминаю все, что случилось... Он убил ее.

Не может быть! Не может быть! Она жива. Она только ранена. Помогите! Помогите! Я кричу, но звука не слышно. Только какое-то клокотание в груди душит и давит меня, и розовая пена клубится на моих губах. Он убил и меня.

Собрав силы, я приподнялся и увидел ее лицо. Глаза ее были закрыты, и она была неподвижна. Я чувствовал, как волосы шевелятся на моей голове. Я хотел бы лишиться сознания. Я упал к ней на грудь и покрывал поцелуями это лицо, полчаса тому назад полное жизни и счастья, доверчиво прижимавшееся к моей груди. Теперь оно было неподвижно и строго; маленькая ранка над глазом уже не сочилась кровью. Она была мертва.

Когда выломали дверь и Семен Иванович бросился ко мне, я почувствовал, что меня оставляют последние силы. Меня подняли и положили на диван. Я видел, как взяли и вынесли ее, я хотел крикнуть, просить, умолять, чтобы этого не делали, чтобы оставили ее здесь, подле меня. Но я не мог крикнуть; я только беззвучно шептал, пока доктор осматривал мою простреленную навывлет грудь.

Вынесли и его. Он лежал с суровым и страшным лицом, залитым кровью, волной хлынувшей из смертельной раны на голове.

Я кончаю. Что еще прибавлять?

Соня приехала сейчас же, вызванная телеграммой Семена Ивановича. Меня лечили долго и упорно и продолжают лечить. Соня и Гельфрейх уверены, что я останусь жив. Они хотят везти меня за границу и надеются на это путешествие, как на каменную гору.

Но я чувствую, что мне осталось уже немного дней. Рана моя закрылась, но грудь разрушается другой болезнью: я знаю, что у меня чахотка. И третья, еще более страшная болезнь помогает ей. Я ни на минуту не забываю Надежду Николаевну и Бессонова; страшные подробности последнего дня вечно стоят перед моим душевным взором, и какой-то голос, не переставая, шепчет мне на ухо о том, что я убил человека.

Меня не судили. «Дело» прекращено: было признано, что я убил, защищаясь. Но для человеческой совести нет писанных законов, нет учения о неумяемости, и я несу за свое преступление казнь. Мне недолго уже нести ее. Скоро Господь простит меня, и мы встретимся все трое там, где наши страсти и страдания покажутся нам ничтожными и потонут в свете вечной любви.

1885 г.

Всеволод Михайлович Гаршин.

Поэту

Вел.. Кн. Константину Романову, К.Р.

Поэт, твоё предназначенье -
Не умозрительное пенье,
А пенье сердца, чувств, души.
Пусть песнь рождается в тиши,
Не в грозах страсти и волнений,
Сред молний ярких озарений,
А поутру, иль в час ночи.

Когда утихнет шторм желаний,
И тонкий луч очарований
Коснется сердца твоего,
И в тишине благословенной
Услышишь музы глас бесценный,
Воспримешь чистый звук его.

Ум не терзай тяжелой рифмой,
Очисти его слезой молитвы,
Полётом мысли к небесам.
Войди в чудесный миг паренья,
Вплетая новь в стихотворенья,
Рождая песнь, рождайся сам!

Не бойся мук и огорченья,
Непониманий и гоненья.
Не лучше чем другие ты.
Оставь надежды на признание,
Суетной славы ожиданья,
Ищи небесной красоты.

Употреби талант, старанье
На труд, добро и созиданье.
Будь стоек в битве вновь и вновь!
Пусть песнь парит небесной птицей,
И в пенье дивно воплотится
Надежда, Вера и Любовь!

01.02.2013 **В.К. Невярович.** Россия.

Серый сумрак...

Серый сумрак бесприютней,
Сердце - горче. Я одна.
Я одна с испанской лютней
У окна.

Капли капли, бьют куранты,
Вянут розы на столах.
Бледный лик больной инфанты
В зеркалах.

Отзвук песенки толедской
Мне поет из темноты
Голос нежный, голос детский...
Где же ты?

Книг ненужных фолианты,
Ветви парка на стекле...
Бледный лик больной инфанты
В серой мгле.

1909 Елизавета Дмитриева
(**Черубина де Габриак**)

*Я зла не помню.
Приходится записывать.*

окончание...

КАПИТАН КУК

- Батюшка! Родной! - залепетала она, стараясь поймать его руку, и, несмотря на протесты о. Ильи, почти обнимала ему ноги в смертельном волнении. - Батюшка! Защити! Заступись. Не к кому, кроме тебя, кинуться... Защити сирот!

- Что случилось? - взволновался о. Илья.

- Схватили... Судить хотят хозяина-то моего! Дети-то маленькие останутся. Девочка-то в кори лежит. В острог посадить хотят... Кормилец мой! Спаси... Защити!!..

- Еремеева ты, что ли?

- Еремеева, голубь ты мой сизокрылый...

- Встань-ка ты, расскажи-ка мне, в чем дело - толком.

Баба с трудом поднялась с пола и начала рассказ, прерываемый слезами и возгласами отчаяния.

- Антоха! - тем временем говорил дьякон, стараясь поймать графин, - хочешь самострелу? Матушка-а... благослови... за щеку залить!

- Бла-го-сло-ви... - бормотал фельдшер, стараясь поднять голову со стола.

О. Илья вошел в зальцу, пылая румянцем.

- Дождались! Слава Богу! - заговорил он, обращаясь к попадье, нервно потирая руки. Он гневно обдавал ее лихорадочно-болезненным взглядом.

- Что такое? - сухо спросила попадья, подняв голову и нахмутив брови.

- Прекрасно! Превосходно! - нервно шагал о. Илья по комнате, - великолепно!

- Да в чем дело? Говори толком! - почти крикнула попадья, отложив работу.

- Скажите вы мне, пожалуйста! - остановился перед ней о. Илья, трепеща от гнева, - разъясните мне, сделайте милость, на каком основании вы не допускаете ко мне прихожан? Что вы за такую новую манеру взяли, а? Ведь это... это отвратительно. У меня слов нет! Это... это... чёрт знает, что такое!

Попадья откинула шитье и пошла из комнаты.

- Хоть бы людей-то постыдился, скандальник, - проронила она на пороге.

- Чтоб у меня в другой раз этого не было!! - почти детским голосом закричал о. Илья. - Чтобы никогда этого не было! Вы только представьте себе... представьте! - обернулся он к фельдшеру, который, наконец, поднял голову и смотрел на дьякона, думая, что это говорит он. - Еремеев, оказывается, приходил вчера ко мне, а его не допустили... Понимаете? Тут нужда такая, что на воровство человек пошел! А она, вот эта самая моя жена, что там, в соседней комнате злится, она его выпроводила и мне ничего не сказала. А! Понимаете? Ведь они убивают меня!

Фельдшер опять успокоился. Дьякон ловил графин.

- Убивают, так вот ухожу я от тебя! - выставила попадья из двери злое лицо, - надоел ты мне со своими проповедями...

- Уходи! Уходи! Рад буду!! - кричал о. Илья, - капиталы хочешь нажить на случай моей смерти! На мужичьих хлебах раздобреть!! Не буду я больше и хлеб собирать... чорт с вами!

- Не собирай! Раздай последний! - не унималась попадья за дверью, - подохнешь, хоронить не на что будет. И то на ладан дышишь...

У него лицо исказилось болезненной судорогой.

- И раздам! Раздам! Нарочно раздам! Кому какое дело! Чтобы тебе только не доставалось, сатане! - Он хрустнул пальцами: - Ах... убежал бы я от вас!

- Мчись! - не унималась попадья, - никто жалеть не будет.

- Ересь! - буркнул вдруг дьякон, поймавший, наконец, графин, - арианство! Он стал наливать мимо рюмки.

- Хоть бы вы-то помолчали, о. дьякон! - раздраженно закричал о. Илья; - не вам священника учить, как поступать надо... Заслужите священника, тогда живите, как знаете!

Фельдшер стал прихрапывать.

Дьякон выпил рюмку, встал и устал на о. Илью глаза.

- Так-к ты... во-о-т как... о. Илья! Так ты меня...как считаешь... Так ты во-о-о...

- Отстаньте вы от меня! - кричал о. Илья, бегая по комнате в приступе болезненного гнева.

- Все вы тут заодно... шайка!

- Так ты во-о-о...

Дьякон уронил рюмку на пол и стал нащупывать косяки, чтобы выйти в дверь.

- Судиться буду!!! - кричал он из кухни, что то там роняя.

О. Илья пробежался еще раз два по комнате, потом прошел в темную прихожую и стал одеваться. Выйдя через парадное крылечко на улицу, направился через площадь к правлению.

Шел дождь. Тучи неслись вверх, принимая фантастические формы чудовищ. Полдень наполнил вечер, так было темно, уныло, сыро. Внутри правления было еще темней. Свет лампы сквозь стекло, загаженное мухами, не разгонял мрака по углам и отбрасывал черные, гигантские силуэты людей на прокоптелые стены. Ожесточенное галденье наполняло комнату. Более всех кричал маленький, черненький казачонок, со злыми, как у ворона, глазами. Он злобно суетился перед столом, заваленным бумагами, за которым сидел писарь, нагнувшийся над листом бумаги.

- Пиши! - отчаянно кричал он, - пиши, Капитон Иваныч, бумагу атаману отдела, что общество желает казака Еремеева во второй отдел выслать.

- погоди-ка ты, егоза! - говорил высокий, худой казак, с окладистой рыжей бородой и подслеповатыми глазами: - не егози зря-то! Ведь с нужды человек....

Казаченок так и метнулся:

- Ты-то помолчи! - заорал он: - ты хоть и церковный староста, а в этом деле твоего голоса нет, потому Еремеев тебе сродни приходится. Инструменты-то, чать, мои! По настоящему-то закону Еремеева надо в острог отправить, чтобы не баловался! Много их, охочих до чужого добра, найдется...

- Чудак! Нужда-то не тетка! - не унимался староста: - ведь человек первый раз замечен.

- А намеднись лошадей у общества угнали двадцать голов! - кричал казачонок, вертясь, словно волчок, по гнилому полу правления; - это тоже с нужды? Тоже простить надо?

- Правильно! Правильно! - загудела вся толпа, при нападении о лошадях; - как можно вора потачку давать! Ты, Иван Гаврилыч, не вступайся; тут дело общественное. Пиши, Капитон Иваныч, бумагу. Во второй отдел!

Еремеев, сидевший всё время на лавке, опустивши голову, вскочил с нее и встал перед обществом.

- Ана-фе-мы! - заорал он диким голосом; - прокляты будьте отныне и до века! Волки вы ненасытные! Утробы обжорливые!

- Мол-чать! - грозно закричал на него атаман, красивый урядник с медалями на груди.

- Погожу! Сначала скажу вам всю правду, чтобы глаза ваши бесстыжие хоть раз в жизни стыдом заложило. А потом... хоть в Сибирь гоните! Везде люди живут. Кто меня нищим сделал? По чьей милости я в обществе последний человек стал?! Кто виноват... А?!

- Осатанел он, братцы! Атаман... Константин Митрич, посади его в холодную. Заткни глотку!

- Дневальные! - крикнул атаман.

Но Еремеев вдруг отскочил за стол и бешено засверкал глазами.

- Не подходи!! - почти зарычал он: - остервенился я! Дай мне злобу мою высказать! Не дам, пока всего не скажу! Скажи-ка ты мне, Константин Митрыч: кто у меня лошадь со двора свел за долги? С той поры и разоренье мое пошло... Обнищал я! Кто у меня пшеницу последнюю выгреб по осени в депозит? Отличиться перед начальством захотел... не даром тебе медаль то повесили! Живо-ре-з!

- Как ты смеешь оскорблять меня? - вспыхнул атаман: - я при должности состою! Капитон Иваныч, запиши его речи.

- Живо-ре-з! - орал Еремеев не своим голосом; - пиши, бесстыжие твои глаза, записывай! Запиши и то, как ты штрафами меня давил! Себе ты дрова рубил в заповедном лесу, - тебе можно! Сватьям твоим - можно! Кумовьям твоим - можно! Богатеям, с которыми ты водку жрешь, - тоже можно! А бедный человек дровнишки валежнику насбирал - штраф... Пес ты, а не атаман!

- Дневальные!

- Не подходи! Лиходеи вы все! Вы меня до покражи довели! Не я виноват. Вы, анафемы..!

- Что же это такое! До каких пор слушать! - загалдела вся толпа в один голос; - ему, злодею, острогу мало! Видишь, он... сатана какой! Выслать, выслать его! Пиши...

Застонало всё правление от шума: все кричали, не слушая один другого, махали руками, переругивались. Черненький казаченок всё вертелся кубарем перед толпой, подлетая то к одному, то к другому. Один церковный староста грустно стоял в стороне, не принимая участия в споре. Вдруг толпа расступилась и смолкла. Среди нее стоял о. Илья...

Никто не заметил, как он вошел и стал позади толпы, прислушиваясь к словам Еремеева. Теперь он выступил почти на середину, бледный, с горящими глазами.

- Старики! - сказал он, - отпустите Еремеева... Я за него прошу!

Все молчали, в недоумении от такой просьбы. Нашелся только писарь. Посмеиваясь гаденькой улыбочкой из-под усов, на которых никогда не просыхала водка, он сказал слащавым голосом, с почтительностью, плохо скрывавшей ядовитую насмешку:

- Батюшка! Вам, может быть, неизвестно, что Еремеев кражу совершил?

- Потому и прошу! - сказал о. Илья.

Писарь склонил голову на бок, почти положил ее на плечо и засмеялся продолжительным смешком, напоминавшим шипенье.

- Как же это вы за вора просите-с? - сказал он, - это даже совсем невероятно-с!

В то же время черненький казаченок закричал, ни к кому собственно не обращаясь:

- Как можно отпустить! Это нельзя... Пусть ответит по закону!

- Я у общества прошу! - нахмурился о. Илья, - не у тебя!

- Да инструменты-то мои ведь! - закричал казаченок; - что же это будет, коли ворами потачку давать! Намедни коней угнали, теперь...

Тут мало-по-малу поднялся общий сдержанный говор.

- О чем ты, батюшка, просишь! - говорили в толпе: - можно ли вора отпустить!

- Можно! - горячо вскричал о. Илья; - вы разве забыли, как Христос блудницу отпустил, которую побить камнями хотели! Старики! Я вас прошу! Сделайте мне уважение! Я, как священник, прошу! Я ручаюсь вам, я знаю, что Еремеев действительно от великой нужды на такой поступок решился. Нужда, старики!

- Все мы, батюшка, в нужде живем! - раздался голоса: - не идем же воровать!

- Не в такой! - почти крикнул о. Илья; - не испытали еще вы такой нужды, должно быть, когда жена и ребятишки пухнут с голоду, когда человек мечется целыми годами, что б хоть черствую корку хлеба раздобыть, когда весь свет отвернулся от него и ничего ему не остается делать, как идти на большую дорогу. Старики! Загляните в свою совесть... Подумайте! Не губите человека навсегда, не озлобляйте его окончательно, не травите его, как волка, простите, как Христос прощал! Еремеев, сколько тебе лет?

- Сорок, люди говорят, - угрюмо отвечал Еремеев, прислушивавшийся к словам священника.

- Вот видите, видите! - говорил о. Илья, - до сорока лет человек без зазору прожил, честным членом общества вашего был. Стало быть, велика та нужда была, которая довела его до отчаянного поступка! Пожалейте человека, старики... Простите!

- Надо ихнего брата жалеть, разбойников! - не утерпел казаченок.

- погоди-ка ты, помолчи! - вскричал о. Илья, пылая румянцем, - не наказывать Еремеева, не разорять ссылкою во второй отдел, а помочь ему надо! У него жена больная, ребенок в кори лежит, в доме хлеба. ни куска, избы истопить нечем! Взять ему негде, заработать негде! Никто не верит ему! Вчера он полдеревни обежал, чтоб хоть кто-нибудь в долг хлеба поверил. Быть может, у многих из вас был. Ведь зазрит же вас совесть! Ведь правда? Правда?

- Я вчера, батюшка, у тебя был! - угрюмо сказал Еремеев.

- Да, да! - весь вспыхнул и затрепетал о. Илья, - он и у меня был... у последнего, понимаете? А я не знал... и я так же виноват, как и вы, перед ним! Ему некуда было больше деваться, некуда обратиться, весь свет отвернулся от него. Мы все виноваты, старики, в его вине! Я прошу вас за него, отпустите его. Я покаяние на него наложу... Епитимию. Я на поруки его прошу! На него затмение находило, мрак, отчаяние! Он честным был человеком, пусть честным и останется. Простите его!

- Батюшка, - сказал писарь, слащаво улыбаясь, - мы этого дела скрыть не можем: должны по начальству представить. Тут воли общественной нет!

- С нас начальство требует! - сказал атаман.

- Как можно отпустить! - кричал черненький казаченок, злобно хорохорясь и ершась, - вору потачку дай, последнюю рубашку снимет! Я к атаману отдела сам поеду!

- Батюшка! Отец! - говорили в толпе, - проси о чем хочешь другом - уважим! А это дело такое... сурьезное.

- Уголовное! - вставил писарь.

- Я вас прошу, старики!

- Не можем, батюшка! - говорили передние. - Вор! Как ему потачку дать?

А позади уж кричали:

- Нельзя этого, старики! Как это можно, такое дело пускать. Намеднись коней украли, теперь... Невозможно! Нельзя!

- Так не уважите моей просьбы? - сказал о. Илья, голос его звенел.

- Батюшка! Отец! Нельзя. Не дадим повадки... Как можно! Куры засмеют!

- Ваше благословение, - говорил атаман почтительно, - у нас по уставу положено всякую мелочь по начальству доносить. Мы не можем!

- Нет, можете, если захотите! - возвысил голос о. Илья, горя румянцем; - вы только священнику уважить не хотите в его справедливейшей просьбе. Так послушайте... послушайте, что я вам скажу!

Он волновался всё более.

- Вы суд неправый творите, суд пристрастный... безжалостный!! Вы не хотите чужой нужды понять, чужой беды покрыть!! Вам ближний, как волк, которого вы поймали в овчарне! С дубинами, с дреколями идете на него. Забываете вы, что у каждого из вас на душе есть тысячи грехов, тайных, никому, кроме Бога, невидимых грехов, которые нуждаются в прощении, в оправдании! Каждому из вас совесть подскажет проступки в тысячу раз худшие, чем воровство из-за нужды, когда нужда человека за горло взяла, душит день и ночь, когда ему жрать нечего, когда на глазах его сохнет жена от голода... кричат дети! Нет, у каждого из вас есть на совести прелюбодеяние, тайное воровство, бесчестный обман словом и делом, мысли беззаконные! Вы убивали человека словом, не помогали беднякам, душили их кулацкими процентами. Вы не чувствовали жалости! Вы звери, звери, а не люди! Помните, для всех вас будет суд! Так же смерть вас застанет внезапно среди грехов ваших, как вы захватили Еремеева, так же Бог будет судить вас, как вы судите его! То будет суд - не ваш, не вашего начальства! То будет страшный суд!!

Голос его звенел, глаза блестели. Он задыхался.

- Страшный... страшный суд!! - говорил он, подымая руки, как будто грозя примолкшему сходу. - Грозные ангелы тьмами там будут окружать лучезарный Престол и перечислять вам все грехи ваши, один за другим - самые тайные, сокровенные! И не найдете вы слов, чтобы оправдаться! Вы будете искать по сторонам испуганным взором, чтобы хоть кто-нибудь замолвил за вас слово. Клянусь вам, что я и тогда выступлю против вас и обличу вас за Еремеева! Если душа его погибнет от вашей несправедливости, то на вас будет ее погибель!

Он почти кричал звенящим голосом:

- Так же скажут вам: «нельзя давать потачку грешникам! в огонь их... в лаву горящую, где скрежет зубовой!» Не дадут вам пощады, потому что сказано: суд без милости не сотворившему милости. И будет вам суд... страш-ш... - Что-то мешало ему в горле. - Страш-ный суд! - выкрикнул он с усилием. И замолчал. Ему стало дурно, голова закружилась, в глазах пошли светлые круги. Он присел на лавку и откашлялся в платок... Кровь!

- Батюшка! Охота тебе с этим народом связываться! - любезно шептал над о. Ильей церковный староста. - Дуботолки они. Расстроил только себя... Право!

Но в толпе уже забродило брошенное о. Ильей горячее слово.

- Старики! - шел говор в толпе, - уважим батюшке. На сам-деле: за кем греха нет? Не людоеды мы. Еремеев ни в чем не был замечен раньше.

- Потачка будет! - шипел писарь, - нельзя старики!

- Не допущу! - кричал и неукротимый черненький казаченок.

Но чей-то грубый голос сказал с оттенком властности:

- Посадить его в холодную дня на три, и больше ничего! Не наказать нельзя, а до начальства доводить не будем. Когда я был атаманом, мы так-то дельвали.

- Пускай и будет так! - кричали в толпе. - Капитон Иваныч! Рви бумагу! Всё общество жедает. На три дня в холодную, и никаких. Батюшка... Уважим твою просьбу!

О. Илья не слышал. Ему было дурно.

Опустившись и осунувшись, шел он через площадь к дому, поддерживаемый под руку старостой. Только на миг остановился он, когда солнце прорвалось вдруг сквозь тучи и осветило даль степей за рекой, влекущую, манящую даль. Но махнул рукой и пошел дальше...

Через площадь плелся, пошатываясь, дякон. Завидя о. Илью, стал кричать:

- Капитан Ку-ук! Су-ди-тсья буду!

О. Илья кашлял.

Сыро было... дождь шел.

Конец.

Гусев-Оренбургский.

Кто умеет, тот делает; кто не умеет, тот учит других. Б. Шоу.

Рождественские и новогодние поздравления из России прислали Александр Капусткин; Игорь Безрук и др. (см. ниже).

Письма читателей

7-12-2012 Уважаемая Тамара! С большим удовольствием получили Вашу посылку. Теперь номера этого замечательного журнала будут храниться в библиотеке краевого государственного казённого учреждения «Государственный архив Хабаровского края». Большое спасибо. С наилучшими пожеланиями Вам и всем авторам статей журнала «Жемчужина». Директор **Ю.В. Сухов**.

Управление по делам архивов Правительства Хабаровского края. Краевое государственное казённое учреждение «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ» (КГКУ ГАХК)

21-11-2012 Дорогая Тамара Николаевна! С радостью обнаружил в почтовом ящике очередной - 52 - номер дорогой "Жемчужины". За что и благодарю сердечно. С нетерпением жду новых текстов для "Живого слова", наши читатели всегда им рады. Помощи Вам Божией, во всём. Ваш Василий Д. Ирзабеков.

23-11-2012 Здравствуйте, Тамара! Спасибо за письма, даю ответ только вечером - не мог попасть на свой почтовый ящик - сын вечером помог. Спасибо за заметку - В царстве гранита - очень хорошие фотографии, и сам текст - как хорошо Вы рассказали о птице воровке, о красоте места, о людях - с удовольствием почитаю ещё... Да, да Вы - правы - Хайку любит точность и чёткость - и необходимо стремиться к этому - я пытаюсь. Ваша поправка: взад и вперёд ходит дед - верна на 100 процентов, и в черновом варианте у меня была задумка поставить так, но затем захотелось недосказанности - чтобы образовались 2 линии для читателя - первая Дедушка Мороз ходит под ёлкой в лесу, и если Дед поставить в конце - читатель по Деду с большой буквы читатель понял бы кто это, а так читая 3 строчку - Мороз может быть, кто то посчитает - что старый дедушка ходит, а мороз может быть или не может не быть, а кто то Что Дед Мороз ходит под елью - в общем пытаюсь, что то придумывать. А Ваши Хайку с удовольствием прочту и попробую найти и переправить вам сайт конкурса Хайку. Да, и путевые заметки по возможности разместите на сайте - я думаю многие оценят положительно. Желаю успехов в творчестве и в так необходимой людям работе - доброе дело и объединяет и созидает.

С уважением Евгений кульба. Россия.

23-11-2012 Дорогая Тамара Николаевна, Огромное спасибо за Ваш замечательный, очередной номер (52) "Жемчужины". Искренне
Ваша, Н. Рыжак.
Центральная Библиотека.
Москва.

25-10-2012 Несмотря на то, что у нас, в Иваново, начал падать первый снег, Ваш подарок принес только радость. Спасибо большое за Ваш труд и огромную любовь к русской литературе и русской культуре. Удачи, всего доброго и новых друзей и читателей. Игорь Безрук, г. Иваново.

26-11-2012 Дорогая Тамара Николаевна! Несказанно рад Вашим замечательным текстам, а потому поспешил опубликовать их в "Живом слове". Что до "Старой Двери", то она поразила меня особенно, настолько глубоко и, одновременно, изящно написано. Спаси Господи за такое утешение!.. Всегда рады Вашим талантливым текстам. Помощи Вам Божией, во всём. Ваш Василий Д. Ирзабеков

18-12-2012 Дорогая Тамара Николаевна! Поздравляю Вас с поэтическим дебютом на страницах "Живого слова"! ...Ваши стихи удивительны, они не могут не трогать до слёз. Они пришли по сердцу не только мне, но и многим читателям "Живого слова". В них столько боли и любви! А "Ворона" - просто шедевр. Пишите, пишите и Бог Вам в помощь! Вы, Ваш талант - знайте это - всегда желанны. В.Д. Ирзабеков, Москва.

31-12-2012 Дорогая Тамара! От всей души поздравляю с наступающим Новым годом и Рождеством Христовым! Желаю всего самого доброго, сокровенного!

Ваш друг Владимир
Иванов-Ардашев.
Хабаровск.

Письма читателей

31-12-2012 Тамара, с Новым Годом и Рождеством Христовым поздравляем всех вас. Таня Lulham. Brisbane.

31-12-2012 Новым Годом и Рождеством Христовым, дорогая Тамара! Дай Бог вам сил и терпения на вашем высоком поприще!

С уважением, Александр Семченко. QLD.

1-1-2013 Тамара! Поздравляю с Новым Годом! Пусть он будет наполнен новыми творческими достижениями, интересными открытиями и радостными сюрпризами! Пусть сбудутся все мечты и радостные ожидания, а новогодняя сказка непременно станет явью! Мира добра и счастья желаю! С Новым Годом! Е. Кульба. Благовещенск.

1-1-2013 Дорогая Тамара! От всей души поздравляю Вас с Новым Годом! Творческих успехов, счастья и любви! И хоро-ших авторов и читателей Вашей "Жемчужине"!

Иван Нечипорук. Украина.

9-1-2013 Дорогие Коля и Тамара! Поздравляем вас с Рождеством Христовым и Новым Годом! Желаем здоровья и всякого благополучия в новом году.

Вера и Костя Супрунович. VIC.

9-1-2013 Томочка, моя дорогая и любимая! Поздравляю тебя с Рождеством Христовым и Новым годом! Желаю счастья, крепкого здоровья и творческих успехов! Обнимаю.

Твоя Наташа (Гребенюкова). Хабаровск.

5-1-2013 Дорогая Тамара Николаевна! Поздравляю Вас и через Вас - всех сотрудников и читателей Вашего замечательного журнала с Новым годом и Рождеством. Пусть наступивший год принесет мир, гармонию, взаимопонимание в каждый дом. Счастья и успехов! Светлого Христова Рождества! Благослови Вас Господь за ту важную культурную работу, которую ведете Вы вместе с "Жемчужиной".

Светлана Скорик. Украина.

31-12-2012 Здравствуйтесь, Тамара Николаевна! Поздравляю Вас с Новым годом! Желаю здоровья, везения в делах, удачи в исполнении желаний, хорошего настроения и благополучия в доме.

С уважением, Н. Калиненко.
Украина.

31-12-2012 Счастья Вам, успехов во всем. Счастливого Нового Года!
С уважением, Алексей Карелин.
Украина.

31-12-2012 Дорогая Тамара Николаевна! Спасибо за поздравление и память! И я Вас поздравляю с Новым Годом и наступающим Рождеством! Желаю Вам всех земных Благ!

Ваша И.Е. Иванченко. Эстония.

1-1-2013 Дорогая Тамара Николаевна, здравствуйте! Спасибо за чудесное поздравление. Позвольте и Вас поздравить с Новым 2013-м Годом и с наступающим Рождеством Христовым. Пусть этот год будет лучше ушедшего високосного. Желаю Вам успехов во всех Ваших творческих начинаниях. Побольше счастливых мгновений. Чтобы дети и внуки только радовали. А главное - здоровья духовного и физического Вам и Вашим близким. Ваш Владимир Шульдяков. Россия.

1-1-2013 Дорогая Тамара! И вас тоже поздравляю с наступающим Рождеством Христовым, Новым годом! Желаю Вам здоровья, счастья, благополучия, исполнения творческих замыслов!

Е. Выборнова. Россия.

2-1-2013 Уважаемая Тамара Николаевна! Вас также с рождественскими праздниками. Удачи, радости, вдохновения!
С теплом, Иван Волосюк. Украина.

1-1-2013 Глубокоуважаемая Тамара! Счастья и здоровья Вам и Вашим близким в Первом Новом Году после конца света!
Сергей Гора. Россия-США.

16-1-2013 Здравствуйтесь Тамара! В Живом Слове прочитал Ваш рассказ - «Старая дверь» («Ж» № 50). Очень понравился, - в небольшой работе у Вас получилось показать сложную жизнь

простых людей - их надежды, стремления, боль, и последний рубеж их жизни. Кто-то сказал - спешите делать добро, а Вы словно дополняете к этим словам: и старайтесь не делать зло. Но говорите Вы читателю без злости - по доброму, это и есть сострадание и милосердие. Очень интересный художественный приём: «дверь» у Вас в рассказе словно живое существо - свидетель событий в жизни героев. Прочитал несколько раз, и каждый раз находил что-то новое, и было искренне жалко Сусанну и других героев рассказа. Спасибо Вам Тамара Николаевна, желаю Вам творческих успехов и выражаю надежду что и в дальнейшем будете радовать нас своими работами. С уважением. Е. Кульба, Россия.

23-1-2013 Здравствуйте, Тамара! Вы представляете собой очень важное звено, тоненький мостик приемственности исшедшей на Восток старой России и нынешней. В этом Ваша уникальность... Очень рад, что Господь познакомил меня с Вами... Всего Вам доброго. Владимир К. Невярович. Россия.

23-1-2013 Здравствуйте Тамара. Прошу великодушно простить меня - задержался с ответом - домашние дела. Но успел ознакомиться в Живом слове с Вашей работой - «Аленький цветок». Право разбирать эту работу предоставлю профессионалам. Я же считаю работа - прекрасная, я прочитал её несколько раз, и думаю - Вам она тоже по сердцу пришлась. Бывает так - получается, и сам осознаёшь, что хорошо, и сомнений нет. Поздравляю Вас. Хотелось бы мне ещё отметить что у Вас хорошо получаются и небольшие работы в 4-6 строк. «Ворона» - как живая получилась; завершение с падением - очень хорошо, а ведь очень сложно в нескольких строчках - как художник мазками - показать читателю красоту мира. Желаю Вам Тамара - успеха, а трудолюбия у Вас хватает, - будем брать с Вас пример. Всего доброго и хорошего.

С уважением. Евгений Кульба. Россия.

В этом мире только Google понимает меня с полуслова.

Сегодня будет Рождество

Сегодня будет Рождество,
весь город в ожидании тайны,
он дремлет в инее хрустальном
и ждет: свершится волшебство.

Метели завладели им,
похожие на сновиденье.

В соборах трепет свеч и пенья,
и ладана серебристый дым.

Под перезвон колоколов
забьётся колоколом сердце.
И от судьбы своей не деться –
от рождества волшебных слов.

Родник небес – тех слов исток,
они из пламени и света.

И в мире, и в душе поэта,
и в слове возродится Бог.

Колдуй же, вьюга-чародей,
твоя волшебная стихия
преобразит в миры иные
всю землю, город, и людей.

Встречаться будут чудеса,
так запросто, в толпе прохожих,
и вдруг на музыку похожи
людские станут голоса.

М. Лермонтов.

Сибирь

Прищуриль глаз, мой пращур пролетел
на скакуне и скрылся в дымке сизой.
Стрела, взлетев, завывала в пустоте.
Стрелок вздохнул и лук угрюмо снизил...

И вдруг повсюду стали города,
и весть победы протрубила вьюга.
Алтайских гор алмазная гряда
страну отцов обороняла с юга.

Сибирь моя! Как бушевал поток,
прорвавшийся из-за Урала в степи,
неся струги казачьи на восток,
к просторам девственных великолепий.

Загрохотал в лучах Владивосток:
суда неслись вокруг Африки, вдоль мира -
перекрестить Андреевским Крестом
Евразию, хранительницу мира.

Святая Русь - Суровая Сибирь.
Так вот и все, что сохранилось с детства...
И от тебя годов изгнанья пыль,
уберегу отцовское наследство.

1932

Алексей Ачаир.

КАПРИЗ

(рассказ)

Тяжело и понуро, по щиколотку утопая в рыхлом снегу, почти ничего не видя окрест себя, низко пригибаясь под встречным взвихренным ветром, возвращался домой капризный старик. Из кармана его торчал свежий нарезной батон - единственная слабость, которую позволял себе старик ежедневно; и где-то в глубине кармана - скромная пластмассовая баночка с самарским шоколадным маслом, полюбившаяся ему в последнее время сладость.

Сладкое, впрочем, он любил с детства, но, даже будучи достаточно взрослым, нет-нет да и раскошелывался иногда то на плитку молочного шоколада, то на бисквит с кремовой прослойкой, то - раньше, неизменно с каждой полочки - на целый торт, опять же с прослойкой из масла, с разноцветными розочками по кругу или мастерски выдавленной кулинарным шприцем веточкой сирени: зеленая ветка, синие или зеленые листочки, белые мелкие цветочки.

Теперь, конечно же, на скудную пенсию свою ни торта, ни шоколада не купишься. Казалось, старик уже и вкус его стал забывать, но вот увидел раз в Посаде - завезли новинку: шоколадное масло. По цене, на килограмм, оно даже дешевле сливочного выходило, а уж за плитку и разговора нет. Может, оно и не масло вовсе, а маргарин какой, раз цена такая, но взял старик домой, попробовал, посмаковал - понравилось. А с батоном к чаю и вообще взалхлеб. Стал покупать регулярно, и поутру уже не мог обойтись без этого тешащего душу добавления.

Но не об этом приходили к нему мысли сейчас: уж слишком вьюжило, слишком колко хлестало встречным ветром в лицо и как будто всё выдуло из головы, кроме одной думы, одного желания: добраться в конце концов домой. Он уже стал жалеть, что вообще пошел в Посад. Сидел бы себе в Володятыне возле жаркой печи, глядел, может быть, в раскаленную топку, где задорно пляшут алые языки пламени, подныривают то тут, то там под березовые поленья и, вырываясь неожиданно из-под них синими вспышками, и взвиваясь, исчезают в ненасытном чреве дымохода. А так - плетется он теперь с лишком три километра по бездорожью, по случайным ориентирам - насосная станция, хлипкий деревянный мосток через скованную льдом речку Ирмес, несколько осиротелых дачных коробок посреди безлесной равнины - к едва заметным на горизонте черным силуэтам володятинских домов на фоне белесого, еще не остывшего заката.

Конечно, если бы не ветер в лицо, не мороз пронизывающий до костей, старик увидел бы, как красиво зимнее небо на закате, как бледная опавшая дымка, опустившаяся на горизонт, не может скрыть ни резких очертаний володятинских крайних хат, ни отдельных, одетых в черное деревенских деревьев, ни высокой - видно даже с окраины Гаврилова Посада - старинной володятинской колокольни... к сожалению, давно запустелой, лишенной колоколов и, соответственно, собственного голоса.

Не мог он залюбоваться и пробившимися, несмотря на ранний час, звездами и длинной, растянувшейся на весь небосвод, вереницей плотных барашковых облаков, плывущих неторопливо на запад. Всё это оставалось для него незамечаемым, потому что стоило ему только на секунду приоткрыть глаза и приподнять голову, чтобы всмотреться - куда идти дальше, как безжалостный ветер тут же проныривал за шарф, под телогрейку и студил грудь. Но вот старик уже перебрался по мостику через реку, взобрался на крутой правый берег, миновал ряд угрюмо застывших дачных домиков, оставил слева темнеющую поросль краснотала и выбрался на заснеженную проселочную дорогу, ведущую прямо в Володятино. Еще минут десять-пятнадцать ходьбы, и он наконец-то будет дома, в тепле, в своем родном и по-домашнему уютном гнезде.

* * *

Евдокия уныло вглядывалась через окно в ночь. Темным-темно. «Где его, безголового дурака, черти носят?» - думала. Что она ему не так сказала - не поймет. Вроде, всё было как всегда: вечером сели за стол, поужинали. Она как обычно что-то сказала ему, а он вдруг ни с того

ни с сего вспыллил, бросил ложку на стол; закричал даже: «Как ты меня извела совсем, не могу больше!» Накинул второпях телогрейку, заячью ушанку, сунул ноги в валенки - и был таков. Как с цепи сорвался! А что сказала-то такого особенного? Ничего. Ничего, что бы не говорила каждый день. Из-за этого разве взрываются так? И раньше это не раз слышал; что сегодня-то нашло? «Дурак, просто дурак», - думала Евдокия, не отрывая взгляда от черного пятна в окне...

Вдогонку ему выпалила: «Иди, иди, дуралей, может, умнее станешь!» Напрасно, наверное... Сейчас мерзнет где-то под чужим сараем, вернуться - ведь гордость заест. А! плевала я на его гордость! Сколько из-за нее страдала? Из-за этой гордости и живут теперь как нищие. А она? Разве она видела что-нибудь в этой жизни после того, как вышла за него? Нормальных сапог на зиму - и то купить не могла: нет денег. А если и были, все шли на детей, себе не оставалось. И опять-таки, все из-за этой ефимовской растреклятой гордости. Одни и смолчат, когда надо, и вытребуют, а у Степана Ефимова один ответ: «Не могу я так - гордость не позволяет». И оставался то без премии, то без пособия... Гордый больно! И работ сколько поменял: «Унижаться-де перед начальством не привык, лизать зад не буду!» Так и прошли лучшие деньки, промелькнули годы...

Со сколькими приятелями разругался: «Этот вор или фискал, а у этого - одна нажива на уме... - чего я должен подавать им руку!» Да разве теперь найдешь кого беленького? Все мы немного нечисты по натуре: кто тащит, кто начальству подошвы чистит, кто над каждой копеечкой трясется. Разве можно всех одним аршином мерить? А он как не от мира сего: «Не брал, и брать никогда себе чужого не позволю; не кланялся никому, и кланяться не буду, хоть тресни!» Ох и характер, не приведи Господь! Только мне каково: ни в компании какой нормально не погуляешь, не отдохнешь. Сколько песен не допела, сколько танцев не доплясала. Прошла жизнь, пролетела как ветер в трубе, и вспомнить нечего...

Так думала Евдокия, стараясь удержать в груди обиду. Но Степана уж полчаса нет. Еще полчаса... И стало понемногу уходить раздражение, сменяясь на тихую печаль. На сожаление. Может, всё-таки зря она так накричала-то на него? Может, напрасно? Да ведь, чего грешить: были-то и хорошие в их совместной жизни дни. А дети какие выросли: сын и дочка! Вдвоем-то вырастили, не отнимешь...

И стало бабе Евдокии грустно, прежнее тепло их долгих супружеских отношений затопило сердце, заставило его тихо зануть, застонать остро: «Зря я его так, напрасно...»

Однако, куда эта жалость и делась-то, когда она услышала, как узнаваемо скрипнула входная дверь... как долетели до ее ушей шаркающие звуки. Выскочила в коридор, увидела краснолицего, озябшего на морозе мужа, и завелась по-новому: «Да где ж тебя, дурака старого, носило-то? В такую стужу! в такую стынь!» Увидев торчащий из его кармана батон, и вовсе разошлась: «За булкой в Посад понесло! Я же утром два батона в лавке купила, не доели еще!» Но в голосе её уже не было прежнего раздражения, была только легкая, незлобивая привычная брань обычной супружеской жизни. И старик мгновенно почувствовал это, и ему вдруг сразу стало хорошо, нежно, приятно и умиленно глядеть, как суетится вокруг него и бурчит незлоливо старушка-жена... слышать, как тикают шелка ходики, бубнит радио, и сладко и радостно трещат в печке дрова, создавая уют в родном, до боли знакомом очаге...

Игорь Безрук. Россия.

*Вчера отвела душу....
Сегодня не могу вспомнить КУДА!*

Объявление в детском саду:
"Уважаемые родители! Не верьте, пожалуйста, всему тому, что рассказывает ваш ребенок про детский сад! В свою очередь, мы обещаем не верить всему тому, что он рассказывает про вас..."

Газетное объявление в рубрике "ПРОДАМ":
"Продаётся парашют. Почти новый. Ношенный один раз. Ни разу не открывшийся. За справками обращаться к вдове Джоана Брауна по телефону 02223345"

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ И НОВЫМ ГОДОМ!

ХРИСТОСЛАВЫ

Под покровом ночи звездной
Дремлет русское село;
Всю дорогу, все тропинки
Белым снегом замело...
Кое-где огни по окнам,
Словно звездочки, горят.
На огонь бежит сугробом
Со звездой толпа ребят,
Под оконцами стучатся,
«Рождество Твое» поют.
«Христославы! Христославы!»
Раздается там и тут.
И в нестройном детском хоре
Так таинственна, чиста,
Так отрадна весть святая
О рождении Христа...

А. Коринфский.

Молодёжный раздел

Не горюй по летним розам;
Верь мне, чуден божий свет!
Зимним вьюгам да морозам
Рады заяц да поэт.
Для меня в беспечной лени,
Как часы ночного сна,
Протекли без вдохновения
Осень, лето и весна.
Но лишь гулкие метели
В снежном поле заревут
И в пушистые постели
Зайцы робкие уйдут,
Песен дева молодая
В буре мне привет пришлет,
И, привету отвечая,
Что-то в сердце запоет.

1832

А.С. ХОМЯКОВ.

СЛЕД ПЫТ

Повесть о лесном детективе

Продолжение...

4. СХВАТКА

Серый Заяц катил огромный кочан капусты по тропинке, ведущей к птичьему двору. От кочана исходил неземной аромат. У длинноухого текли слюнки. Но он не слопал ни одного листочка, ведь капуста предназначалась Ушастику.

Этот кочан выбрал на Лесном огороде сам владыка бора Бурый Медведь.

- Отнеси Ушастик, пусть полакомится, - сказал Медведь Серому Зайцу. - Он заслужил гостинец. Если бы не Ушастик, пропал бы и Лось, и следопыт Смелый.

Серый Заяц очень радовался тому, что сын у него герой. Более того, он считал, что сам тоже мог бы совершить подвиг и сбить браконьеру прицел, окажись он на месте Ушастика. Он катил по тропинке капусту и представлял себе, какие бы совершил героические поступки, если бы всякий раз успевал попасть на место преступления.

На место преступления он опять не попал, а оказался у ворот птичника. У ворот стоял Важный Гусак. При виде его Серый Заяц немножко струхнул и попробовал бочком проскользнуть мимо. Но не тут-то было.

Важный Гусак не пустил его во двор.

- Га-га-га! Покажи пропуск! Га-га-га! Пропуск на секретный объект! - требовал Гусак.

У Серого Зайца, конечно, никакого пропуска не было. Он вновь попытался проскочить мимо Важного Гусака. Гусь ухватил клювом помпончик заячьего хвоста и отшвырнул Серого за ворота.

- Га-га-га! Покажи пропуск! На секретный объект!

- Разве птичник - секретный объект? - удивился Серый Заяц. - О птичнике всему лесу известно.

- А вот и секретный! Вот и секретный! - твердил своё упрямый Гусак.
- Если птичник - секретный объект, то почему ты горланишь об этом на весь белый свет! - разозлился Заяц.

- Хочу и горланю! Хочу и горланю! Га-га-га! Не запретишь! А не нравится, иди жалуйся хоть самому леснику Якову.

- И пойду!

- Ха-ха-ха! - рассмеялся Важный Гусак. - Лесника нет. Га-га-га! Он уехал в город сдавать в тюрьму браконьера Джери. А охрану птичника доверил мне!

- Ясно, - сказал Серый Заяц и понял, что надо идти на хитрость, иначе не попадешь в птичник к Смелому и Ушасту.

Он подкатил поближе к воротам кочан капусты, воткнул в него ветку и стал чиркать спичками.

- Чего это ты? - удивился Гусак.

- Вот сейчас подпалю бикфордов шнур, и эта бомба, - Заяц указал на кочан, - как ахнет! Опрокинет ворота, и тебе не сдобровать!

- Га-га-га! Караул! Подрывают! - вскричал Гусак и метнулся в кучу навоза - только клюв торчит на поверхности.

Серый Заяц миновал ворота и поспешил к конуре Смелого.

Пес лежал у конуры на подстилке и обгладывал мозговую кость.

- Здравствуй, Смелый!

- Здравствуй, Серый!

- А где Ушастик?

- На задании.

- Как так на задании? - огорчился Серый Заяц. - Я ему капусту принес, а его нет. Скажи хоть, на каком задании?

Смелый еще не поправился от ран и трудно ему было разговаривать. Поэтому в беседу встрял Важный Гусак, уже вылезший из навозной кучи.

- Уважаемый Серый Заяц, га-га-га, - начал он. - Ваш уважаемый сын - благородный и храбрый солдат. Но сейчас он находится на краю гибели.

- Как это, на краю гибели, - встревожился Серый Заяц.

- А так, га-га-га. Пока лесник Яков брал в плен браконьера Джери, случилось новое злодеяние. На моих подружек, уважаемых курочек, совершил пиратский налет ястреб Гры-Гры и унес курочку Рябу прямо с насеста. Твой сынок Ушастик, узнав об этом, вызвался выручить курочку Рябу из ястребиного плена. И Смелый отправил его на выполнение задания. Вот так, га-га-га!

- А ты где был, когда ястреб напал на твоих подружек? - набросился на Гусака Серый Заяц. - Небось, тоже у него пропуск спрашивал?

- Неразумно так рассуждать, уважаемый Серый Заяц, - важно ответил Гусак. - Какой у разбойника Гры-Гры пропуск? Клюв да когти. Они любые ворота откроют. Это ясно заранее. Вот я и переждал налет ястреба в навозной куче. Очень удобное убежище. Всегда им пользуюсь.

Серый Заяц даже не удостоил Гусака ответом. Он обратился прямо к Смелому:

- Пойду на подмогу Ушасту.

- Правильно! - похвалил его Смелый. - Иди на север. Туда полетел воздушный пират.

Ушастик скакал по полю. Дорогу к гнезду Ястреба Гры-Гры находил по серым перышкам курочки Рябы. Недалеко от скалы, где затаился разбойник, зайчонок спрятался за кустом шиповника и начал маскироваться. Обвязался ветками и стал незаметным для Ястреба.

Хищная птица парила высоко в небе, выискивала добычу и не догадывалась, что видит внизу не куст шиповника, а юного следопыта Ушастика, подбирающегося все ближе и ближе к ястребиному гнезду.

Вдруг Ястреб Гры-Гры различил в поле Серого Зайца. Не подозревая об опасности, тот бежал с кочаном капусты на плечах. Ястреб камнем упал на Серого, схватил капусту и взмыл в небо.

- Дурак! - закричал Серый Заяц, даже не успев испугаться. - Зачем тебе капуста?

И впрямь, капуста воздушному разбойнику была без надобности. Он вцепился в капусту только потому, что подумал, будто схватил зайца за голову. Осознав свою ошибку, Ястреб бросил кочан на землю и стал гоняться за Серым Зайцем. Но тот юркнул в кусты, спрятался.

Раздосадованный Ястреб поднялся высоко в небо - с высоты легче различить на земле любую зверушку. Но никого не увидел.

В это время Ушастик уже взобрался по скалам в гнездо воздушного пирата. Вытащил из гнезда пленную курочку Рябу, помог ей спуститься вниз. И во все ноги помчался с нею к птичьему двору.

Серый Заяц издали заметил бегущего Ушастика, подхватил качан капусты и ну дожидаться сыночка в кустах! Размечтался, как наградит юного следопыта капустой за его новый подвиг.

Но тут Ястреб Гры-Гры тоже заприметил зайчишку и бросился на него с высоты птичьего полета. Ушастик лег на спинку, задрал задние лапы.

Увидев своего сыночка с поднятыми лапками, Серый Заяц растерялся: «Неужто Ушастик струсил и сдается в плен?» Бросил капусту в кусты и чуть было не заплакал от обиды.

Но Ушастик и не думал сдаваться в плен, он изо всех сил отбивался задними лапами от наседавшего хищника, пока не распорол коготками ястребиное брюхо. Ястреб Гры-Гры упал на землю и тотчас издох.

- Это победа! - закричал Серый Заяц и бросился к Ушастiku, прихватив с собою качан капусты.

Однако Ушастик не захотел лакомиться капустой, он спешил доложить Смелому о выполнении боевого задания. Серому Зайцу вновь пришлось взвалить на спину качан и плестись за Ушастиком и курочкой Рябой. От обиды на сына он не удержался и по дороге слопал всю капусту. Сразу же Серому Зайцу стало легче, он вприпрыжку побежал к птичнику, первым предстал перед Смелым и Важным Гусакom и первым возвестил:

- Ушастик победил Ястреба Гры-Гры! Честь и хвала моему сыночку Ушастiku!

- Честь и хвала! Га-га-га! - провозгласил Важный Гусак.

- Честь и хвала! Ко-ко-ко! - подхватили курочки.

Смелый выслушал рассказ о проведенной операции и поздравил Ушастика:

- Гав-гав! Ты действовал правильно. Задание выполнил на «отлично». Теперь ты не ученик, а настоящий следопыт. Молодец!

А Важный Гусак, подражая Смелому, подошел к Курочке Рябе, похвалил ее:

- Ты отлично держалась в плену. Такая же молодец, как и наш уважаемый Ушастик. Честь и хвала тебе, га-га-га!

Ефим Гаммер. Иерусалим.

Рождественское

В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лен Его волос...

Бык дохнул в лицо Младенца
И, соломою шурша,
На упругое коленце
Засмотрелся, чуть дыша.

Воробьи сквозь жерди крыши
К яслям хлынули гурьбой,
А бычок, прижавшись к нише,
Одеяльце мял губой.

Пес, прокравшись к теплой ножке,
Полизал ее тайком.
Всех уютней было кошке
В яслях греть Дитя бочком...

Присмиривший белый козлик
На чело Его дышал,
Только глупый серый ослик
Всех беспомощно толкал:

«Посмотреть бы на Ребенка
Хоть минуточку и мне!»
И заплакал звонко-звонко
В предраассветной тишине...

А Христос, раскрывши глазки,
Вдруг раздвинул круг зверей
И с улыбкой, полной ласки,
Прошептал: «Смотри скорей!»

Саша Черный

Тузик и его друзья

На Шумном Дворе готовились к Рождеству. Никто не заметил, как Дед Мороз принёс большую красивую ёлку и тихонько поставил её в домике под Леопардом. В этот раз Дед Мороз даже сам её украсил, потому что гномики подтащили кресло к самой двери и на столик поставили бутылку лимонада, так что он успел отдохнуть. Конечно же, Дед Мороз оставил под ёлкой большой мешок подарков...

Гномики с любопытством рассматривали мешок. Они знали, что до вечера в него заглядывать нельзя: надо ждать, когда на ёлке зажгутся огоньки.

И вдруг Бублику и Говорилке тоже захотелось сделать подарки. Самим. Ведь это так интересно!

- То-то обрадуются на Шумном Дворе! - запрыгал от радости Говорилка.

- Маме-Иголочке тоже сделаем сюрприз, - начал загибать пальчики Бублик. - И ещё папе-Лобику, и дедушке Помахайкину, и лягушке у соседнего забора...

Гномики также решили сделать подарочки друг другу. Но об этом вслух не сказали. Потому что - это пока ещё секрет.

- В общем, надо составлять список, - сказал Тузик, и принёс малышам бумагу и карандаш.

Матильда Леопольдовна приготовилась записывать:

- Так... Рябушкам подарим зёрнышки. Под Леопардом соберём сухие ветки...

- Для Тузика попросим у мамы вкусную косточку, - прошептал Бублик на ухо Говорилке.

- А Матильде Леопольдовне... - так же шёпотом ответил Говорилка, - мы ей сделаем новый бантик на шейку!

- А сорокам что? А мне что? - заверещал Базлан. - Мы тоже хотим подарочки!

- Не подслушивай, шалун, - рассмеялся Говорилка. - Мы про вас не забыли: сорокам подарим блестящие пуговицы, а тебе...

- А тебе - н и ч е г о! - сказал Бублик, зажимая уши. - Ты, Базлан, слишком громко кричишь. Не будет тебе никакого подарка...

- Как это, «не будет подарка»? - заступился за попугая Говорилка, - все птицы кричат или поют. Не сердись, Базлан хороший.

Бублик совсем рассердился - теперь уже не только на Базлана, но и на Говорилку.

- Нет, нет и нет, - упрямо твердил гномик. - Ни за что. От его крика ушки болят...

Вот так и получилось, что перед самым Рождеством Бублик и Говорилка - даже сказать страшно! - поссорились. Любая ссора, особенно из-за пустяка, это очень грустно. А уж если это случается перед праздником - слов нет, совсем грустно...

Бублик дулся на братишку весь день. Говорилка тоже притих. К счастью, на Шумном Дворе этого никто не заметил, потому что гномики продолжали готовить подарки. Матильда Леопольдовна заворачивала подарки в красивую, яркую бумагу. Тузик осторожно относил их в домик и складывал под ёлкой.

И вот подошёл вечер, Рождественский вечер. На ёлке разом зажглись разноцветные огоньки. Ёлочка так сияла, что свет лампочек попадал даже на Леопард. Это было настолько красиво, что жильцы Шумного Двора не могли отвести глаз от ёлки. Даже Рябушки проснулись и тихонько закудахтали:

- Ко-ко-ко... красиво-то как!!!

Перед тем, как подойти к подаркам, которые Дед Мороз оставил гномикам под ёлкой, Бублик и Говорилка решили, что надо прежде порадовать жильцов Шумного Двора - раздать им свои, самодельные подарочки. Пусть им тоже будет приятно.

Когда всё было сделано, гномики посмотрели друг на друга и подумали: «Что делать... надо же как-то помириться».

Говорилка протянул братишке мешочек вкусных бубликов.

Бублик очень обрадовался. Не забыл сказать спасибо. Даже перестал дуться, и постарался сделать приветливое личико. Теперь настала его очередь, - он протянул свой подарок Говорилке.

Говорилка взял подарок, сказал спасибо, и уже хотел братишку поцеловать... Но что же сделал Бублик? Он опять надул губки и отвернулся!

Говорилка расплакался:

- Я же твой братик... Если ты меня не любишь, так не дари мне...

Бублик растерялся. Ему стало очень стыдно: в самом деле, зачем так обидел братика!

А Говорилка... Он залез в кроватку и спрятал нос в подушку. И долго обиженно сопел. Потом уснул. Подарок Бублика остался лежать на полу, рядом. Гномик так и не смог его открыть. Потому что, когда не любит тот, кто дарит, то подарок *не радуется*.....

Бублику стало скучно. Он тоже полез в свою кроватку. Долго не мог уснуть, всё время крутился. Что и говорить, стыдно, очень-очень стыдно, оттого что обидел братишку. Понимал, что это надо исправить, но не знал *как*. Наконец гномик не выдержал: вылез из кроватки и подошёл к ёлке – хотелось потрогать на ветках игрушки.

Но... что за диво! Только Бублик протянет руку к шарик, а тот - возьми да отвернись! «Прячется от меня, что ли?» - выпучил глаза гномик. Он решил проверить другие шарики. Но так было со всеми шариками: ни один не дался в руки Бублику. Ничего не понимая, Бублик решил потрогать пальчиком блестящий грибочек. А грибочек - прыг на другую ветку! Тогда гномик попробовал на ёлке звёздочки. Но звёздочки тоже убежали – перескакивали на верхние ветки. И оттуда тихонько звенели: «Стыдно, дружок, стыдно».

И вдруг на ёлке качнулась красивая фея с крылышками:

- Милый шалун, пойд и помирись с братиком! - тихонько заговорила стеклянная фея. – Нехорошо получилось: в такой праздник он из-за тебя плакал...

Гномик потёр ладошкой лобик: «О чём тут ещё раздумывать! Надо помириться. Скорее!»

Не теряя ни минуты, Бублик подбежал к спящему Говорилке. Хлопнул ладошкой по толстенькой спинке, начал его тормошить...

- Эй, прости меня, глупышку... Я давно не сержусь! – и он громко чмокнул Говорилку в горячую заспанную щеку.

От удивления, Говорилка сел в кроватке. Обрадовался: значит, братик его любит! А в это время Бублик поднял с пола свой подарок:

- Ну, пожалуйста, открой... посмотри! Я же для тебя старался...

Говорилка заглянул в пакет: там были теннисный мячик и ракетки... И ещё - маленькая звёздочка на ёлку.

СОДЕРЖАНИЕ

Крещенская ночь (стих. И. Бунин)	1
Рождество Христово (стих. К.Р.)	2
Пороша (стих. С.Есенин)	2
Где сладкий шёпот (стих. Е. Баратынский)	2
Размышление о 400-лети династии Романовых (статья, В.И. Моцардо)	3
Птица Гамаюн (стих. Кн. В. Палей)	8
Немая ночь жутка... (стих. Кн. В. Палей)	8
Я вглядываюсь в жизнь \ Поющее сердце (статья, И. Ильин)	9
Ночь тиха (стих. Фет)	11
Амена (рассказ, А. Толстой)	12
Тайна русского слова (статья, В.Д. Ирзабеков)	22
Крик (рассказ, Бунин)	24
Случай в пути (стих. А. Бывшев)	26
Как старуха пред иконами стояла (стих. М. Тулуевский)	26
Преглупая история (рассказ, Т. Малеевская)	27
Дорога к дому (стих. Алексей Ачаир)	30
Мне стало страшно... (стих. Осип Мандельштам)	30
В этот светлый праздник (стих. А.С. Хомяков)	30
Беги, собака, беги (рассказ, С. Криворотов)	31
Снежная завеса (миниат. А. Смирнов)	32
Князь во князьях (рассказ, Бунин)	33
Новый год (стих. М. Штих)	37
Дымок в тумане (стих. Т. Малеевская)	37
Надежда Николаевна (рассказ, Вс. Гаршин)	38
Поэту (стих. В.К. Невярович)	46
Серый сумрак (стих. Черубина де Габриак)	46
Капитан Кук (рассказ, Гусев-Оренбургский)	47
Письма читателей	51
Сегодня будет Рождество (стих. М. Лермонтов)	53
Сибирь (стих. А. Ачаир)	53
Каприз (рассказ, И. Безрук)	54
Христославы (стих. А. Коринфский)	56
Не горюй по летним розам... (стих. А.С. Хомяков)	56
Следопыт (сказка, Е. Гаммер)	56
Рождественское (стих. Саша Чёрный)	58
Тузик и его друзья (сказка, Т.Н. Малеевская, рис. автора)	59

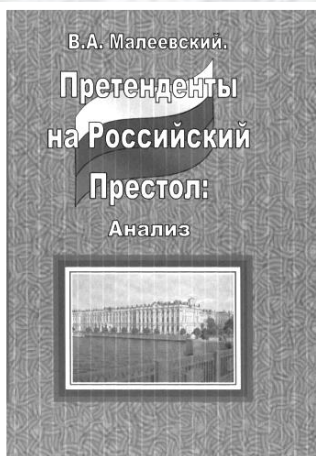
Над номером работали: редактор Т.Н. Малеевская, А.П. Кокшарова.

Журнал можно приобрести в редакции «Жемчужины» - (07) 3161-49-27, в прицерковных киосках Св.Николаевского Кафедрального Собора, Св.Серафимовского храма и Св.-Владимирской церкви (Рокли) в Брисбене, в киоске Покровского Кафедрального Собора в Мельбурне, в киоске Св.Покровского храма в Кабраматте, а также у следующих лиц:

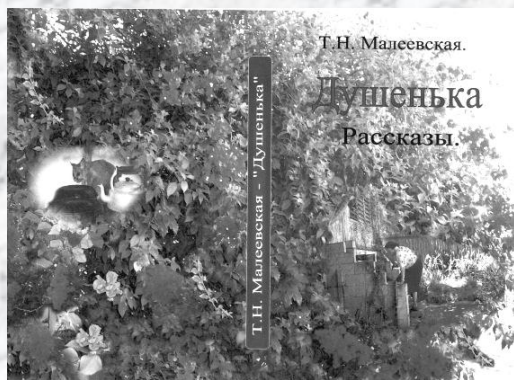
Э.И. Городилова (02) 9727-69-87,

З.Н. Кожевникова (02) 9609-29-87

Рисунки на обложке и к избранным текстам (иниц.) – работы Т. Малеевской (Попковой).

За справками обращаться по тел.
(07) 3161-49-27 (02) 9727-69-87

Сайты связанные с журналом «Жемчужина»

Электронная версия журнала «Жемчужина»
<http://zhemchuzhina.volasite.com>

Новый сайт «Русское Зарубежье», посв. Харбинцам
и послевоенным эмигрантам из Европы –
<http://russkojazarubezhje.volasite.com>

Литературный кружок «Жемчужное Слово»
<http://zhemchuzhnojeslovo.volasite.com>